

**ДРУГ ПО
ПЕРЕПИСКЕ**

ДЖЕЙ ТИ ДЖЕССИНЖЕР

«Не хватает слов, чтобы описать эту историю. Она напряженная, эмоциональная, страстная, мрачная, запутанная и она просто ВЗРЫВАЕТ МОЗГ. Шедевр...»— книжный блог «When Vane Reads».

Первое письмо пришло в день похорон моего мужа. На письме стоял штамп государственной тюрьмы, и в нем было всего одно предложение:

Я буду ждать вечно, если придется.

Письмо было подписано Данте. Никакого Данте я не знала.

Исключительно из любопытства я написала ему и спросила, а чего именно он ждет. Что он ответил?

Тебя.

Я написала этому загадочному мужчине, что он ошибся адресатом. Он сказал, что нет. Я сказала, что мы никогда не встречались, а он ответил, что я ошибаюсь.

Мы играли в эту игру, каждую неделю обмениваясь письмами, которые становились все более личными. А потом письма перестали приходить. И когда я узнала, почему, было уже слишком поздно.

Данте был у моего порога.

И ничто на свете не могло подготовить меня к тому, что произошло дальше.

Джей Ти Джессинжер ДРУГ ПО ПЕРЕПИСКЕ

Перевод: Mia Kordis

Сверка и редакция: DisCordia

Вычитка: Ms.Lucifer & Ведьмочка

I

ПРЕИСПОДНЯЯ

Путь к Раю начинается в Аду.

Божественная комедия

Когда гроб моего мужа опускают в землю, идет дождь. Сильный дождь, будто само небо вот-вот разорвется пополам, прямо как мое сердце.

Я неподвижно стою под зонтиком вместе с другими скорбящими, слушая, как священник бубнит о воскрешении и славе, благословениях и страданиях, искуплении и святой любви Божьей. Так много слов, и все такие бессмысленные.

Все бессмысленно. В моей груди дыра в форме силуэта Майкла, и больше ничего не имеет значения.

Должно быть, поэтому я чувствую себя такой оцепеневшей. Я опустошена. Горе разорвало меня на части, разбросав мои кости по сухой пустоши, где они будут запекаться в тишине под безжалостным солнцем тысячу лет.

Женщина позади меня тихо всхлипывает в носовой платок. Шэрон? Карен? Коллега Майкла, с которой я познакомилась на давней вечеринке для преподавателей. Один из тех ужасных корпоративов в школьном зале, где подают дешевое вино в пластиковых стаканчиках, а люди стоят вокруг и ведут неловкие светские разговоры, пока не напьются достаточно, чтобы высказать все, что они думают друг о друге на самом деле.

Шэрон – или это Карен позади меня – на той вечеринке сказала Майклу, что он придурок. Я не могу вспомнить почему, но, наверное, именно поэтому она сейчас плачет.

Когда кто-то умирает, вы начинаете вспоминать все случаи, когда его вы подвели.

Священник осеняет себя крестным знаменем, закрывает Библию и отступает назад. Я медленно двигаюсь вперед, наклоняюсь, чтобы взять горсть земли из кучи сбоку, затем бросаю ее на закрытый гроб.

Мокрый комок грязи издает уродливый глухой звук, когда приземляется на серую крышку гроба, этаким безразличным шлепок завершенности. Затем он соскальзывает с гроба, оставляя за собой коричневый след, похожий на след от дерьма.

Внезапно меня начинает трясти от гнева. Я чувствую во рту вкус пепла и горечи.

Что это за дурацкий ритуал. Зачем мы вообще так заморачиваемся? Мертвые уж точно не видят, как мы их оплакиваем. Они ушли.

Внезапный порыв холодного ветра треплет листья на деревьях. Я поворачиваюсь и ухожу сквозь дождь, не оглядываясь, когда кто-то тихо, со всхлипом в голосе, зовет меня по имени.

Мне нужно побыть наедине со своим горем. Я не из тех людей, которые любят соболезнования. Особенно если трагедия – моя собственная.

Я открываю входную дверь, и мне требуется мгновение, чтобы осознать, что я дома. Я не помню, как ехала от кладбища, хотя провал во времени меня не удивляет. С момента аварии я была как в тумане. Будто мой мозг укутало одеялом густых облаков.

Я где-то читала, что горе – это больше, чем эмоция. Это и физический опыт тоже. Все виды неприятных химических веществ, вызывающих стресс, попадают в кровоток, когда человек скорбит. Усталость, тошнота, головные боли, головокружение, отвращение к еде, бессонница... Список побочных эффектов очень длинный.

У меня есть они все.

Я скидываю туфли и оставляю их под консольным столиком в прихожей. Бросив свое шерстяное пальто на спинку кухонного стула, я направляюсь к холодильнику. Я открываю

дверь и стою, глядя внутрь, пока дождь барабанит по оконным стеклам, и пытаюсь убедить себя, что проголодалась.

Но нет. Я знаю, что мне следует поесть, чтобы поддержать силы, но у меня ни к чему нет аппетита. Я позволяю двери захлопнуться и прижимаю пальцы к пульсирующим вискам.

Еще и головная боль. Уже пятый раз на этой неделе.

Обернувшись, я замечаю конверт на столе рядом с вазой для фруктов. Он лежит там в одиночестве, белый прямоугольник с надписью, сделанной аккуратным почерком, и штампом в виде красными буквами отпечатанного слова «ЛЮБЛЮ».

Я точно знаю, что его там не было, когда я уходила.

Моя первая мысль – это Фиона, должно быть, она принесла почту. Потом я вспоминаю, что она убирает дом по понедельникам. Сегодня воскресенье.

Так как же конверт туда попал?

Когда я подхожу к столу и беру письмо, от раската грома сотрясаются окна. В кронах деревьев снаружи свистит ветер. Жуткое чувство усиливается, когда я читаю обратный адрес.

Тюрьма штата Вашингтон.

Нахмурившись, я надрываю край конверта и вытаскиваю оттуда лист нелинованной белой бумаги. Я разворачиваю его и читаю вслух.

«Я буду ждать вечно, если придется».

Это все. Больше ничего нет, кроме подписи, нацарапанной под словами.

Данте.

Я переворачиваю страницу, но на другой стороне ничего нет.

В течение какого-то мгновения мне кажется, что письмо, должно быть, предназначено Майклу. Но я отметаю идею, когда понимаю, что оно адресовано мне. Это мое имя прямо там, на лицевой стороне конверта, написано синими чернилами и аккуратными печатными буквами. Этот Данте, кем бы он ни был, написал это письмо именно мне.

Но почему?

И чего же он ждет?

Выбитая из колеи, я складываю письмо вчетверо, засовываю обратно в конверт и бросаю на стол. Затем проверяю, все ли двери и окна закрыты. Я задергиваю шторы и жалюзи, защищаясь от сырого серого дня, наливаю себе бокал вина, затем сажусь за кухонный стол, уставившись на конверт со странным ощущением дурного исхода.

С ощущением того, что что-то надвигается.

И что бы это ни было, это нехорошо.

~

Когда я вытаскиваю себя из постели утром, головная боль все еще со мной, но гнетущее чувство страха исчезло. На улице серо и ветрено, но дождь прекратился. По крайней мере, на данный момент. В Вашингтоне круглый год сыро и пасмурно, а январь особенно унылый.

Я пытаюсь работать, но сдаюсь всего через час. Я не могу сосредоточиться. Все, что я рисую, выглядит депрессивно. Детская книга, которую я иллюстрирую, рассказывает о застенчивом мальчике, который дружит с говорящим кроликом, но сегодня мой кролик выглядит так, будто он скорее наглотается «Перкоцета»¹, чем съест морковь, которой мальчик пытается его накормить.

Встав из-за стола, я направляюсь на кухню. Первое, на что падает мой взгляд, – письмо, лежащее на столе. Следующее, что я замечаю, – вода по всему полу.

За ночь потолок дал течь. Две, если быть точной.

Я знала, что нам следовало купить что-нибудь поновее.

Но Майкл не хотел новый дом. Он предпочитал старые дома с «характером». Когда мы переехали в этот викторианский дом времен королевы Анны шесть лет назад, мы были молодоженами, у которых было больше энергии, чем денег. Мы проводили выходные, крася и стуча молотком, вытаскивая старый ковер и латая дыры в гипсокартоне.

Веселье длилось около трех месяцев. Потом это стало утомительным. Затем превратилось в битву характеров. Мы против дома, который, казалось, был полон решимости оставаться в состоянии упадка, независимо от того, как упорно мы пытались его обновить.

Мы заменяли сломанную водопроводную трубу, а потом отключался обогреватель. Мы обновляли древнюю кухонную технику, а потом обнаруживали ядовитую плесень в подвале. Это была бесконечная карусель ремонтов и замен, которая истощила наши финансы и наше терпение.

Майкл планировал заменить протекающую крышу в этом году.

Иногда я задаюсь вопросом, что останется в моем списке дел, когда я умру.

Но потом я заставляю себя думать о чем-то другом, потому что мне и так достаточно грустно.

Я приношу два пластиковых ведра из гаража на кухню и ставлю их на пол под теми местами, где с потолка капает, затем достаю швабру. Требуется почти час, чтобы собрать всю воду и высушить пол. Как только заканчиваю, я слышу, как открывается и закрывается входная дверь. Я бросаю взгляд на часы на микроволновке.

Десять часов. Как раз вовремя.

Моя экономка Фиона заходит на кухню. Она бросает на меня взгляд, роняет пластиковые пакеты с чистящими средствами, которые держит в руках, и издает душераздирающий крик.

Я даже не подпрыгиваю от звука, и это свидетельствует о том, насколько я измотана.

— Я действительно так плохо выгляжу? Напомни мне немного накраситься, прежде чем ты придешь на следующей неделе.

Тяжело дыша, с побелевшим лицом, она опирается рукой о дверной косяк и крестится.

— Боже правый! Ты до чертиков меня напугала!

Я хмуро смотрю на нее.

— А кого ты ожидала? Санта-Клауса?

Смех Фионы тихий и слабый – такой контраст с ее внешностью и манерами.

Шотландка по происхождению, она пухленькая и привлекательная, с ярко-голубыми глазами, румяными щеками и крепкими ногами. Ее руки красные и огрубевшие от многолетней работы по уборке домов. Хотя ей чуть больше шестидесяти, у нее энергии как у женщины вдвое моложе.

То, что она помогает мне содержать дом в порядке, – дорогая роскошь, но двухэтажный дом площадью более пяти тысяч квадратных футов и, кажется, миллионом укромных уголков и трещин, которые собирают пыль, нуждается в постоянной уборке.

Она качает головой, обмахиваясь веером.

— Уф! У меня аж сердце заколотилось, моя дорогая! — Фиона хихикает. — В последний раз это было так давно.

Затем она становится серьезной и пристально смотрит на меня, вглядываясь так, как будто не видела меня сто лет.

— Как ты, Кайла?

Я отвожу взгляд. Я не могу лгать, глядя прямо в эти пронзительные голубые глаза.

— Я в порядке. Просто пытаюсь себя чем-то занять.

Она колеблется, как будто не уверена, что сказать. Затем порывисто выдыхает и делает беспомощный жест в сторону окна и вида на обложенный облаками Пьюджет-Саунд за ним.

— Я очень сожалею о том, что произошло. Я читала об этом в газете. Такой шок. Могу ли я что-нибудь сделать?

— Нет. Но спасибо тебе, — я прочищаю горло. *Не плачь. Не плачь. Возьми себя в руки.*

— Ты сегодня не занимайся кухней, понятное дело. Я найду кого-нибудь, кто придет и посмотрит на протечку, но пока что нет смысла убирать здесь, если все снова зальет. Мой кабинет на этой неделе не нуждается в уборке, а еще...

Я сглатываю комок в горле.

— Еще, возможно, пропустим кабинет Майкла. Я думаю, что хотела бы оставить все как есть на некоторое время.

— Я понимаю, — мягко говорит она, — так ты останешься?

— Да. Я буду здесь весь день.

— Нет, я имела в виду, ты останешься в доме?

В ее тоне есть что-то странное, подтекст, которого я не улавливаю, но потом я понимаю. Она беспокоится о том, сохранит ли работу.

— О, я не смогла бы продать его сейчас. Еще слишком рано принимать такое важное решение. Может быть, через год или два, когда все будет более-менее улажено. Я не знаю. Честно говоря, сейчас я не заглядываю в будущее.

Она кивает. Мгновение мы стоим в неловком молчании, пока Фиона не указывает через плечо.

— Возьмусь за работу.

— Ладно. Спасибо тебе.

Фиона поднимает сумки с того места, где уронила их на пол, затем поворачивается, чтобы уйти. Но внезапно оборачивается и выпаливает:

— Я буду молиться за тебя, дорогая.

Я не утруждаю себя тем, чтобы сказать ей, чтобы она не тратила время попусту.

Я знаю, что безнадежна, что никакие молитвы во вселенной не могут мне помочь, но это не значит, что я должна быть грубой. Я просто прикусываю губу, киваю и глотаю слезы.

Когда она выходит, мой взгляд падает на письмо на столе.

Я не могу сказать, что заставляет меня это делать, но не успеваю я опомниться, как сажусь писать ответ. Я пишу его на обороте письма, которое прислал мне Данте.

«Чего ты ждешь?».

Я отправляю его по почте, пока у меня не сдали нервы. Проходит неделя, прежде чем я получаю ответ, и он даже короче моего. На самом деле, это всего лишь одно слово.

«Тебя».

В правом нижнем углу бумаги я вижу засохшее пятно ржавого цвета, похожее на пятно крови.

Я кладу письмо в дальнюю часть ящика с нижним бельем и оставляю его там, решив забыть о нем. Если придет еще одно, я могу позвонить милому детективу, который допрашивал меня после аварии, и узнать, что он думает по этому поводу. Может быть, я попрошу его разобраться, кто вообще такой этот Данте и посмотреть, что он сможет выяснить.

Данте Алигьери, судя по имени на обратной стороне конверта, и имя звучит как полнейшая выдумка.

А пока у меня есть другие причины для беспокойства.

Помимо новой протечки крыши также выяснилось, что в доме проблемы с электричеством.

Люстра в столовой мерцает. Я слышу хлопки и потрескивание, когда нажимаю на выключатель в главной спальне. Время от времени сам по себе срабатывает дверной звонок.

Я пыталась дозвониться трем разным местным кровельщикам, но мне никто не перезвонил. Так что теперь я жду мастера по дому, какого-то парня по имени Эд. Я наткнулась на его карточку на дне ящика с кухонным хламом, когда искала ручку.

Не знаю почему, но я ожидаю увидеть пожилого мужчину с лысеющей головой и пивным животом, и с поясом для инструментов через бедра. Вместо этого, когда в ответ на стук я открываю входную дверь, вижу улыбающегося стройного молодого человека с длинными каштановыми волосами, убранными с лица плетеной кожаной повязкой. На нем футболка с Джоном Ленноном, выцветшие джинсы-клеш и сандалии, в руке он держит ржавый металлический ящик с инструментами.

От него разит травкой.

— Привет. Ты Кайла?

— Я.

Ухмыляясь, он протягивает руку.

— Я Эдди.

Я улыбаюсь в ответ, и мы пожимаем друг другу руки. Он кажется милым и безобидным — две вещи, которые я ценю в любом мужчине, которого впускаю в свой дом, когда я одна.

— Входи. Я покажу тебе все.

Эд следует за мной на кухню, отпуская комментарии по поводу того, каким классным, по его мнению, является этот дом.

— Да, он классный, но с каждым днем все больше разваливается на части, — я указываю на два коричневых пятна от воды на потолке кухни.

— Да, этим старым домам нужно много внимания, — он вытягивает шею, чтобы посмотреть на пятна. — Особенно с учетом здешней влажности. Плесень беспокоит?

— Больше нет. Позаботилась об этом несколько лет назад. Прямо сейчас меня беспокоят протечки крыши и электричество, — я даю ему краткий обзор того, что происходит со светом и дверным звонком. — К тому же, когда я включаю сушилку, начинает вонять горелым. И телевизор иногда выключается сам. О, и недавно взорвалась пара лампочек.

Внезапный холодный сквозняк заставляет встать дыбом волосы на моих руках и задней части шеи и посылает мурашки по спине. Дрожа, я потираю ладонями руки, покрывшиеся

гусиной кожей.

Я должна попросить Эдди проверить герметичность окон, пока он здесь. Но сначала о главном.

— Давай-ка я покажу, где находится щиток.

Эдди следует за мной в подсобное помещение в задней части дома рядом с гаражом. Там же находятся стиральная машина, центрифуга и шкафы, в которых хранятся всевозможные хозяйственные принадлежности.

Поставив ящик с инструментами на пол, Эдди открывает металлическую дверцу на щитке и быстро просматривает переключатели.

— Сначала я проверю напряжение, посмотрю, работает ли выключатель на нужной мощности. Затем проверю целостность проводки. Возможно, есть повреждения от воды или проводка износилась, от этого и могут быть все проблемы. Затем я проверю розетки, удостоверюсь, что они не сломаны. Где счетчик?

— Прямо за дверью гаража.

Он кивает.

— Сделаю. Мне потребуется час или около того, чтобы со всем разобраться, затем я составлю смету на ремонт. Как, устраивает?

— Устраивает, спасибо. Чтобы попасть на чердак, нужно подняться на второй этаж через гардеробную главной спальни. Лестница в гараже.

— Круто.

— Кричи, если я тебе понадобится. Я буду рядом.

— Ладно.

Я оставляю Эдди наедине с счетчиком и направляюсь в свой кабинет. Я успеваю немного поработать, прежде чем начинается головная боль — тупая пульсация в висках и внутриглазное давление такие сильные, что они слезятся. Я лежу на маленьком диване с задернутыми шторами и выключенным светом, пока Эдди не появляется в дверях со своим набором инструментов.

— О, извини, подруга. Не знал, что ты спишь. Я просто собирался проверить здесь розетки.

Дезориентированная, я сажусь.

— Я не спала. Просто даю отдых глазам. У меня ужасно болит голова.

Он сочувственно кивает.

— Раньше у меня были сумасшедшие мигрени.

Раньше, в прошедшем времени. Я чувствую странный укол надежды.

— Ты нашел что-то, что помогло от боли? Мне ничего не помогает.

— Ты будешь смеяться. Не возражаешь, если я включу свет?

— Продолжай. И я не буду смеяться, обещаю. Я слишком отчаялась.

Когда Эдди нажимает на выключатель и комнату заливают свет, я вздрагиваю. Пытаюсь встать, но обнаруживаю, что у меня слишком кружится голова. Поэтому я опускаюсь обратно на диван, закрываю глаза и осторожно щиплю себя за переносицу.

Когда я в последний раз ела? Не могу вспомнить.

Эдди бродит вокруг в поисках розеток. Он такой худой, ходит почти бесшумно. Я встречала кошек, которые производили больше шума.

— После того, как я начал посещать психотерапевта, головные боли прошли. Прямо «пуф». Просто прошли. Оказывается, у меня было много подавленных эмоций.

Я открываю глаза и вижу, что Эдди скорчился под моим столом с маленьким измерителем мощности в руке. Он вставляет его в электрическую розетку, ждет мгновение, читая показание, затем встает и переходит к следующей розетке, где повторяет процесс.

— Они называют это психосоматикой. Ваш мозг в буквальном смысле делает вас больным. Стресс и в самом деле настолько токсичен. Офигеть, да?

— Офигеть, — соглашаюсь я. Интересно, Эд живет в коммуне или где-то в социальном доме? Они есть по всему Вашингтону и Сиэтлу, эдакие группы совместного проживания, созданные в шестидесятых — в годы свободной любви, где люди делят жилье и ресурсы и избегают современных вещей, таких как мобильные телефоны и продукты с ГМО.

Я слишком переживаю за свое личное пространство, чтобы жить в такой тесноте с людьми, с которыми у меня нет секса, но не осуждаю ничей жизненный выбор.

Встав, Эдди поворачивается, чтобы посмотреть на меня.

— Я могу назвать тебе имя своего доктора, если хочешь. Конечно, если ты не считаешь, что стресс не может вызвать никаких проблем.

— Считается ли потеря мужа стрессом?

Я не знаю, почему это сказала. Или почему я сказала это так язвительно, как сказала. Обычно я не показываю всем и каждому свои чувства, и я не саркастична, как Майкл. Он справлялся с депрессивными или болезненными вещами с помощью черного юмора, который иногда воспринимался как бесчувственность, но я знала, что это всего лишь механизм преодоления. На самом деле Майкл был мягким человеком.

Эдди в замешательстве смотрит на меня.

— Ты потеряла мужа?

Нет, он не может быть настолько глуп.

— Он умер.

Теперь он как будто поражен.

— О, подруга. Мне так жаль.

— Спасибо.

— Это случилось недавно?

— В канун Нового года.

— Вот дерьмо! Всего пару недель назад!

Мне нужно сейчас же замолчать. С каждым моим словом бедный Эдди расстраивается все больше и больше.

У меня всегда была проблема с чрезмерным сопереживанием другим людям, и это одна из причин, по которым я стараюсь держаться особняком. Чужие эмоции, нагроможденные поверх моих собственных, иногда могут стать удушающими.

— Да, — на этот раз мне удается встать, затем, избегая взгляда Эдди, я спрашиваю: — Итак, каков вердикт?

Во время паузы я чувствую как Эдди оглядывает меня, замечая и скованность в моем теле, и искусственно бодрый тон моего голоса. Может быть, у него тоже выражена эмпатия, потому что Эдди жалеет меня и меняет тему.

— Ну, эта протечка в крыше — настоящая боль. Вода поступает из дыры рядом с башенкой, а это значит, что придется снять черепицу и обрезать дерево, чтобы устранить течь. С учетом фронтонов, башенки и крутого ската самой крыши, прости, но работа тут нужна серьезная. Тебе придется пригласить специалиста.

Мое сердце замирает. Каждый раз, когда приглашается специалист, цена растет.

— Я пыталась дозвониться трем разным кровельщикам, прежде чем нашла тебя, но ни до кого не смогла дозвониться.

Он хихикает, качая головой.

— Да, не знаю почему, но ребята-кровельщики все немного того. Я бы дал рекомендацию, но не знаю никого, кому бы я доверил подобную работу.

— Ладно. В любом случае, спасибо. Я просто буду звонить дальше. Я надеялась, что не придется звонить в ту фирму в Сиэтле, уж очень они дорогие, но, видимо, выхода нет.

После паузы он мягко говорит:

— Если хочешь, я могу посмотреть чек, который ты получишь. Ну, знаешь, чтобы тебя не надули.

Потому что я одна, вот что он имеет в виду. Потому что рядом со мной не будет мужчины, который мог бы договориться за меня.

Потому что человек в моем положении — скорбящий, дезориентированный, отчаявшийся — всегда привлекает мошенников.

Эдди улыбается, и я знаю, что это не флирт. Эдди просто хороший парень, пытающийся помочь человеку, который, как он видит, оказался в беде.

Если бы только весь мир состоял из таких добрых людей.

— Это очень мило с твоей стороны, Эдди. Но я могу с этим справиться. Я происхожу из длинной династии джерсийских девчонок, которые не стесняются врезаться по яйцам.

Его улыбка превращается в смех. У него кривой передний зуб, что, как ни странно, вызывает симпатию.

— Когда-то я знал такую. В ней было всего сто сорок семь сантиметров роста, но она напугала меня до чертиков.

Я улыбаюсь ему.

— Даже маленькие драконы могут дышать огнем.

— Это правда.

— Так, а как насчет электричества? Все плохо, не так ли?

Он пожимает плечами.

— Нет. Все в норме.

Я недоверчиво смотрю на Эдди.

— Что ты имеешь в виду под этим «в норме»?

— Я имею в виду, что нет никаких проблем. Ток сильный, пробки не выбивает, и я не могу найти никаких повреждений в проводке, дуговых замыканий, точек перегрева и неработающих розеток, да и все контакты на месте... — он снова пожимает плечами. — Все путем.

— Не может быть. А как насчет мерцания?

— Возможно, проблема с местной электросетью. Думаю, надо спросить соседей, происходит ли у них то же самое. Некоторым элементам здешней сети более ста лет. Какова бы ни была причина, она не во внутридомовой проводке.

— А взрывающиеся лампочки? Это определенно ненормально.

— Это более распространено, чем кажется. Либо по вине производителя из-за недостаточной изоляции, и из-за этого перегрелась нить накаливания, либо было слабое соединение между лампочкой и розеткой, из-за чего прыгнуло напряжение. Просто всегда проверяй, что не купила дешевую лампочку, и вкручивай плотнее.

Я начинаю немного раздражаться. Он вообще проверил проводку или все это время

курил травку на чердаке?

— Хорошо, но дверной звонок звонит, когда там никого нет. А как насчет запаха гари, когда я включаю сушилку? Как ты это объяснишь?

Эдди колеблется. Я чувствую, как он тщательно подбирает слова.

— Ну, это... в последнее время тебе хорошенько досталось, подруга, — он смущенно добавляет: — Ситуация с мужем и все такое.

В течение короткого мгновения я не понимаю. Потом до меня доходит, и мне приходится сделать вдох, прежде чем заговорить, чтобы не откусить ему голову.

— Мой разум не играет со мной злых шуток, Эдди. У меня нет галлюцинаций на тему проблем с электричеством.

Чувствуя себя неуютно под моим пристальным взглядом, он переминается с ноги на ногу.

— Я не пытаюсь быть неуважительным. Все, что я могу сказать, это что когда у меня были плохи дела, мне казалось, что я слышал шепот и видел движение теней.

— И это все случилось, когда ты был под действием каких-нибудь веществ?

На его лице написано страдание, что я воспринимаю как «да».

Как бы то ни было, я думаю, что наши деловые отношения подошли к концу. Может быть, тот, кого я приглашу чинить крышу, сможет порекомендовать электрика без зависимостей.

— Ладно, забыли. Спасибо, что пришел проверить. Сколько я тебе должна?

Эдди засовывает портативный измеритель мощности в задний карман джинсов, наклоняется, чтобы поднять свой ящик с инструментами с того места, где оставил его на полу, затем выпрямляется и качает головой.

— Нисколько.

— Нет, это неправильно. Ты должен получить компенсацию за потраченное время.

Улыбка Эдди чуть кривая. Он перекидывает свои длинные волосы через плечо.

— Я ценю это, но моя политика такова, что если я не нахожу проблем, визит бесплатный.

У меня есть смутное подозрение, что он просто придумал эту политику прямо здесь и сейчас, потому что ему жаль меня.

— Ты уверен? Я не хочу пользоваться ситуацией.

— Нет, все круто. Но, может быть, если одному из твоих друзей понадобится мастер по дому?..

— Я буду рекомендовать тебя. Спасибо, Эдди, я в самом деле это ценю.

Он ухмыляется мне, сверкая кривым зубом.

— Тогда я ухожу. А ты береги себя, ладно? И позвони мне, если захочешь узнать имя моего доктора. Он действительно лучший.

Я заставляю себя улыбнуться и вру.

— Я так и сделаю. Еще раз спасибо.

— Не провожай. Увидимся.

Эдди уходит. Когда я слышу, как открывается и закрывается входная дверь, то иду следом, чтобы убедиться, что она заперта. Затем я иду на кухню за стаканом воды, но резко останавливаюсь, когда вижу конверт, лежащий на столе.

Даже с другого конца комнаты я вижу штамп «ЛЮБЛЮ» в углу и аккуратный шрифт, которым синими чернилами написано мое имя.

У меня перехватывает дыхание. Сердце начинает бешено колотиться. Мои твердые, до этого момента, руки начинают дрожать.

Затем все светильники на потолке кухни начинают светиться ярче.

С резким жужжанием они мерцают и гаснут.

Дорогая Кайла,

Ты не ответила на мое последнее письмо, и я понимаю, почему, ведь ты думаешь, что мы никогда не встречались. Ты ошибаешься. Я мог бы утомить тебя подробностями, но сейчас просто поверь, что я тебя знаю.

Во всех смыслах этого слова я знаю тебя.

Я знаю, как ты выглядишь, как звучит твой голос, знаю твой вкус и запах.

Я знаю твои самые темные стороны и твой самый яркий свет.

Я знаю твои мечты, твои кошмары и все твои секреты, все безымянные желания, в которых ты никогда не признавалась даже самой себе.

Я знаю форму твоей души.

Я знаю, что твои руки дрожат, когда ты читаешь эти слова, а сердце бьется быстро, словно крылья колибри. Я знаю, ты хочешь порвать это письмо, и еще я знаю, что ты этого не сделаешь.

Как же мне нужно прикоснуться к тебе. Как же мне нужно услышать твой голос. Я, конечно, не могу, потому что я здесь, а ты там, но расстояние не избавляет от тоски.

Я все еще чувствую вкус твоей кожи.

Данте

Я стою у кухонного окна с письмом в руках и перечитываю его в сером послеполуденном свете. Потом еще раз. И еще раз, потому что это настолько странно, что мой мозг отказывается придумывать какие-либо правдоподобные объяснения.

Наверное, потому, что их нет.

Верхний свет снова включается, освещая комнату.

Вскидывая руки вверх, я говорю потолку:

— Жаль, что ты не сделал этого, когда здесь был мистер «Все путем» Эдди!

Затем я складываю письмо, возвращаю его обратно в конверт, кладу на стол и наливаю себе бокал красного вина. Я проглатываю его залпом и импульсивно решаю, что мне нужно убедиться, что дом в безопасности. Я хожу из комнаты в комнату, проверяя оконные щеколды и дверные замки, пока не убеждаюсь, что дом заперт крепко.

После этого я сажусь за кухонный стол и составляю список. Я всегда лучше всего думаю с ручкой в руке.

ВОЗМОЖНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ

- Кто-то пытается меня наебать.

Я тут же вычеркиваю пункт, потому что это очевидно. Вопрос в том, зачем? И почему именно сейчас?

- Этот Данте видел в газете статью о несчастном случае.
- Он чует запах денег.
- Он пытается провернуть аферу с одинокой вдовой.

Как только я это записываю, я понимаю, что попала в цель.

В конце концов, он в тюрьме. Чтобы попасть туда, Данте должен был сделать что-то плохое. И так, у этого человека есть то, что можно было бы вежливо назвать скомпрометированной моралью. Наверняка он проверяет раздел некрологов в газетах и рассылает такие письма молодым вдовам, надеясь, что одна из них клюнет на наживку и напишет ему ответ, и он завяжет отношения и уговорит ее прислать ему много денег.

Но письмо слишком странное, чтобы быть приманкой мошенника. И слишком личное. Этому Данте следовало просто написать, что он одинокий парень, ищущий друга или подругу по переписке, а не рассказывать, что он все еще чувствует вкус моей кожи.

Или что знает форму моей души.

В любом случае, что это вообще значит? Что все это значит?

— Ничего, — бормочу я, уставившись на конверт. — Это мошенничество.

Я специально не пытаюсь понять как письмо попало на мой кухонный стол, и не знаю, как оно туда попало — опять же, — потому что подозреваю, что у меня снова провалы в памяти, и я сама принесла его из почтового ящика.

Меня немного утешает тот факт, что в письме от таинственного Данте не было угроз. Ну да, звучало жутковато со всеми этими «я тебя знаю», но, по крайней мере, он мне не угрожает.

Хотя наверняка Данте и не смог бы. Кажется, я читала, что тюремная переписка контролируется. У него точно были бы неприятности, если бы он попытался отправить письмо с угрозами.

Не то чтобы у него была причина угрожать. У Майкла не было врагов, и у меня тоже.

Мы — обычная супружеская пара из среднего класса, оба трудоголики и вечно устаем, так что наше представление о веселье — уютные посиделки на диване и просмотр фильма по пятницам вечером.

Были. Нашим представлением о веселье *были* посиделки и фильмы.

Их никогда больше не будет.

Внезапное стеснение в груди заставляет меня задохнуться. Голова кружится, я кладу её на руки и слушаю, как дождь стучит по окнам, как тысяча ногтей.

— Он просто придурак-уголовник, который пытается поймать на свою удочку уязвимую женщину, — говорю я столешнице.

Но не чувствую себя лучше. На самом деле, от этого я чувствую себя еще хуже.

Да кто он такой, чтобы посылать мне такое дерьмо?

Кем бы он ни был, у него явно проблемы с психикой.

Я резко сажусь. Может быть, в этом все дело. Может быть, он вообще не пытается меня обмануть.

Может быть, таинственный Данте просто не в своем уме.

Я не уверена, чего во мне больше: сочувствия или трепета. Ну, то есть, если бедняга сидит в камере только потому что у него какое-то невыявленное до этого момента психическое заболевание, и его следует лечить, а не сажать в тюрьму, это одно.

С другой стороны, он же сделал что-то такое, из-за чего оказался в тюрьме. Что если это было что-то жестокое?

Данте может быть опасен.

Я вынимаю письмо из конверта и перечитываю еще раз. Странный импульс заставляет меня поднести его к носу и понюхать.

Слабый запах кедра и древесного дыма наполняет мои ноздри. И что-то еще, землистое и мускусное, похожее на запах мужчины.

Или животного.

Эта мысль выбивает меня из колеи. Я быстро складываю письмо и засовываю его обратно в конверт, затем несую его наверх, в свою спальню, и убираю в дальнюю часть ящика с нижним бельем.

Затем я спускаюсь вниз, включаю компьютер и пытаюсь найти в Сиэтле кровельщиков.

~

Когда два дня спустя раздается звонок в дверь, я стою в прачечной, складываю полотенца. Я направляюсь к входной двери, надеясь, что на этот раз, когда я ее открою, за ней на самом деле кто-то будет.

Да. Есть.

И он не такой милый и улыбчивый каким был Эдди.

Рост и габариты этого мужчины сразу же меня пугают, как и каменное выражение лица. У него темные волосы, темные глаза и темная борода, прикрывающая квадратную челюсть. Одетый в выцветшие джинсы, потрепанные рабочие ботинки и охотничью зеленую рубашку на пуговицах, закатанную на мускулистых татуированных предплечьях, он выглядит так, словно только что вышел из леса после того, как построил себе хижину из деревьев, которые сам же срубил топором.

К моему большому удивлению, я нахожу его сексуальным.

Это удивительно, потому что он совсем не в моем вкусе. Мой тип — парни с Уолл-стрит. Мужчины с одним или двумя высшими образованиями, отличной гигиеной и

глубоким пониманием того, как работает пенсионная система США.

Этот парень похож на основателя подпольного бойцовского клуба.

Он стоит в дверях, пристально глядя на меня в напряженном молчании, пока я не говорю:

— Могу я вам помочь?

— Эйдан.

Когда становится очевидно, что это все, что он собирается сказать, я решаю, что он ищет кого-то по имени Эйдан. Видимо, думает, что Эйдан живет здесь.

— Мне жаль, но здесь нет Эйдана.

На его каменном лице мелькает что-то похожее на презрение.

— Я Эйдан. «Кровли Сиэтла». — Он тычет большим пальцем через плечо, указывая на белый пикап на подъездной дорожке с названием компании, нанесенным красными буквами сбоку.

Смутившись, я смеюсь.

— Ой! Извините, я думала, вы зайдете только на следующей неделе.

— Появилось окно в расписании, — говорит он без тени теплоты. — Решил заскочить. Если сейчас неподходящее время...

— Нет, нет, это здорово, — перебиваю я, распахивая дверь шире. — Пожалуйста, входите.

Эйдан переступает порог. Холл мгновенно становится меньше. Я закрываю за ним дверь и жестом указываю на кухню.

— Я покажу вам, где находятся протечки, если вы хотите начать с этого.

Он отвечает безмолвным кивком.

Я чувствую себя так, словно бешеный волк следует за мной по пятам, когда мы направляемся на кухню. Нет, не волк. Что-то большее и еще более опасное. Может быть, горилла. Или лев.

— Так, вот откуда поступает вода, — говорю я, указывая на кухонный потолок. — Я вызвала мастера по дому посмотреть на электрику. Он осмотрел крышу и сказал что-то о том, что нужно вырезать участок ската и заменить покрытие рядом с башенкой.

Эйдан не смотрит на потолок. Его холодный, твердый взгляд остается прикованным ко мне.

— Так электричество починили?

— Нет. Не совсем.

— То есть? Нет или не совсем?

Он не улыбается, когда говорит это. В его тоне или выражении лица нет и намека на игривость.

Этот Эйдан вовсе не враждебен, просто у меня складывается впечатление, что он предпочел бы быть где-нибудь еще, а не здесь.

Я медлю с ответом, потому что не уверена, хочу ли я вообще видеть этого парня в своем доме. С каждой секундой он раздражает меня все больше.

— Мастер сказал, что не смог найти никаких проблем с проводкой, но у меня все еще есть проблемы.

Эйдан хмыкает.

— Я посмотрю.

— Вы разбираетесь в электричестве?

Его темные глаза встречаются с моими.

— Я разбираюсь во всем.

Он говорит это категорично, как будто я глубоко оскорбила его мужское достоинство. Как будто он не может поверить, что, просто взглянув на него, я не поняла сразу же, что передо мной Капитан Золотые Руки.

Я бы хотела, чтобы здесь был кто-нибудь еще в здравом уме, чтобы я могла повернуться и спросить, а что с этим Эйданом не так, но поскольку я одна, придется разобраться с этим самой.

— А вы, случаем, не разбираетесь в том, как изобразить вежливость? Это может пригодиться вам время от времени. Как прямо сейчас, например.

Он хмурится.

— Вы хотите починить крышу или устроить чаепитие, леди?

От его грубого тона у меня волосы встают дыбом.

— Я не устраиваю чаепитий с дикими животными. И да, я бы хотела, чтобы мне починили крышу и исправили все остальное по дому, но я не плачу людям за то, чтобы они были грубы со мной. К слову, меня зовут Кайла. На случай, если ты не заметил, женщины — это личности со всеми полагающимися чертами. Итак, ты будешь вести себя как человек или уйдешь?

Эйдан проглатывает все оскорбления, которые зреют в его мозгу, и сердито смотрит на меня. Затем поднимает взгляд на пятна на потолке и медленно выдыхает.

— Извини, — говорит он хриплым голосом. — Последние две недели были из рук вон.

Когда Эйдан сглатывает и на его челюсти напрягается мускул, я чувствую себя стервой.

Легко забыть, что у всех остальных есть проблемы, когда ты так поглощена своими собственными.

Я тихо говорю:

— Я понимаю.

Он смотрит на меня. Недоверчиво, как будто все еще ожидает от меня пощечины, отчего я чувствую себя еще хуже.

— Слушай, давай начнем сначала, — я протягиваю руку. — Привет. Я Кайла Рис.

Он смотрит на мою руку. Нечто, похожее на улыбку, приподнимает уголки его рта, но тут же исчезает.

Эйдан берет мою руку и торжественно пожимает ее.

— Приятно познакомиться с тобой, Кайла. Эйдан Лирайт.

Его рука огромная, шершавая и теплая. Как и все остальное в нем — не считая тепла.

Я улыбаюсь и отпускаю его руку.

— Ладно. Теперь, когда все позади, не мог бы ты, пожалуйста, починить мою крышу? Я в отчаянии.

Эйдан наклоняет голову и рассматривает меня.

— Ты всегда так быстро приходишь в себя?

Образ гроба Майкла, медленно опускаемого в землю, мелькает в моем сознании. Моя улыбка гаснет. В горле образуется комок. Я твердо говорю:

— Нет.

Взгляд Эйдана становится острее. Я не могу вынести его пронзительного взгляда. Внезапно мне хочется остаться одной. Я даже чувствую, как горячие слезы наворачиваются на мои глаза.

Отступая на шаг, я скрещиваю руки на груди и говорю:

— Доступ на крышу — через гардеробную главной спальни. Наверху, первая дверь справа. Чувствуй себя свободно. И, пожалуйста, извини меня.

Я поворачиваюсь и оставляю Эйдана стоять посреди кухни.

Я едва успеваю зайти в кабинет и закрыть за собой дверь, как раздражаюсь слезами.

Дорогой Данте,

У меня нет денег, так что давай-ка выбери кого-нибудь другого, если тебе это нужно. Серьезно, я на мели.

Кто ты? Что тебе надо? Почему ты написал мне? Ты сказал, что знаешь меня, но ты ошибаешься. Я не знаю никого с твоим именем, не говоря уже о ком-то, кто сидит в тюрьме.

Я не осуждаю тебя, чтобы ты знал. Но я хотела бы знать, что ты сделал, чтобы попасть туда.

Хотя забудь об этом. Я пишу сейчас только для того, чтобы попросить тебя прекратить мне писать. Если ты прилетишь еще одно письмо, я передам его своему другу-детективу, и пусть он разбирается с тобой.

Искренне,

Кайла

Мне требуется некоторое время, чтобы взять себя в руки, плеснуть на лицо водой из крана в ванной и вытереть глаза. Затем я наклеиваю марку на конверт, вкладываю письмо внутрь, запечатываю его и опускаю в почтовый ящик.

Когда я возвращаюсь в кухню, Эйдана нигде не видно. Я иду в прачечную и заканчиваю складывать полотенца, возвращаюсь в кухню и опустошаю пластиковые ведра в раковину, чтобы поставить их обратно на пол под течи. Затем заглядываю в холодильник в поисках чего-нибудь, хоть и знаю, что не буду есть, потому что у меня нет аппетита.

Аппетит умер вместе с моим мужем.

Я закрываю дверь, прислоняюсь к ней лбом, закрываю глаза и вздыхаю.

Вот так Эйдан и находит меня.

— С тобой все хорошо?

Я оглядываюсь и вижу, что он стоит в дверях кухни, глядя на меня с выражением, которое могло бы быть беспокойством. Или тревогой.

— Честно? Со мной, наверное, никогда не было так нехорошо, как сейчас, — я хмурюсь. — Это было двойное отрицание?

— Не имеет значения. Я понял. Ты не в норме, — произносит Эйдан.

Если он хоть в чем-то похож на большинство мужчин, которых я знаю, он скорее отгрызет себе руку, чем захочет услышать подробности, поэтому я меняю тему.

— Мне станет лучше, если ты скажешь, что можешь починить мою крышу.

— Я могу починить твою крышу.

— Ой. Правда?

Выражение лица Эйдана становится кислым. Я снова оскорбила его мужское достоинство.

— Прости. Просто в последнее время у меня не было никаких хороших новостей, так что я счастлива это слышать.

Он изучает выражение моего лица.

— Ты не выглядишь счастливой.

— Я не счастлива. Это была фигура речи.

Мы молча смотрим друг на друга, пока он не говорит:

— Ты будешь менее счастлива, когда я скажу тебе, сколько это будет стоить.

— Мне присесть?

— Не знаю. Ты склонна к обморокам?

Я поднимаю брови.

— Я бы спросила, не шутишь ли ты, но я почти уверена, что юмор — не твой конек.

— Ты меня не знаешь. Я могу быть весельчаком.

Мы пристально смотрим друг на друга. Ни один из нас не улыбается. Татуировка-череп на его шее выглядит так, как будто ухмыляется мне.

Я спрашиваю:

— Так ты весельчак?

Он отвечает сразу же:

— Нет.

Я ничего не могу с собой поделать: я смеюсь.

— Отлично. В общем, я не счастливая, а ты не веселый. Дело пойдет очень хорошо.

— За исключением того, что я только что заставил тебя рассмеяться, так что, может быть, я все-таки веселый, а ты все-таки счастлива.

Я могу только пялиться на Эйдана, и он говорит:

— Во всяком случае, на какую-то секунду ты была счастлива.

Разве это не странно? Я не могу сказать, странно это или нет. Чувствуя себя неловко и застенчиво, я прочищаю горло.

— Хорошо. Спасибо за это.

— Нет проблем. Итак, за все про все десять тысяч.

Поворот такой резкий, что моему бедному мозгу требуется мгновение, чтобы понять, что он говорит о сумме, которую возьмет за ремонт крыши.

— Десять... тысяч?

— Да.

— Долларов?

— Нет, ракушек. Конечно, долларов.

Я корчу рожу.

— И ты утверждаешь, что ты не весельчак.

— Я составлю смету.

Не говоря больше ни слова, Эйдан разворачивается и выходит из дома.

Я понятия не имею, ушел Эйдан и отправит мне смету по почте или что-то еще, но он сразу же, без стука в дверь, возвращается и садится за мой кухонный стол с блокнотом. И начинает что-то в нем черкать.

Эйдан такой большой, что из-за него стол и стулья выглядят так, словно им место в детском саду.

И вот он вырывает листок бумаги из блокнота и протягивает его мне, и я беру его и просматриваю.

— Работа стоит восемь тысяч, а материалы — всего две?

Эйдан откидывается на спинку стула и скрещивает руки на груди.

— Если хочешь, я привезу все материалы, и ты сможешь сделать ремонт сама.

Умник.

— Чего я хочу, так это справедливой цены.

— Это справедливая цена.

— Как твой труд может стоить так дорого?

— Ты — эксперт в ценообразовании на строительные услуги?

— Нет, но я эксперт по выявлению махинаций, — я поворачиваю запястье, надрывая листок. — И это чушь собачья.

Эйдан смотрит на мое обручальное кольцо.

— Спроси своего мужа, если мне не веришь. Это справедливая цена.

Волна жара поднимается по моей шее. Сердце начинает бешено колотиться в груди. Выдержав его пристальный взгляд, я сухо говорю:

— Я вполне способна сама сделать выводы.

Глаза Эйдана сужаются. Но не так, будто он злится, а так, будто он пытается понять меня.

Затем на кухне мигает свет, напоминая о том, что это грубое чудовище — единственный человек, который перезвонил мне, не считая Эдди, любящего травку хиппи, так что,

возможно, мне пока не стоит выгонять его со своей кухни.

Я пододвигаю стул и сажусь напротив.

— У меня нет десяти тысяч долларов.

Эйдан ничего не говорит. Он просто смотрит на меня.

О, как бы мне хотелось схватить этот листок и изрезать острым краем бумаги его руки!

Не то чтобы вы смогли бы различить порезы на фоне всех этих татуировок, но все же.

Это было бы приятно.

— Я не лгу вам, мистер Лирайт. У меня нет десяти тысяч долларов.

— Я Эйдан. И как ты живешь в доме такого размера, если у тебя совсем нет денег?

— Это очень личный вопрос, на который я не собираюсь отвечать. И я не говорила, что у меня нет денег. Я сказала, что у меня нет десяти тысяч долларов.

Эйдан наклоняется, кладет свои большие татуированные руки на стол и сплетает пальцы вместе.

— Значит, мы ведем переговоры.

Его напор внушительен, но я не хочу, чтобы он думал, что пугает меня. Я выпрямляюсь в кресле и вздергиваю подбородок.

— Ты так говоришь, как будто переговоры — твое любимое занятие.

— Да.

— Хм. А я бы предположила, что это охмурение потенциальных клиентов с помощью ослепительного чувства юмора.

— Нет. Это мое второе любимое занятие.

Мы снова смотрим друг на друга. И снова ни один из нас не улыбается.

Наконец, я говорю:

— Четыре тысячи.

Его фырканье показывает, что он думает о моей начальной ставке.

— Это двойная стоимость материалов.

— Я помню школьную математику, спасибо. Десять тысяч.

— Я думала, мы ведем переговоры.

— Мы ведем.

— Тогда ты не можешь просто продолжать повторять одно и то же число.

— Кто сказал?

— Я!

— К счастью для меня, ты не та, у кого здесь есть преимущество.

Я возмущенно плююсь на Эйдана с открытым ртом. Затем происходит странная вещь: Эйдан улыбается.

— Я просто хотел посмотреть, что ты сделаешь, когда я это скажу.

Я бы хотела переехать его своей машиной. Я твердо говорю:

— Сорок пять сотен.

— Девяносто девять — девяносто девять.

— Ты, должно быть, шутишь.

— Мы уже установили, что у меня нет чувства юмора.

— Если ты собираешься снижать цену на один доллар каждый раз, когда я предлагаю свою цену, мы останемся здесь до следующего года.

Его взгляд ровен, а голос холоден.

— У тебя есть другой дом, Кайла?

Он что, издевается надо мной? Что происходит?

Очередной раскат грома заставляет кухонные окна дрожать в рамах. Дождь начинает лить сильнее, барабана по крыше. Капли, падающие в ведра на полу, набирают скорость, маленькие кап-кап-кап, которые, кажется, издеваются надо мной.

Как и мистер Личность.

— Я не могу позволить себе десять тысяч долларов на ремонт крыши. И девяносто девять — девяносто девять. Так что спасибо за то, что уделил мне время, — я оставляю смету на столе, встаю и смотрю на Эйдана сверху вниз. — Спасибо, что пришел.

Он смотрит на меня снизу вверх. Его темные глаза расчетливы.

— Что если я разберусь с электричеством бесплатно?

— Это щедро, но даже после этого деньги волшебным образом не появятся на моем банковском счете. Приятно было познакомиться. Я провожу тебя.

Я иду к выходу, ожидая, что Эйдан встанет и последует за мной. Когда он этого не делает, я останавливаюсь и оборачиваюсь.

Он все еще сидит там, за моим кухонным столом и даже не смотрит на меня, а наблюдает, как вода капает в ведра на полу.

— Мистер Лирифт.

Не поворачивая головы, он говорит:

— Эйдан. И если ты можешь позволить себе пять тысяч, я знаю парня, который может помочь.

Я обдумываю предложение.

— У него есть лицензия?

Эйдан чуть заметно покачивает головой, будто изумляясь моей глупости.

Я сердито говорю:

— Я не позволю работать в моем доме никому, у кого нет лицензии и страховки. И уверена, что мне не нужно говорить, почему.

Плечи Эйдана поднимаются и опускаются, когда он вдыхает и выдыхает. Он проводит рукой по своим густым темным волосам, затем снова качает головой и встает.

Подходит ко мне и смотрит на меня сверху вниз.

— Это я. Я тот самый парень. Я вернусь рано утром. Наличными или чеком, я не принимаю оплату с карточек.

Затем он проходит мимо меня и уходит, не спросив, договорились ли мы.

Он уже знает, что договорились, потому что я в отчаянии.

Этот сукин сын только что поставил мне мат.

Ровно в восемь часов следующего утра мистер Личность стучится в мою дверь.

По правде говоря, он колотит по ней изо всех сил. Как будто он — командир группы спецназа, и ему поручено уничтожить группу обезумевших террористов, чтобы спасти жизни сотни захваченных ими людей.

Я открываю дверь и смотрю на Эйдана.

— Доброе утро, мистер Лирайт. Что за чрезвычайная ситуация?

Нахмурившись, он оглядывает меня с ног до головы.

Поскольку в доме холодно, на мне толстый свитер с пуховым жилетом поверх него, а также спортивные штаны и шарф, но этот мужчина смотрит на меня так, будто у меня на голове пчелиный улей, а на ногах — кожаные шлепки без задников.

— У тебя все хорошо? — интересуется Эйдан.

— Разве я выгляжу так, как будто у меня не все хорошо? Нет, не отвечай. Почему ты пытался выломать мою дверь?

— Я стою здесь уже десять минут.

— Я вижу, твое чувство времени так же хорошо, как и чувство юмора.

Мой гость поднимает руку. На его толстом запястье надеты массивные черные часы. Какая-то спортивная штука, которая отслеживает шаги и шпионит за вами, пока вы спите. Он постукивает по дисплею. На нем — десять минут девятого.

— Десять минут. И в четвертый раз — я Эйдан.

Разве я только что не смотрела на часы на кухне? Они точно показывали восемь часов.

— Извини, — говорю я нервно. — Мои часы, должно быть, остановились.

— А слух отключился?

Поскольку, как видно, это уже наш привычный способ взаимодействия, какое-то время мы стоим и молча смотрим друг на друга.

— Слушай, тыпустишь меня или нет? — наконец требовательно спрашивает Эйдан.

— Я еще не решила.

— Что ж, решай. Я не становлюсь моложе.

Сколько Эйдану лет? Тридцать? Тридцать пять? Трудно сказать. Он в отличной форме в любом случае. Боже, какие огромные бицепсы. И эти бедра могли бы раздавить «фольксваген».

— Да, заходи, — говорю я слишком громко, пытаюсь заглушить идиотский голос в голове, восхищающийся этими большими глупыми мышцами.

Избегая его взгляда, я оставляю дверь открытой, поворачиваюсь и иду на кухню. Сажусь за стол, потом снова встаю, потому что не знаю, чем себя занять.

Входная дверь закрывается. Тяжелые шаги пересекают фойе. Эйдан неуклюже входит в кухню и останавливается в паре метров от меня.

Мы начинаем нашу молчаливую игру в «Кто первый скажет что-то странное».

Я не выдерживаю напряжения раньше.

— У меня есть деньги.

Он смотрит на мои пустые руки.

— Мне нужно покопаться на твоём заднем дворе, или ты отдашь их мне сама?

— Знаешь, я думаю, ты солгал, когда сказал, что у тебя нет чувства юмора. Я думаю, ты

большой гребаный комик.

— Ты можешь ругаться при мне, если хочешь. Мне все равно.

Я пользуюсь моментом, чтобы помассировать свой пульсирующий лоб, прежде чем вздохнуть.

— Щедрое предложение. Спасибо. А я-то всю ночь не спала, беспокоясь о том, как бы не ранить твою нежную натуру.

— Не за что. И для протокола, моя нежная натура так же прочна, как и мой юмор.

Либо Эйдан пытается не улыбаться, либо у него спазмы в животе. Трудно сказать. У этого человека лицо, как кирпичная стена.

— Ты сказал, что чеком нормально, верно?

Он наклоняет голову.

Сегодня Эйдан одет в другую версию костюма дровосека: расстегнутая на груди выцветшая фланелевая рубашка в черно-красную клетку, которая сочетается с такими же выцветшими джинсами. Его ботинки...

— О нет.

Проследив за моим взглядом, он опускает взгляд на свои ноги.

— Что?

— Ты оставил грязные следы по всему полу.

Эйдан снова смотрит на меня.

— У тебя нет дверного коврика. И на улице дождь.

— Ты верно подметил.

— К тому же, этот пол все равно довольно грязный.

— Извини, но я только что его протерла.

— Когда? Сто лет назад?

Моя шея начинает пылать от гнева. Черт, этот парень действует мне на нервы!

Свирепо глядя на него, я решительно говорю:

— Да, мистер Лирайт. Сто лет назад. Я пойду за своей чековой книжкой. Мне выписать чек на имя Годзиллы или оставить эту строчку пустой?

— Годзилла — самое то, — отвечает он, пристально глядя на меня. — А что я должен написать в квитанции? Леди-дракон с печальными глазами?

Я не могу спорить с первой характеристикой. Но вторая меня раздражает.

— У меня не печальные глаза.

Он некоторое время рассматривает меня, прежде чем сказать:

— Это не мое дело, но если тебе нужна помощь...

— Мне не нужна никакая помощь, — горячо перебиваю я. — Все хорошо. Со мной все хорошо.

— Я не говорил, что это не так, — мягко отвечает Эйдан.

Но его взгляд не так спокоен, как его голос. Его взгляд — будто кулак, колотящий по моей двери, требуя ответа.

— Знаешь что? — говорю я, чувствуя, как колотится сердце. — Не думаю, что это сработает. Прости за неудобство, но я прошу тебя сейчас же уйти.

Дождь барабанит по крыше. Ветер дребезжит в окнах. Где-то наверху хлопает расшатанная ставня, стонут ржавые петли.

После долгого, напряженного момента Эйдан говорит:

— Хорошо, — а потом поворачивается и идет к входной двери.

Я чувствую облегчение, пока Эйдан не оборачивается и не смотрит на меня. Его глаза темные и пронизательные. Такое чувство, что они могут заглянуть глубоко в мою душу.

— Но если ты передумашь, Кайла, у тебя есть мой номер.

Я не знаю, имеет ли он в виду, что я передумаю насчет того, что мне нужна помощь с крышей, или насчет чего-то еще.

Эйдан выходит, закрывая за собой входную дверь.

Как только Эйдан покидает мой дом, я снимаю шарф с горячей шеи и иду в ванную дальше по коридору. Я включаю свет, затем встаю перед зеркалом и смотрю на себя, пытаюсь определить, что не так с моими глазами.

Я ахаю от шока, когда вижу уродливые фиолетовые пятна вокруг своей шеи.

То, что прямо под мочкой левого уха, выглядит будто след, оставленный большим пальцем.

~

Пять дней спустя отметины на моей шее полностью исчезли. Я поискала в Интернете причины необъяснимых синяков и нашла кучу, от диабета до дефицита витаминов.

Учитывая мое скудное питание и стресс, которому я подвергалась в последнее время, решаю, что причина в последнем. Вероятно, у меня анемия, что также объясняет усталость.

А еще следы могли остаться после несчастного случая.

Но я не хочу думать об этом. Потому что думать об этом означало бы вспоминать, переживать заново, а я еще не готова. И сомневаюсь, что когда-нибудь буду. Я сложила тот ужасный день в коробку и поставила ее на верхнюю полку в глубине своего сознания.

Помня о том, насколько хрупко мое психическое равновесие, я решаю посещать местную группу по поддержке переживших утрату.

Встреча проводится в центре для пожилых людей. Дюжина или около того складных металлических стульев расставлена по кругу в центре уродливого коричневого коврового покрытия. У стены — шаткий деревянный стол, накрытый белой пластиковой скатертью, с кофейником, чайником и покосившейся стопкой пластиковых стаканчиков. Повсюду развешаны плакаты с улыбающимися пожилыми людьми и напоминаниями о необходимости делать ежегодные прививки от гриппа. Единственное окно выходит на парковку и дождливый вечер за ней.

Когда я прихожу, несколько человек уже сидят на стульях. Судя по тому, как они болтают, я могу сказать, что все они знают друг друга. Чувствуя беспокойство, я направляюсь к столику с кофе и наливаю себе. Пока я раздумываю, остаться или выйти за дверь и быстро сбежать, ко мне подходит женщина и тянется за пластиковым стаканчиком.

— В первый раз? — спрашивает она, наливая себе кофе.

— Да. Вы?

— Ох, нет. Я прихожу в эту группу уже шесть лет.

Она поворачивается ко мне, улыбаясь. Она брюнетка, лет сорока, модная, на каблуках, в костюме от Chanel цвета слоновой кости и с огромным бриллиантовым кольцом на пальце. Ее кожа безупречна, а стрижка стоит больше, чем весь мой наряд. Она невероятно хорошенькая.

Я чувствую себя комком грязи, стоящим рядом с единорогом.

— Вы не обязаны участвовать, если не хотите. Никто не станет принуждать к откровениям, вы можете просто сидеть и слушать. Я делаю так. Иногда достаточно просто быть рядом с другими людьми, которые понимают, через что ты проходишь. Ян — лидер

группы, — говорит она.

Девушка жестом указывает на долговязую седовласую женщину в развевающемся платье с цветочным узором, которая входит в дверь. Ян приветствует группу и садится на стул, роняя свою объемистую сумку на пол.

— Я Мэдисон, — добавляет женщина рядом со мной.

— Привет, Мэдисон. Я Кайла. Приятно с вами познакомиться.

Я хочу спросить, почему она здесь, но не делаю этого. Я еще не знаю правил. И я не хочу обидеть кого-то, кто настолько любезен, что заметил мою панику.

И, как будто она может читать мои мысли, Мэдисон говорит:

— Мою дочь похитили, когда ей было четыре года. Полиция так и не нашла ее.

Я чуть не роняю свой кофе. Прикрываю рот рукой и шепчу:

— О боже мой. Мне так жаль.

Мэдисон делает глоток из стаканчика, затем смотрит в него, как будто что-то ищет.

— Это моя вина. Я отпустила ее руку, когда мы ходили за покупками в торговый центр. Всего на секунду, чтобы проверить сообщение от мужа, но когда я подняла глаза, ее уже не было.

Мэдисон поднимает голову и встречается со мной взглядом. В ее глазах — призрак прошлого.

— Это самое худшее. Что это была моя собственная вина. Это и незнание, жива ли она еще. ФБР заявило, что если пропавший ребенок не найден в течение двадцати четырех часов, то, скорее всего, его никогда не найдут. Они отказались от поисков через шесть месяцев, потому что не было никаких зацепок. Как будто Оливия растворилась в воздухе. И с тех пор каждый день я задаюсь вопросом, что случилось с моим ребенком. Кто забрал ее. Что они могли с ней сделать.

Глаза Мэдисон стекленеют, как будто она смотрит на что-то далекое. Ее голос затихает.

— Оливии сейчас было бы десять лет. Понятия не имею, сколько часов я потратила на поиск сайтов с детской порнографией в Даркнете, разыскивая ее. Единственное, что удерживает меня от самоубийства, — это надежда, что однажды я увижу девочку с одним голубым глазом и одним карим в одном из этих ужасных видео, и я смогу снова обнять ее.

Кажется, меня сейчас вырвет. Мои руки так сильно дрожат, что кофе в стаканчике расплескивается, чуть не переливаясь через край.

Мэдисон переводит свой затравленный взгляд на меня. Она больше не кажется модницей. Кажется, за несколько минут она постарела на десять лет, и теперь выглядит именно той, кто она есть.

Женщиной, живущей в аду.

Слезы наворачиваются ей на глаза, она хрипло говорит:

— Как вы думаете, она смогла бы простить меня?

Мне хочется разрыдаться. Но я кладу свою дрожащую руку на ее предплечье и говорю:

— Здесь нечего прощать. Человек, который забрал ее, — вот кто зло. Это была не ваша вина.

Она печально улыбается.

— Так говорит мой психотерапевт. Но я в это не верю. Как и мой муж. Он бросил меня ради другой женщины. Она намного моложе. Я недавно услышала, что у них будут близнецы.

Раздается голос:

— Если все готовы, мы можем начать.

Ошеломленная, с ощущением тошноты в животе, я оглядываю группу. Ян машет двум людям, которые только что вошли в дверь. Когда я поворачиваюсь обратно к Мэдисон, она уже уходит.

Я хватаю ее за руку и в отчаянии спрашиваю:

— Вам помогла эта группа?

Она смотрит на меня в течение одного короткого мгновения, прежде чем тихо сказать:

— Как вы думаете?

Затем Мэдисон поворачивается и уходит. Она садится за стол и смотрит на свой кофе.

Никто не здоровается с ней. Она тоже никого не приветствует. Как будто она находится в своем собственном маленьком пузырьке боли, отрезанная от всего остального.

Я представляю себя через шесть лет, рассказывающей незнакомке у этого самого стола о том, что случилось с моим мужем. И если она задаст мне вопрос о том, помогла ли группа, то без тени сомнения мой ответ будет таким же, как у Мэдисон.

Большое жирное долбаное «нет».

Я ставлю стаканчик на стол и выхожу, не оглядываясь.

Через дорогу от центра находится бар под названием «У Коула». Его желтая неоновая вывеска светится, как маяк. Не обращая внимания на дождь и не думая о том, чтобы поискать пешеходный переход, я бегу прямо через бульвар и открываю тяжелую деревянную входную дверь.

Как только я вхожу внутрь, я замечаю Эйдана Лирайта, сидящего в кабинке в углу.

Эйдан сразу же замечает меня. Он собирался сделать глоток, но застывает со стаканом пива на полпути ко рту.

Слишком поздно притворяться, что я его не видела. Поэтому я коротко киваю Эйдану и подхожу к бару. Сажусь и смотрю в противоположном направлении, изучая интерьер.

В освещенном зеркале за стойкой бара отражаются полки с ликером. Красные кожаные кабинки тянутся вдоль боковой и противоположной стены. В другом конце комнаты бильярдный стол ярко освещен сверху лампой с логотипом «Будвайзер». В остальном заведение темно и пахнет несвежим пивом, картошкой фри и табаком.

Таким может быть любой бар в любой точке планеты.

Я нахожу эту обыденность странно успокаивающей.

— Что ты будешь пить?

Бармен, хипстер в очках, одетый в джинсы с подтяжками и с вязаной черной шапочкой на голове, выглядит лет на восемнадцать. Это заставляет меня чувствовать себя древней, и я ненавижу его за это.

— «Джонни Уокер Блю», — говорю я ему. — На три пальца. Чистый.

— Отлично, — говорит он, кивая. Как будто мне не насрать на его мнение.

Успокойся, Кайла. Он просто делает свою работу. Я посылаю парню слабую улыбку, чтобы загладить свои недобрые мысли. Он смотрит на меня встревожено — так, будто думает, что могу заигрывать с ним, и быстро отворачивается, потянувшись за бутылкой.

Я ставлю локти на стойку, опускаю голову на руки и вздыхаю.

Рядом со мной звучит низкий голос:

— Ты в порядке?

Мое сердце замирает. Я даже не поворачиваюсь, чтобы посмотреть на говорившего. Я знаю, кто это.

— Вы спрашиваете меня об этом уже в третий раз, мистер Лирайт.

— И это уже пятый раз, когда ты называешь меня по имени моего отца. Мне не нравился мой отец. Вот почему я снова прошу тебя называть меня Эйдан.

Я поднимаю голову и смотрю на него. Эйдан опирается на стойку и смотрит на меня сверху вниз своими темными глазами. Выражение его лица серьезное, граничащее с напряженным, но я не думаю, что это из-за имени.

Я думаю, он беспокоится обо мне.

Да, мы оба обеспокоены.

— Я прошу прощения.

— Извинение принято, — мгновенно говорит он. — Что ты здесь делаешь?

Бармен-хипстер ставит передо мной напиток, затем уходит, чтобы позаботиться о другом клиенте. Я беру стакан и поднимаю его над головой.

— Наслаждаюсь исключительным шотландским виски.

— Без мужа?

Я замираю. Потом вспоминаю, как дышать, и делаю глоток.

— Какой ты наблюдательный.

Он смотрит на мой профиль с таким непоколебимым вниманием, что мне хочется спросить, не пытается ли он запомнить его, чтобы потом легко узнать в полиции.

Затем Эйдан садится рядом со мной.

Дерьмо.

— Не нужно делать такое лицо. Я не кусаюсь.

— Я не делаю никакое лицо. А насчет укусов — это спорно.

— Я тебе не очень нравлюсь, не так ли?

Я тяжело выдыхаю, затем делаю еще один глоток виски.

— Это прозвучит банально, но дело не в тебе. А во мне.

— Ты права. Это действительно звучит банально.

— Если бы я сказала тебе причину, ты бы понял.

— Так скажи мне причину.

Эйдан сидит лицом ко мне, ноги расположены так, что его бедра находятся по обе стороны от моего стула. Я не в ловушке — могу повернуться в другую сторону и прыгнуть, — но почему-то мне кажется, что я в ловушке.

Я смотрю на Эйдана краем глаза. Сегодня вечером он одет в черную футболку и черную кожаную куртку, с джинсами в тон. Даже его ботинки черные. Он больше, чем когда-либо, похож на основателя подпольного бойцовского клуба.

— Я... я переживаю довольно трудные времена.

— Твой дом, — подсказывает он.

У меня такое чувство, что Эйдан знает, что мои трудные времена не имеют никакого отношения к дому. Он просто хочет, чтобы я продолжала говорить. Я прочищаю горло, облизываю губы и размышляю, как много ему сказать.

— Есть кое-то более личное, чем дом.

Пара занимает два стула слева от меня. Они смеются и говорят о фильме, который только что посмотрели. Мужчина небрежно обнимает женщину за плечи, притягивая ее для поцелуя. Наблюдая за ними, я чувствую, как сердце пронзает стрелой тоски.

Поцелуй. Дружеское общение. Простая радость быть с кем-то, кого ты любишь, смеяться и пить вместе.

Думаешь, что у тебя есть все время в мире — и вдруг, в один миг, эти часы перестают идти.

Мое горло сжимается. Щиплет глаза. Я резко встаю и ставлю свой стакан на стойку. Сдавленным голосом я говорю:

— Мне нужно идти.

Не говоря ни слова, Эйдан забирает мой стакан, нежно берет меня за руку и уводит к кабинке в углу, где сидел ранее.

Изо всех сил стараюсь не заплакать, я позволяю ему себя вести. Я сажусь первой. Вместо того чтобы сесть напротив меня, он садится рядом.

Когда я напрягаюсь, Эйдан говорит:

— Ты можешь плакать, если тебе нужно. Отсюда тебя никто не увидит.

Он прав. Его массивная фигура загораживает остальную часть бара. Мы только вдвоем, лицом к стене, на которой висит копия «Собак, играющих в покер»² в рамке.

Я опускаю плечи, откидываю голову на спинку стула и прижимаю кончики пальцев к глазницам.

Мы сидим так, кажется, очень долго, на заднем плане играет музыкальный автомат, в воздухе разносится низкий гул разговоров и звон бокалов. В конце концов, я слышу звук стакана, скользящего по столешнице в мою сторону.

— Виски поможет. По крайней мере, на какое-то время.

Я смотрю сквозь пальцы. Стакан «Джонни Уокер Блю» стоит на столе передо мной. Слева сидит Эйдан и смотрит на меня сверху вниз полуприкрытыми глазами.

Я шепчу:

— Спасибо, — и поднимаю стакан, осушая его одним глотком.

Эйдан хмыкает. Я не знаю, означает ли это одобрение или неодобрение, и мне по хрен в любом случае.

Он ловит взгляд бармена, поднимает два пальца и жестом просит еще. Мальчик-хипстер кивает.

Мы больше не разговариваем, пока наши напитки появляются на столе и бармен не уходит своей дорогой.

Эйдан говорит тихим голосом:

— Он причиняет тебе боль? Бьет тебя?

Я знаю, кого он имеет в виду под «он», и почти смеюсь над этим. Майкл был самым неагрессивным человеком на планете. Он даже не мог смотреть боксерские поединки, потому что насилие его расстраивало.

— Нет.

Молчание Эйдана кажется полным сомнения.

Я знаю, что не обязана ничего объяснять, но Эйдан добр ко мне, и явно обеспокоен, поэтому я неохотно говорю полуправду.

— Он... оставил меня.

— Вы расстались?

Это один из способов обозначить произошедшее.

— Да.

Он делает большой глоток пива, затем ставит стакан на стол.

— Я никогда не был женат. Не вижу в этом смысла.

— Ты бы понял смысл, если бы когда-нибудь был влюблен.

— Ты так говоришь, как будто думаешь, что я никогда не был.

— А ты был?

Эйдан делает еще один глоток пива. Облизывая губы, он пристально смотрит на меня.

— Нет.

— Тогда ты не знаешь, чего лишаешься.

Его взгляд становится пронизательным.

— Да, по тебе видно, что это очень весело.

Это больно. Ярываю зрительный контакт и делаю глоток из только что принесенного шота.

— Это того стоит. Неважно, насколько все может быть плохо, неважно, если в конце концов все развалится, это стоит каждой минуты.

— Даже когда все заканчивается тем, что ты плачешь в баре рядом с незнакомцем?

— Да. И я не плачу. И технически, ты не незнакомец.

Эйдан выдыхает через нос, что может быть смехом.

— Ладно. Я поверю тебе на слово.

Он откидывает голову назад и допивает остатки своего пива. Я отпиваю еще виски и терблю обручальное кольцо, прокручивая его большим пальцем вокруг безымянного. Эйдан замечает.

— Могу я задать тебе личный вопрос?

— Было бы здорово, если бы ты этого не делал.

Игнорируя это, он говорит:

— Ты находишь меня привлекательным?

У меня перехватывает дыхание. Сердце летит галопом. Я ставлю стакан на стол и осторожно говорю:

— Я замужем.

— Я не это спрашивал.

— Эйдан...

— Потому что я думаю, что ты красивая. Грустная, немного стервозная, но чертовски красивая. Я хочу, чтобы ты сегодня вечером поехала со мной.

Ошеломленная, я таращусь на него, разинув рот.

— Что?

Эйдан не улыбается. И не отвечает. Он просто смотрит прямо мне в глаза и ждет.

Я отрываю от него взгляд и фиксирую его на вставленной в рамку копии «Собак, играющих в покер», пока пытаюсь взять под контроль дыхание.

— Я не сплю с незнакомцами.

— Ты только что сказала, что я не незнакомец.

— Отлично. Я также не сплю и с недавними знакомыми.

— Посмотри на меня.

— Я бы предпочла этого не делать.

Эйдан берет меня за подбородок и поворачивает мою голову так, чтобы я смотрела ему в глаза.

— Ты находишь меня привлекательным?

Мое тело вспыхивает пламенем. Я нервно сглатываю, затем говорю:

— Нет.

— Хорошо. Давай попробуем еще раз. И на этот раз будь честна со мной. Ты находишь меня привлекательным?

Я прикусываю нижнюю губу зубами и жую ее. Его взгляд опускается на мой рот, затем возвращается к моим глазам.

Держа руку на моем подбородке, Эйдан хрипло говорит:

— Я так и думал. Так что пойдём со мной домой. Позволь мне заняться с тобой любовью. Тебе это нужно.

Я отстраняюсь и прикрываю глаза рукой.

— Я не могу поверить, что ты только что это сказал.

— Никто никогда раньше не говорил тебе, что хочет тебя трахнуть?

Мое лицо такое горячее, что кажется обожженным солнцем. Мои уши тоже.

— Мне нужно идти.

— Не убегай.

— Обычно именно так люди делают, когда им страшно.

— Ты не боишься меня. Ты просто удивлена. Это две разные вещи.

— Откуда тебе знать, боюсь я или нет? Ты даже не знаешь меня!

— Я знаю достаточно.

Я подавляю изумленный смешок.

— Черт возьми, ты действительно уверен в себе, не так ли?

— Посмотри на меня, Кайла.

— Я не могу. Я могу растаять, превратившись в пылающую лужу смущения.

— Ты не должна смущаться того, что хочешь трахнуть меня.

— О боже мой! Ты себя слышишь?

Он отводит мою руку от лица и не отпускает ее. Обхватывает другой рукой мою щеку и нежно поворачивает мою голову к себе.

Когда я смотрю на Эйдана, он говорит:

— Ты сказала, что хорошо чувствуешь, когда тебя дурачат. Так что скажи мне, если ты думаешь, что это все чушь собачья. Я хочу тебя. Ты тоже хочешь меня. Тебе грустно. Я хочу, чтобы ты почувствовала себя лучше, даже если это означает только сегодняшнюю ночь. Ты меня не боишься. Ты знаешь, что я не причиню тебе вреда. Ты просто сейчас немного не в себе, ты не привыкла к тому, что люди говорят именно то, что имеют в виду, и ты не уверена, как с этим справиться.

Его взгляд снова опускается на мой рот. Его голос звучит хрипло.

— И ты хочешь, чтобы я поцеловал тебя.

Мое сердце болезненно колотится, я тихо говорю:

— Ты сумасшедший, не так ли? Ты сумасшедший.

— Ты знаешь, что это не так.

— Я могу честно сказать, что прямо сейчас я даже не знаю своего собственного имени.

— Ты Кайла, — тихо говорит Эйдан, затем наклоняется и прижимается своими губами к моим.

Это едва ли поцелуй. В нем нет языка. И почти нет никакого давления. Это всего лишь легкое прикосновение его губ к моим, а потом все кончается.

И я задыхаюсь.

Дрожу и хватаю ртом воздух, потому что мои легкие сжимаются будто в тисках, и в кровь хлынул весь адреналин, который был в моем теле.

Этот не-поцелуй был как удар молнии.

Глядя глубоко в мои глаза, Эйдан шепчет:

— Хочешь еще?

Я останавливаюсь, чтобы сделать прерывистый вдох, пока Эйдан наблюдает за мной с расстояния в несколько дюймов, его глаза горят.

— Я не уверена. Слишком много всего. Голова не работает. Я не могу честно ответить тебе «да» или «нет».

— Хорошо, — говорит Эйдан, слегка поглаживая большим пальцем мою скулу. — Ты дашь мне знать, когда решишь.

Затем Эйдан отстраняется и жестом просит бармена принести еще выпивку.

Я почти падаю лицом вниз на стол, но мне удается взять себя в руки. Я делаю глоток виски и испускаю тяжелый, неровный вдох.

— Я не смогу доехать домой, если я выпью еще. Или это твой план?

— Мой план состоит в том, чтобы раздеть тебя и услышать, как ты кончаешь.

— Госпо...

— Но я не хочу, чтобы ты была пьяна. Я хочу, чтобы ты запомнила все, чтобы вернуться снова.

— Ты, кажется, уверен, что я так и сделаю.

— Так и есть. И ты это сделаешь.

Я недоверчиво качаю головой.

— Должно быть, это фантастика — идти по жизни с такой уверенностью в себе.

— Это так. Я хочу поцеловать тебя снова.

— Не мог бы ты, пожалуйста, дать мне минуту, чтобы прийти в себя? Я чувствую себя так, словно кто-то только что столкнул меня со скалы.

— Ты в порядке.

— Откуда ты знаешь?

— Ты больше не плачешь.

Я обдумываю мысль.

— Ты прав. Я не плачу.

— Не за что.

Эйдан странно самоуверен, но я должна признать, что он не самодовольный. В том, как он говорит, нет никакого высокомерия. Как будто он просто констатирует факты, а затем позволяет мне решить, как я хочу на них реагировать.

Я не знаю, как воспринимать его прямооту.

Однако в одном Эйдан прав. Я его не боюсь. Его нельзя назвать нормальным, по крайней мере, с точки зрения моего опыта общения с мужчинами, но он заставляет меня нервничать, а не бояться.

Я думаю, что нервозность можно было бы описать и как возбуждение, но я пока не готова думать об этом.

Я спрашиваю:

— Ничего, если мы сядем друг напротив друга?

— Конечно. Есть какая-то особая причина, почему?

— Я нахожу твое присутствие немного подавляющим.

Он усмехается.

— Я пересяду, но хочу предупредить тебя, что даже сидя напротив, я буду доминировать.

— Наверняка.

— К тому же, ты будешь вынуждена смотреть на меня. А когда мы сидим так, ты можешь избегать моего взгляда и пялиться на эту уродливую картину сколько угодно.

Это заставляет меня улыбнуться.

— Ты интересный парень, Эйдан, я отдаю тебе должное.

— Спасибо. Я тоже думаю, что ты интересная, — его голос понижается, — и твои глаза, они охренительно красивые. — Мои щеки и уши снова становятся горячими. Жар разгорается еще сильнее, когда Эйдан добавляет: — Я хочу, чтобы эти глаза были открыты, когда кончишь для меня.

У меня пересыхает во рту. Приходится сделать еще глоток виски, прежде чем я снова обретаю дар речи.

— Не то чтобы я собираюсь переспать с тобой — это не так, но для поддержания разговора скажу тебе, что я занимаюсь сексом только в темноте.

— Не со мной.

Я недоверчиво качаю головой.

— Я не могу в это поверить.

— Почему это?

— Потому что в реальной жизни люди о таком не говорят.

— Если с тобой о таком не говорили, то это не значит, что такого не бывает вообще.

Эйдан продолжает делать все эти очень хорошие замечания, что очень раздражает.

— Неужели в наши дни все холостяки такие...

— Какие?

— Я ищу слово.

— Нахальные?

— Откровенные — ближе к тому, о чем я думаю.

Его смешок низкий и опасный.

— Ты еще не слышала откровенностей, Кайла.

Я, наконец, отрываю взгляд от стены передо мной и поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Эйдана. Его глаза теплые, как и выражение его лица, но я все равно дрожу.

Я твердо говорю:

— Я не буду заниматься с тобой сексом.

— Хорошо.

— Я серьезно, Эйдан. Я сейчас не в том настроении, чтобы с кем-то встречаться.

— Я услышал тебя.

Я прищуриваюсь и изучаю выражение его лица.

— Почему это звучит так, будто ты все еще думаешь, что я собираюсь переспать с тобой?

— Потому что я это знаю. Но я могу ошибаться. Это случается. — Мгновение мы смотрим друг на друга. — Я надеюсь, что это не так, — говорит Эйдан мягко. — Я действительно хочу сделать так, чтобы ты кончила.

Я не понимаю, как Эйдану удастся быть совершенно бестактным и в то же время до безумия привлекательным. Что бы это ни было за колдовство, мне нужно уйти от него, пока я не наделала глупостей.

— Я сейчас иду домой. Это был интересный разговор, который я долго не забуду.

Его взгляд опускается на мои губы. С явным сожалением он говорит:

— Я тоже этого не забуду.

Эйдан снова поднимает глаза, чтобы встретиться со мной взглядом.

— Но если ты передумаешь, я живу прямо наверху, над баром. Я прихожу домой каждый вечер после шести и не сплю до полуночи. Если ты придешь позже, тебе, возможно, придется стучать немного громче, потому что я сплю как убитый.

— Я не собираюсь стучать в твою дверь, Эйдан.

— Хорошо.

— Пожалуйста, перестань так говорить. Ты заставляешь это слово звучать так, будто оно означает совсем не то, что означает.

Его губы изгибаются. В темных глазах пляшут озорные огоньки. Он бормочет:

— Как скажешь, босс, — и это звучит так, как будто он думает, что знает меня лучше, чем я сама.

Затем Эйдан встает и указывает на дверь.

— Желаю хорошего вечера.

Я роюсь в заднем кармане в поисках денег и кладу их на стол. Эйдан смотрит на меня так, будто я только что наступила ему на большой палец.

— Не делай этого, — говорит Эйдан.

— Не платить за выпивку?

— Не превращай это в обмен.

— Я веду себя честно.

— Ты ведешь себя по-мужски.

— Это нелепо.

— Да? Ты — мужчина?

Я посылаю ему кислый взгляд.

— В последний раз, когда я проверяла, нет.

— Тогда ты не знаешь, что такое вести себя по-мужски. Оставь деньги себе.

Как раз вовремя появляется мальчик-хипстер с нашими стаканами. Такое ощущение, что Эйдан заказал их столетие назад. Прежде чем он успевает их поставить, я встаю.

Я говорю Эйдану:

— Если бы мы были на свидании, я бы позволила тебе заплатить за мои напитки. Но я уволила тебя, и это не свидание, так что я плачу. Было приятно снова тебя увидеть. — Я делаю паузу. — Я ищу более точное слово, чем «приятно», но ничего не приходит на ум.

Хипстер ставит напитки на стол и говорит:

— Непонятно. Озадачивающе. Дезориентирующе. Странно.

Он оглядывает нас по очереди, затем разворачивается и снова уходит.

Пристально глядя на меня горящими глазами, Эйдан говорит:

— Мне всегда нравился этот парень.

— Прощай, Эйдан.

— Спокойной ночи, Кайла.

Я знаю, что Эйдан прощается так намеренно, но мне больше нечего сказать. Я поворачиваюсь и ухожу.

Дорогая Кайла,

Спасибо, что ответила мне. Что касается вопросов, которые ты задала, то ни один из них не имеет значения. Извини, если это звучит грубо, но это правда.

Я всегда буду говорить тебе правду. Я не могу поступить иначе.

Вот строки, которые тебе, возможно, понравятся:

Здесь изнемог высокий духа взлет;

Но страсть и волю мне уже стремилла,

Как если колесу дан ровный ход —

Любовь, что движет солнце и светила.³

Что ты думаешь?

Данте

На этот раз я нашла письмо в почтовом ящике. Никаких таинственных появлений на кухонном столе, но все еще остается большой загадкой, как они вообще начали появляться.

Потому что я не знаю этого парня.

Мистер Таинственный проигнорировал мою угрозу передать его письма детективу, так что он либо думает, что я блефую, либо ему все равно.

Я стою на кухне в мерцающем свете ламп и снова перечитываю письмо. Этот стих мне ни о чем не говорит. Не то чтобы должно быть по-другому, ведь эти строки были написаны сумасшедшим.

Жаль, что я не могу рассказать об этом Майклу. Как бы мы посмеялись! Прямо перед тем, как он позвонил бы в полицию.

Я знаю, что я сама должна это сделать, но у меня совсем нет сил. Может быть, утром я смогу поднять трубку и сказать вежливому диспетчеру, что у меня есть сумасшедший друг по переписке. И спросить, не смог бы мистер полицейский навестить его в тюрьме и сказать, чтобы он перестал писать мне письма. Но сейчас все, что я хочу, это спать.

— Спи и забудь об Эйдане Лирайте и его колдовстве.

От той случайной встречи у меня до сих пор в крови бурлит адреналин. От того, как он смотрел на меня. От того, что он сказал.

«Мой план состоит в том, чтобы раздеть тебя и услышать, как ты кончаешь».

В жизни бы себе не поверила, но я действительно на мгновение задумалась над его предложением.

Я была в шоке. Наверняка. Если бы я была в норме, то врезала бы ему по морде, выскочила бы из бара и подала бы жалобу на него в Бюро лучшего бизнеса.⁴ Кто так разговаривает с клиентом?

Бывшим клиентом, но все же.

В тот же момент, как подумала об этом, я поняла, что технически никогда не нанимала Эйдана. Мы обсуждали цены, но я не подписывала контракт. Мы не добрались до этого. Для начала я вышвырнула его из своего дома.

О боже, кого это волнует? Это все слишком для меня.

Я проверяю заперты ли двери и задернуты ли шторы. Затем поднимаюсь наверх, кладу письмо к остальным в ящик с нижним бельем и ложусь спать.

Я засыпаю через несколько минут, но посреди ночи что-то будит меня.

Сонная, я лежу в постели, вслушиваясь в темноту. Снова шпормит, и дует ветер. Дождь стучит по крыше. Ветка дерева царапает окно где-то внизу.

Нет, это не ветка дерева. Это скрипучая доска пола.

Похоже, кто-то крадется вверх по лестнице.

Я резко сажусь в постели, сердце бешено колотится. Я напряженно прислушиваюсь, пытаюсь расслышать хоть что-то сквозь грохот своего пульса, но звук больше не повторяется.

Показалось? Или в доме кто-то есть?

Я стараюсь не паниковать, стараюсь рассуждать логически. Дом старый и издает всевозможные странные звуки, особенно во время грозы. Ветер гоняет что-то по двору... Может быть, опрокинулся шезлонг. Или сквозняк просочился сквозь занавески в гостиной. Или это всего лишь плод моего воображения, учитывая, что я все еще привыкаю спать одна.

Все это объяснение кажется абсолютно рациональным. Ровно до тех пор, пока половица снова не издает скрип, и мне не приходится подавить крик.

Я вскакиваю с кровати, бегу к двери и запираю ее. С колотящимся сердцем хватаю фонарик из-под раковины в ванной. Он большой, тяжелый и это единственная вещь, которую я смогу в случае чего использовать в качестве оружия. Затем я присаживаюсь на край кровати лицом к двери и сижу там. Дрожа, с учащенным дыханием, сжимая фонарик, как бейсбольную битку.

Я не знаю, как долго вот так сижу, прежде чем решаю, что веду себя глупо.

Если бы кто-то вломился в дом, я бы услышала, как разбилось окно или вышибли дверь. Я бы услышала еще шаги, а не просто скрип досок, потому что лестница скрипит на каждой ступеньке. Я просто параною.

Наверняка.

Альтернатива слишком ужасающая.

Я встаю и морщусь, когда бедра сводит судорога. Подхожу к двери, прикладываю к ней ухо, прислушиваясь. Я не слышу ничего, кроме стука дождя по крыше. Решаю надеть что-нибудь из одежды и быстро переодеваюсь из ночной рубашки в джинсы и рубашку.

Затем, с выключенным фонариком в руке, я осторожно открываю дверь спальни и выглядываю наружу.

В коридоре кромешная тьма. Ночь безлунная, все небо затянуто облаками. Мгновение я вслушиваюсь в темноту, затем на цыпочках иду по коридору босиком и смотрю через перила в гостиную вниз.

Там, внизу, тоже темно. Темно и тихо. Ничто не происходит.

А потом по мне начинают бегать мурашки, потому что появляется жутковатое ощущение, что за мной наблюдают.

Убирайся из дома!

Это даже не связанная мысль. Это больше похоже на подсознание, как будто древняя часть моего мозга выкрикнула предупреждение.

С бьющимся в горле сердцем и дрожащими руками я спускаюсь по лестнице так быстро и бесшумно, как только могу. Хватаю ключи от машины с тумбочки в прихожей и выбегаю из дома в абсолютной панике. Я даже не потрудилась захватить свою сумочку.

Десять минут спустя я стучу в дверь Эйдана.

Он открывает, одетый только в пару выцветших джинсов, низко сидящих на бедрах. Волосы растрепаны, живот плоский, грудь покрыта татуировками.

Он чертовски великолепен.

Ужасная мысль о том, что он не один, мелькает в моем мозгу прямо перед тем, как я выпаливаю:

— Прости за беспокойство. Я сейчас уйду.

Эйдан хватается за руку и тащит внутрь, прежде чем я успеваю убежать.

Закрыв за мной дверь, он спрашивает:

— Что такое? Что произошло?

Я чувствую, как у меня начинают стучать зубы. И тут понимаю, что промокла насквозь, потому что выбежала из дома под дождь без пальто. И без обуви, если уж на то пошло.

И без нижнего белья.

Я скрещиваю руки на груди в попытке скрыть грудь под тонкой футболкой.

— Я под-думала, к-кто-то вломился в мой д-дом.

Его темные брови сходятся вместе.

— Поэтому ты пришла сюда?

Я идиотка. Я самый глупый человек на свете. Ради безопасности остального человечества меня надо запереть до конца моих дней.

Должно быть, Эйдан видит смятение на моем лице, потому что мягко говорит:

— Это был не упрек.

Я мысленно отмечаю, что у этого горячего кровельщика хороший словарный запас, но отвлекаюсь, когда он добавляет:

— Ты мокрая.

Эйдан взглядом медленно скользит по моему телу, охватывая промокшую одежду и босые ноги. Затем снова смотрит вверх, задерживаясь на моих губах, прежде чем остановиться на глазах.

Голос Эйдана хриплый, когда он произносит:

— Давай согреем тебя. Тогда ты сможешь рассказать мне, что произошло.

Эйдан ведет меня внутрь за локоть, усаживает за кухонный стол и исчезает в другой комнате. Пошел за полотенцем, я полагаю, хотя мог бы позвонить в полицию и сказать им, чтобы забрали сумасшедшую леди, которая появилась мокрая на пороге его дома посреди ночи.

Дрожа, я оглядываюсь вокруг.

Его квартира маленькая, но опрятная. Кухня и гостиная расположены рядом друг с другом в открытой планировке. Пространство визуально разделено рядом открытых книжных шкафов с одной стороны и диваном и стульями, телевизором и журнальным столиком с другой. Дальше по коридору, там, куда он ушел, должно быть, находятся спальни.

Я удивлена, насколько здесь чисто и опрятно, учитывая, что здесь живет холостяк. В раковине даже нет грязной посуды.

Эйдан возвращается с пушистым белым полотенцем в руках и командует:

— Встань.

Хотя я обычно начинаю ворчать, когда кто-то командует, в этот раз я подчиняюсь, не протестуя. Эйдан оборачивает полотенце вокруг моей спины и плеч и начинает растирать мои руки.

Не глядя мне в лицо, он говорит:

— Не смущайся.

— Тебе легко говорить. Ты не мокрая идиотка, стоящая на кухне у незнакомого человека в час ночи.

— Я не чужой, помнишь? И ты не идиотка.

Кажется, Эйдана раздражает, что я так себя назвала. Или, может быть, его раздражение связано с моим неожиданным приездом, что имело бы гораздо больше смысла. Бедняге утром нужно идти на работу, а теперь ему приходится иметь дело с мокрой психопаткой.

Эйдан натягивает полотенце мне на голову и начинает вытирать капли дождя с моих волос.

Лицо пылает, когда я говорю с несчастным видом:

— Кажется, я умираю от унижения.

— Ты ни от чего не умираешь. Помолчи и позволь мне закончить.

Я закрываю глаза и стою, спрашивая себя, а как кто-то может определить, сошел ли он с ума. Но заставляю себя перестать думать об этом, потому что признаки безумия, вероятно,

включают в себя представление о том, что дождь — это грабитель, а бежать за помощью стоит в дом кровельщика, которого вы уволили и которому отказали в сексе.

Непринужденным тоном Эйдан говорит:

— Позже мы обсудим, почему ты выбрала меня, чтобы прийти, когда тебе было страшно, но пока расскажи мне, что произошло.

Я слишком труслива, чтобы смотреть на Эйдана во время разговора, поэтому держу глаза закрытыми и рассказываю ему все. Когда я заканчиваю, он спрашивает:

— У тебя нет сигнализации?

— Нет.

— Мы исправим это завтра.

Я наконец набираюсь смелости посмотреть на Эйдана. Выражение его лица — приятное сочетание веселья и озабоченности. Его темные глаза теплые, но брови все еще сведены.

Сопrotивляясь желанию протянуть руку и погладить его бороду, я уточняю:

— Что ты имеешь в виду?

— Ты знаешь, что я имею в виду. И ты все еще дрожишь.

— Я ничего не могу с этим поделать. Я замерзла.

Эйдан перестает растирать мне голову полотенцем.

— Сейчас я собираюсь кое-что сказать. Только не психуй.

— Тебе следовало просто сказать и все. Теперь мне придется психануть.

— Тебе нужно переодеться в сухую одежду.

Я хмуро смотрю на него.

— И почему я должна была психануть?

— Потому что сухая одежда, в которую ты переоденешься — моя.

Мы стоим на расстоянии полуметра друг от друга; я дрожу от холода, от Эйдана пышет жар, и наконец я говорю:

— Сомневаюсь, что у тебя есть что-нибудь, что мне подойдет.

Он улыбается.

— Гляньте-ка на нее, совсем не психует.

— О, я психую. Но я сделала достаточно странных вещей для одной ночи, так что на сегодня хватит.

— Пойдем со мной.

Эйдан ведет меня за руку из кухни по коридору в свою спальню. Пока Эйдан идет к шкафу и включает свет, я смотрю на его кровать: подушка и одеяло поверх матраса, лежащего прямо на полу. Остальная мебель в комнате — это простой деревянный комод у одной стены и книжный шкаф, набитый книгами, у другой.

— Да, я знаю. Суперлюкс. Вот.

Он возвращается, протягивая черную толстовку такого размера, что я могла бы надеть ее на ужин с поясом и каблуками и выглядеть прилично.

Я беру толстовку и прижимаю к груди, как защитное одеяло. Полотенце все еще обернуто вокруг моей головы и плеч. Я все еще дрожу от холода.

И чувствую себя совершенно нелепо.

— Эйдан?

— Да, Кайла?

— Я правда сожалею об этом. Честное слово, я не совсем сумасшедшая. Ну, может быть,

немножко...

С очень серьезным видом он убирает прядь влажных волос с моей щеки и бормочет:

— Ты вовсе не сумасшедшая, ты — красавица, — после паузы он добавляет: — Но не волнуйся. Я не соблазняю напуганных женщин, которые убегают от дождя.

— Ладно. Спасибо за это. Э-э... может, у тебя есть пара спортивных штанов, которые я могла бы надеть с толстовкой?

— Ты утонешь в них.

— Я знаю, но...

— Но что?

Я делаю глубокий вдох и говорю это.

— Я буду очень стесняться, если не прикрою киску.

Он растерянно моргает.

— На мне нет нижнего белья.

— О... О.

— Да. Вот.

— Подожди. Ты пришла сюда без нижнего белья?

— Я уверяю, что это не было преднамеренно.

Когда он приподнимает бровь, я вздыхаю.

— Я одевалась в панике. У меня не было времени на трусики.

— И лифчик тоже, — говорит он, понизив голос.

Я вздрагиваю.

— Так заметно?

— Ты, блядь, издеваешься надо мной? Конечно, заметно, — он делает паузу, — а еще заметно, что твои щеки сильно краснеют, когда ты смущаешься.

Я сухо говорю:

— Спасибо за информацию. Так ты дашь мне спортивные штаны или нет?

— У меня нет спортивных штанов.

— Ой.

— Но я могу положить твои джинсы в сушилку, — когда я ничего не говорю, он добавляет: — Или мы можем просто стоять здесь и смотреть друг на друга. Мне по душе и это.

— Почему?

Помолчав, Эйдан тихо говорит:

— Мне нравится смотреть на тебя.

У меня в груди возникает странное ощущение. Как будто что-то стянулось в узел, но одновременно расслабилось. Я почти уверена: это означает, что я собираюсь сделать что-то, о чем потом пожалею.

Яжимаю плечами и позволяю полотенцу упасть на пол. Затем стягиваю через голову мокрую футболку и оказываюсь голая по пояс перед Эйданом.

Его взгляд опускается на мою грудь, а губы приоткрываются. Зрачки расширяются, но он остается совершенно неподвижным, глядя на мою обнаженную грудь горящими глазами.

Я шепчу:

— Я хочу, чтобы ты сделал больше, чем просто посмотрел.

Грубым голосом он отвечает:

— Как скажешь, босс, — и хватает меня.

Его рот был каким-то образом одновременно мягкий и твердый. Быстро становится очевидно, что этот мужчина умеет дарить не только невероятные, едва заметные поцелуи, которые порождают в животе бабочек. Он также умеет дарить безумно страстные поцелуи.

И это. Чертовски. Хорошо.

Эйдан крепко держит меня в своих объятиях, овладев моими губами, и я дрожу. Мы стоим кожа к коже, и мой пульс учащается. Я даже не уверена, стою ли я на ногах или он держит меня. Мы страстно целуемся, пока Эйдан не стонет мне в рот и не отстраняется, тяжело дыша.

А потом обхватывает мои груди своими большими грубыми руками и наклоняется, чтобы поцеловать их.

Когда горячим ртом Эйдан накрывает твердый сосок, я задыхаюсь от этого ощущения. Я снова ахаю, когда он начинает сосать. Когда зубами Эйдан царапает один сосок, в то же время зажимая другой двумя пальцами — я стону и прогибаюсь под ним, зарываясь руками в волосы Эйдана.

Меня не волнует, что это безумие. Меня не волнует, что это неправильно. Сейчас меня не волнует ничего, кроме того, что я ненадолго потеряюсь в этом прекрасном звере.

Испорченная жизнь подождет меня до завтра там, где я ее оставила.

Эйдан поднимает меня. Я обхватываю ногами его талию и опускаю голову, жажда его рта. Он не заставляет меня ждать, просовывая свой язык между моими губами и сжимая мою задницу. Мы целуемся, когда Эйдан поворачивается и идет к кровати, и не прекращаем целоваться, когда он опускается на колени на матрас и нависает надо мной сверху.

Его тяжесть. Боже, его тяжесть потрясающая. Майкл весил семьдесят пять килограмм после плотного ужина. В Эйдане, должно быть, больше девяноста килограмм чистых мускул.

Он целует мою челюсть, шею. Еще раз грудь — грубо и жадно. Я выгибаю спину и закрываю глаза, наслаждаясь ощущением его бороды на моей коже. Тем, как тяжело он дышит. Эйдан обращается со мной не так, как будто я хрупкая, ломкая вещь. Он как будто думает, что я достаточно сильная, чтобы справиться со всем, что он хочет мне дать.

И я хочу, чтобы он дал мне все.

Прямо, блядь, сейчас.

Извиваясь под ним, я задыхаюсь и говорю:

— Сними мои джинсы. Быстро.

Эйдан поднимает голову и смотрит на меня горящими глазами.

— К чему такая спешка?

— Ты только что сказал мне, что я босс. Поэтому я говорю тебе поторопиться.

Удерживая мой пристальный взгляд, он опускает голову и проводит языком вокруг моего ноющего соска. Он красиво и четко показывает, что слова о том, что я босс, были всего лишь фигурой речи.

Эйдан переходит к другому соску и делает то же самое. Опираясь на локти, Эйдан ложится на меня сверху, между моих раздвинутых бедер, и двигается назад — вперед между моих грудей, посасывая и облизывая, пока я не начинаю хныкать и умолять его не дразнить меня.

— Я не дразню тебя, детка, — говорит он хриплым голосом, — Я даю тебе то, что тебе

нужно.

Я бы потеряла сознание от нахлынувших чувств, но не хочу ничего пропустить.

Эйдан целует и облизывает мой живот, спускаясь к поясу джинсов, затем скользит кончиком языка под него. Когда я вздрагиваю, издавая стон, он хмыкает.

Затем Эйдан расстегивает пуговицу и молнию, прижимается лицом и вдыхает.

Это какой-то горловой звук. Первобытный, мужской звук желания, от которого меня пробирает дрожь. Еще одним быстрым движением он стягивает мои джинсы с бедер, обнажая меня.

Зарывается лицом мне между ног и начинает лизать.

Беспомощно постанывая, я запускаю руки в его волосы и пытаюсь подстроиться движением бедер к взмахам его языка. Я не могу раздвинуть ноги шире, потому что они теперь ограничены поясом моих джинсов, но это не имеет значения. Эйдан точно знает, что делает. Он скользит руками под мою задницу и приподнимает мои бедра. Сжимает ягодицы и целует мою киску по-французски, пока я извиваюсь и стону в отчаянии.

Содрогаясь, я выдыхаю его имя.

— Давай, — горячо шепчет он, проводя языком взад и вперед по моему пульсирующему клитору, — отпусти это, детка.

Никогда раньше мужчина так меня не называл. Майкл не использовал прозвища, и бойфренды, которые были до него, тоже. Я не знаю, почему нахожу это таким безумно сексуальным, но это правда. Я не хочу, чтобы Эйдан когда-нибудь снова называл меня Кайлой.

Он перестает лизать, чтобы сильно сососать мой клитор, как будто высасывает молоко из соска. Я кончаю у него во рту, бездумно выкрикивая его имя.

Эйдан продолжает сосать, пока я не умоляю его остановиться, потому что для меня это слишком много. Затем он встает, стягивает мои джинсы до конца вниз по ногам, расстегивает пуговицы на ширинке и срывает свои собственные джинсы.

Я еще успеваю увидеть татуировки на бедрах и его возбужденный член, окруженный темными волосами лобка, прежде чем Эйдан снова оказывается на мне. Он страстно целует меня, пока скользит головкой члена вверх и вниз между моими половыми губами, чтобы смазать их.

И засовывает его в меня одним внезапным, сильным толчком.

Когда я вскрикиваю, Эйдан рычит мне в ухо:

— Скажешь, если нужно выйти, или я кончу в тебя.

Не дожидаясь ответа, он начинает трахать меня глубоко и жестко.

И мне это нравится. Да поможет мне Бог, но я кайфую. Он сказал, что собирается заняться со мной любовью, но это гораздо более животно, чем занятие любовью. Это грубо и шумно, и мне приходится сдерживать смех эйфории, который хочет вырваться из моей груди.

Когда Эйдан снова завладевает моим ртом, я чувствую свой вкус. Какая-то затуманенная часть моего мозга осознает, что свет в комнате включен, и я, вероятно, должна чувствовать себя хотя бы немного неловко. Но для этих чувств совершенно нет места. С каждым мощным толчком своих бедер Эйдан выбивает из моей головы все мысли и все глубже проникает в мое тело, заставляя меня чувствовать все.

Как я прижимаюсь твердыми сосками к его груди.

Как пальцами Эйдан тянет меня за волосы.

Как мы стучаемся зубами, когда глубоко целуемся.

Звуки, которые мы оба издаем, и звуки соединения наших тел. Мне кажется, я даже слышу, как колотится его сердце — так же бешено, как и мое.

Затем он пугает меня, перекатываясь на спину и увлекая меня за собой. Тяжело дыша, я смотрю на Эйдана сверху вниз в дымке удовольствия. Я кладу руки на его широкую грудь.

Он облизывает губы и проводит руками вверх и вниз по моему телу, останавливаясь, чтобы сжать мою грудь. Затем следует по ребрам и талии вниз к бедрам. Он впивается пальцами в плоть на бедрах и изгибает таз вверх, вгоняя свой член глубже.

— Двигайся, — приказывает он сквозь стиснутые зубы.

Этому мужчине не нужно просить дважды. Я подпрыгиваю вверх-вниз на его твердом члене, пока мои бедра не начинают болеть, и мы оба не начинаем потеть и стонать.

— Хочешь кончить? — спрашивает Эйдан.

— Да!

Он прижимает большой палец к моему клитору и удерживает его там, пока я двигаю бедрами, безумно насаживаясь на его толстый член.

А потом мрачно командует:

— *Тогда кончай.*

Это как если бы он щелкнул выключателем. Мое влагалище начинает биться в конвульсиях, сжимаясь вокруг его члена сильными, ритмичными пульсациями. Они такие мощные, что у меня перехватывает дыхание. Я откидываю голову назад, закрываю глаза и впиваюсь ногтями в мышцы груди Эйдана, слушая, как он стонет от удовольствия, когда трахает меня, а я жестко кончаю на его члене.

Эйдан протягивает руку и грубо сжимает мою грудь.

— Так чертовски хорошо, — шипит он. — Господи. Кайла. Блядь. Я прямо...

Он прерывается со стоном и, содрогаясь, кончает в меня.

Я смотрю на него сверху вниз.

Его глаза закрыты. Голова откинута на подушку. Мышцы его живота напряжены, как и челюсть и бицепсы. Его кожа чуть блестит от пота. Сбоку на его шее вздулась и дико пульсирует вена, и я со вспышкой ослепительной ясности понимаю, что ему было так же хорошо, как и мне.

Это чувство эйфории возвращается. Не осознавая, что делаю, я начинаю смеяться.

Тяжело дыша, Эйдан открывает глаза и пристально смотрит на меня.

Он хрипло спрашивает:

— Ты в порядке?

Я ухмыляюсь ему.

— Не волнуйся, это не истерика и ничего в таком роде. Все было просто *вау*.

Его темные глаза сверкают, Эйдан улыбается в ответ и сжимает мои бедра. Он похож на пирата, который только что нашел кучу золотых сокровищ.

Меня поражает внезапная ужасная мысль, что он может подумать, что для меня это просто еще один обычный вечер четверга. Как будто прыгнуть в постель к полужнакомому человеку — это норма, и в этом не было ничего особенного.

Я не хочу, чтобы Эйдан так думал.

Поэтому я говорю:

— Я правда обычно так не делаю. Вообще-то, я никогда раньше этого не делала.

— Не занималась сексом?

Я хлопаю его по груди.

— Ты знаешь, что я имею в виду, весельчак.

Все еще ухмыляясь, Эйдан хватает меня за талию и перекатывает на спину, удерживая свой член внутри. Переносит свой вес между моих ног и наклоняется так, что его и моя грудь прижимаются друг к другу. Затем крепко целует меня, держа мою голову в своих больших руках.

Когда мы выныриваем подышать воздухом, он бормочет:

— Мне повезло.

Я обхватываю ногами его спину, а руками — плечи и удовлетворенно вздыхаю.

Эйдан утыкается носом в мою шею, глубоко вдыхая в мои волосы, затем выдыхает с шумом удовольствия.

— Я хотел высушить тебя, но в итоге ты стала совсем мокрой, не так ли? — шепчет Эйдан.

— Можно чуть меньше самодовольства в голосе?

Он усмехается.

— А я собой доволен. Это было невероятно.

Легкая дрожь удовлетворения пробегает по моему телу. Затем меня охватывает беспокойство: что делать дальше? Остаться? Уснуть? Засунуть мокрую одежду в сушилку и расхаживать туда-сюда в кипящем смущении, пока я не смогу сбежать?

Эйдан поднимает голову и смотрит на меня сверху вниз.

— Ты остаешься на ночь.

Я удивленно моргаю.

— Ты читаешь мысли или что-то в этом роде?

— Нет. Почему ты так решила?

— Кхм. Без причины.

— Чушь.

— Ладно, прекрасно. Я просто подумала, не стоит ли мне сейчас пойти домой.

— Я только что сказал тебе, что ты остаешься на ночь. Ты можешь уехать утром и всю оставшуюся жизнь переживать по поводу того, что это была ошибка, но сегодня ты останешься здесь.

Эйдан изгибает бедра, когда говорит «здесь», давая мне понять, что он еще не закончил заниматься со мной сексом.

— А если я захочу уйти?

— Ты не захочешь.

— Ты, кажется, сильно уверен в этом.

Эйдан нежно целует меня в губы. Улыбаясь, он говорит:

— Мне нравится тебя раздражать.

— Это прискорбно, потому что мне нравится, когда меня не раздражают.

— Ты кривишь рот и хмуришь нос. Ты выглядишь как чопорная маленькая старушка.

— Эй, притормози с комплиментами, Ромео! А то я упаду в обморок и сильно ударюсь головой.

— Знаешь, что я только что понял? — шепчет Эйдан, его глаза горят.

Я резко спрашиваю:

— Что твоя жизнь в опасности?

— Что теперь я слышал, как ты кончаешь.

— И что с того?

Он опускает голову и прикусывает мочку моего уха, затем хрипло говорит:

— Теперь это мой новый любимый звук. Я хочу услышать его снова.

Затем он двигает бедрами, входя в меня.

Мой стон срывается. Веки трепещут, я спрашиваю:

— Как так вышло, что ты все еще возбужден?

— Я еще не закончил трахать тебя.

— О, к слову. Ты обещал, что будешь заниматься со мной любовью, а не трахать меня.

— Семантика. — Он толкается снова.

Задыхаясь, я говорю:

— Нет, я помню. Ты сказал «заняться любовью».

— Я сказал, что дам тебе то, что тебе нужно. Что я и делаю, — Эйдан толкается снова и наклоняется, к моему горлу, чтобы сильно всосать кожу на шее.

Я тихо стону, выгибаясь ему навстречу. Наклоняю голову, чтобы дать Эйдану лучший доступ к шее, прижимаюсь своим тазом к его.

Это заставляет его мрачно усмехнуться.

— Видишь?

Дергая его за прядь волос, я шепчу:

— Пора заткнуться, Эйдан.

— Да, мэм.

Не говоря больше ни слова, он двигает бедрами, вгоняя в меня свой твердый член. Эйдан делает это снова, когда я вздрагиваю и стону. Он продолжает в том же темпе, безжалостно трахая меня и покрывая поцелуями всю мою шею и грудь, пока я не начинаю выгибаться и кричать, впиваясь ногтями в его плечи.

Рот Эйдана рядом с моим ухом, он говорит гортанным голосом:

— Это то, что тебе нужно, детка? Тебе нравится жестко? Или ты хочешь, чтобы я прочитал тебе стихи и приготовил для тебя чашку гребаного чая?

— Это! Это!

Его смех такой мрачный и полный удовлетворения, что заставляет меня задрожать. Я уплываю на волнах оргазма, слушая этот смех, и спрашиваю себя, во что, черт возьми, я вляпалась.

Я просыпаюсь в тусклом сером утреннем свете в объятиях Эйдана.

Моя голова покоится у него на груди. Его сердце отбивает медленный, ровный ритм у меня под ухом. Эйдан обхватил меня своими большими тяжелыми руками, крепко прижимая к себе даже во сне.

Мне требуется время, чтобы осознать происходящее: вот она я, просыпаюсь на брошенном на пол матрасе с мужчиной, который живет над баром, и у которого на груди больше татуировок, чем я когда-либо у кого-то видела. И почти мгновенно я решаю, что мне это нравится.

Я имею в виду Эйдана.

Он мне нравится.

Это меня удивляет. Я вообще не из тех, кому вот так запросто нравятся люди. Я умеренно недоверчива с незнакомцами, пока не узнаю их получше, но обычно именно тогда я и решаю, что больше никогда не хочу с ними встречаться.

У нас с Майклом это было общим. Смутное разочарование и отвращение к человеческой расе в целом. Просто чудо, что он так хорошо справлялся на работе, учитывая, что там ему приходилось ежедневно иметь дело с огромным количеством людей.

Мысли о Майкле отрезвляют меня. Он был бы шокирован, если увидел меня прямо сейчас.

— Что ты делаешь? — воскликнул бы он, сморщив лоб в смнении. — У этого мужчины наверняка даже нет высшего образования!

Майкл был снобом в отношении высшего образования. Мы даже спорили из-за того, что мне было достаточно степени бакалавра в области изобразительных искусств и не хотелось поступать в магистратуру.

Но из нас двоих я была более практичной. И более жесткой в отношении трат. Я не оправдывала новые долги ради получения степени, которая не помогла бы мне зарабатывать больше. Но для Майкла образование уже было наградой.

Для меня же более чем достаточным вознаграждением была возможность вовремя оплачивать счета.

Голосом, хриплым от сна, Эйдан спрашивает:

— Ты проснулась?

— Да.

— Хорошо. Мне нужно трахнуть тебя снова.

Когда я тихо смеюсь, он переворачивает меня на спину и целует в шею.

— Ты еще даже не проснулся, Бойцовский клуб.

Он поднимает голову и смотрит на меня сверху вниз глазами с отяжелевшими веками.

— Бойцовский клуб?

— Это то, что пришло мне в голову, когда я впервые увидела тебя. Что ты выглядишь как основатель какого-нибудь бойцовского клуба. — Затем я морщусь. — Это плохо?

— Нет. Потому что я и есть основатель бойцовского клуба.

Я изумленно смотрю на него.

— Seriously?

— Нет. Я просто хотел посмотреть, что ты сделаешь, когда я это скажу.

— Тыфу. Снова твое ужасное чувство юмора.

— Не могу сказать, что я тебя не предупреждал.

Он очень, очень красив в приглушенном утреннем свете. Я протягиваю руку и убираю прядь темных волос с глаз Эйдана, провожу кончиком пальца по его лбу и шелковистой брови.

— Мне нравится твой грозный вид, — шепчу я. — Это сексуально.

— Как и твоя великолепная задница.

Я чувствую, что краснею.

— Спасибо.

Он трется своей щекой о мою, проводя по ней бородой, и говорит мне на ухо:

— Почти так же сексуально, как этот отчаянный тихий стон, который ты издаешь, когда близка к тому, чтобы кончить для меня.

Я прячу лицо у него на шее, закрываю глаза и жалею, что не могу ничего сделать со своим яростным румянцем. Мое лицо словно в огне.

Он усмехается.

— Не стесняйся. Мне это нравится.

Я не имею никакого понятия как на это реагировать, поэтому шепчу:

— Хорошо.

Целуя меня в шею, Эйдан шепчет в ответ:

— Как ты хочешь, чтобы я трахнул тебя, милая Кайла?

О боже. В мире не хватит времени, чтобы охватить все мои пожелания.

— Э-э... стремительно?

Эйдан прижимается лбом к моему плечу, и я чувствую, как он тихо смеется.

— Это было не так уж смешно.

— Я смеюсь только потому, что это именно то, что я хотел, чтобы ты сказала.

— Правда?

— Да, — его голос понижается. — Или, другими словами, грубо.

Когда я просто лежу и смотрю на Эйдана в напряженной тишине, он говорит медленно и продуманно:

— Я собираюсь съесть тебя, маленькая зайка, кусочек за кусочком. Я собираюсь съесть Тебя. Вставай.

Трепет проходит сквозь меня.

Это не страх. Это что-то близкое к возбуждению, к необузданному виду радости, который мне совершенно незнаком. Странное желание вскочить с кровати и заставить его преследовать меня заставляет сказать, задыхаясь:

— Если ты не сможешь поймать меня, значит, ничего не получишь.

Все тело Эйдана напрягается. Глаза, и без того такие темные, становятся черными. Ноздри раздуваются, и, клянусь Богом, Эйдан меняется, мгновенно становясь хищником.

Опасным, красивым хищником, готовым разорвать меня на куски острыми зубами.

С легким криком ужаса и восторга я выбираюсь из-под него и вскакиваю на ноги. Голая выбегаю из спальни и несусь по коридору, мое сердце бешено колотится, мрачный смех Эйдана звенит у меня в ушах.

Но бежать некуда. Его квартира маленькая, и я не собираюсь выбежать голой на улицу. Поэтому, пока он шагает по коридору, я дико оглядываюсь в поисках места, где можно спрятаться.

— Некуда идти, маленькая зайка, — рычит Эйдан, стоя в конце коридора и глядя на меня голодными глазами. Он подходит ближе, не сводя с меня своего дикого взгляда. Я вижу его член — длинный и твердый, подпрыгивающий при каждом шаге.

— Ты в ловушке. Сдавайся.

Я изрекаю возмутительную ложь:

— Извините, мистер Король Лев. Эта зайка не хочет быть завтраком. — Затем я бегу на кухню, и огибаю стол так, чтобы он оказался между нами. Жду, чтобы посмотреть, что Эйдан будет делать дальше.

И он делает выпад, логично? Потому что именно так поступают голодные львы.

Эйдан гоняется за мной вокруг стола, а я кричу и делаю все возможное, чтобы перехитрить его. Но он такой чертовски быстрый! Когда я выдвигаю стул, чтобы попытаться заблокировать его, Эйдан отбрасывает его в сторону мощным взмахом руки, и тот с грохотом падает на пол. Я поворачиваюсь и бегу в гостиную, но Эйдан хватает меня за запястье и разворачивает, прижимая к своей груди.

Оттягивает мою голову назад за волосы, прижимается своим ртом к моему и жадно целует.

Я поддаюсь этому на мгновение, рассчитывая, что это заставит его ослабить бдительность, чтобы потом вырваться. Мой план состоит в том, чтобы убежать в ванную и запереть за собой дверь, но все летит к чертям, когда Эйдан набрасывается на меня сзади. Мы падаем на ковер в гостиной и начинаем бороться за контроль.

Все заканчивается в считанные секунды. Он слишком силен. Я не соперник этим чертовым мускулам.

— Такая хитрая маленькая зайка, — рычит Эйдан, сверкая глазами. Затем хватает мои запястья и прижимает к полу над моей головой, затем садится на меня верхом.

Все еще извиваясь и пытаясь вырваться, я кричу от отчаяния.

Его смех звучит ликующе.

— Плохая зайка, — шепчет он. — Такая плохая.

Эйдан крепко целует меня, а затем переворачивает на живот так легко, что это даже забавно. Затем кладет руку мне между лопаток, прижимает к коврику и больно шлепает по заднице.

Когда я вскрикиваю, он повторяет шлепок.

— Ой!

— Скажи, что ты сожалеешь о попытке убежать, зайка.

— Нет! Мне не жаль!

Как я и надеялась, Эйдан снова шлепает меня, затем просовывает руку мне между ног. Он издает низкий звук удовольствия в горле.

— Не извиняешься, а сама горячая и чертовски скользкая. Я думаю, что мою маленькую зайку нужно трахнуть прямо здесь, на ковре.

Когда он скользит толстым пальцем внутрь меня, я издаю стон.

— Скажи мне, что ты хочешь, чтобы я трахнул тебя, — требует он.

Я знаю, что все это — часть игры. Ямышь, а он кот, и он хочет, чтобы я разрешила ему выпустить мне кишки и съесть меня. Но мыши не разрешают кошкам есть их, и я не разрешу.

— Нет!

Его смешок звучит довольным.

Эйдан вынимает свой палец из меня и снова шлепает, на этот раз по обеим ягодицам,

жалящими ударами, от которых у меня перехватывает дыхание, и я так возбуждаюсь, что начинаю бесстыдно тереться тазом о ковер, пытаюсь найти разрядку.

Эйдан наклоняется и кусает меня за задницу. Это жжет почти так же сильно, как порка, и мне это нравится.

— Моя зайка любит, когда ее шлепают, не так ли?

— Нет! Отпусти меня! — тяжело дыша, я беспомощно извиваюсь под ним.

Низким и мрачным голосом Эйдан говорит:

— О, я не отпущу тебя, моя милая маленькая зайка. Ты никогда не уйдешь от меня.

Это не должно волновать меня так, как волнует здесь и сейчас. Мой здравый смысл знает, что это опасная игра, в которую я играю с человеком, почти мне не знакомым, и я должна закончить все сейчас, пока ситуация не зашла слишком далеко. Я должна спокойно сказать ему, что боюсь и хочу, чтобы он прекратил. Я должна выйти из этой квартиры и никогда больше его не видеть.

Единственная проблема в том, что я не боюсь.

И я не хочу, чтобы Эйдан останавливался.

И больше всего на свете я хочу увидеть его снова.

Я хочу, чтобы он заставил меня вылезти из кокона и больше не позволял замыкаться в своих мыслях. Потому что это темное и страшное место, в котором я бы предпочла не проводить слишком много времени.

Но я никак не смогу выиграть эту игру грубой силой. Он меня обыграет. Так что этой маленькой зайке придется пораскинуть мозгами.

Я перестану сопротивляться и невинно говорю:

— Ничего, если я воспользуюсь ванной, прежде чем мы продолжим? Извини, я только что поняла, что мне нужно.

После удивленной паузы Эйдан говорит:

— Конечно.

В момент, когда он убирает руку с моей спины и перекидывает через меня ногу, я подтягиваюсь и вскакиваю на ноги. Ухмыляясь в его удивленное лицо, я говорю:

— Сосунок.

Затем я выбегаю из гостиной.

Эйдан ловит меня прежде, чем я успеваю пройти даже половину коридора.

Схватив меня за руку, он делает что-то вроде изгибающегося движения ниндзя и перебрасывает меня через плечо. Пока я визжу и извиваюсь, он разворачивается и широкими шагами идет на кухню.

Ставит меня на ноги рядом с кухонным столом.

Схватив меня за плечи и заглядывая в широко раскрытые глаза, он горячо шепчет:

— Такая чертовски плохая зайка.

Эйдан разворачивает меня, прижимает грудью к столешнице, раздвигает мне ноги и хватает запястья своими руками, заводя их мне за спину.

Он толкается в меня так внезапно, что я выгибаюсь и вскрикиваю от шока.

Склонившись надо мной, Эйдан рычит мне на ухо:

— Тебе придется тяжело в наказание за то, что ты убежала от меня. Готова?

— Да!

Его стон удовольствия — последнее, что мне дарит Эйдан.

Затем он кусает меня за плечо и трахает, жестко входя в меня, снова и снова, толкаясь с

такой силой, что стол подпрыгивает и перемещается по полу. Его руки сжимают мои запястья, зубы царапают мою кожу, рычание доминирования звенит у меня в ушах, и я не могу вспомнить, когда в последний раз чувствовала себя такой свободной.

Я прижимаюсь щекой к гладкому дереву стола, закрываю глаза и полностью сдаюсь.

— Приготовься принять мою сперму, детка. Открой эту сладкую киску пошире.

Его голос звучит как резкий скрежет у моего уха. В ответ я могу выдавить только низкий, прерывистый стон. После еще двух сильных толчков движение бедер Эйдана замедляется. Он стонет. Отпуская мои запястья, Эйдан зарывается одной рукой в мои волосы, а другой — в бедро и яростно прижимает меня к своему тазу, вжимаясь в меня и достигая оргазма.

С выгнутой шеей и твердыми сосками, скользящими по столу, я кончаю на его пульсирующем члене.

Эйдан падает на меня сверху, прижимая к столу, и хрипло шепчет мне на ухо:

— Возьми это. Возьми. Возьми. Возьми все до последней гребаной капли, моя прекрасная зайка и скажи, что тебе это чертовски сильно нравится.

На грани рыданий я выдыхаю:

— Мне это нравится. Эйдан, мне это так нравится.

Его задыхающийся смех звучит торжественно.

— Я знаю, детка. Моя хорошая маленькая зайка.

Сияя, как восходящее солнце, пробивающееся сквозь древнюю тьму, я прижимаюсь щекой к гладкому дереву и улыбаюсь.

В разительном контрасте с рычащей дикостью, во время секса Эйдан молчалив и нежен, когда моет мое тело под теплыми струями душа.

Я дрожу и немного в шоке. Не знаю, смогла бы я что-то ему сказать, даже если бы могла, поэтому я просто благодарна, что он не просит меня об этом. Эйдан поворачивает меня то так, то сяк, намыливая и ополаскивая мое тело, затем наливает немного шампуня себе на ладонь и моет мне волосы.

Я стою с закрытыми глазами и гадаю, что будет дальше.

У меня никогда не было секса на одну ночь, так что я не знаю, чего ожидать и как себя вести. Надо спросить его номер? Нет, его номер у меня уже есть. Нужно поблагодарить его? Это кажется странным, но опять же, вся эта ситуация была странной.

Удивительной, но странной.

Я могу только представить, каким неловким будет прощание: я стою у двери Эйдана босиком и в мятой одежде, которая, вероятно, еще даже не высохла. Пытаюсь вести себя беззаботно — и проваливаюсь. Что я вообще могу сказать?

«Это было здорово, чемпион! Спасибо за потрясающий перепах!»

Нет. Возможно, я не самый лучший собеседник в мире, но даже я знаю, что это не вариант.

— Никогда не встречал женщину, которая думала бы громче, чем ты, — бормочет Эйдан.

— Прости. Я люблю копаться в своих мыслях.

— Тебе не нужно извиняться. Просто сделал комментарий. Откинь голову назад.

Я повинуюсь, закрываю глаза и позволяю ему смыть шампунь с моих волос. Я прислоняюсь к Эйдану, обхватив руками его талию и прижавшись грудью к его груди, и снова задаюсь вопросом, что бы подумал Майкл, если бы мог увидеть меня сейчас.

И тогда чувство вины накрывает меня — холодное и твердое, как кирпич, упавший на голову. Противный маленький голосок в моем сознании шипит оскорбления.

Твой муж умер только месяц назад, а у тебя уже был секс с другим мужчиной! Как ты могла?

Эйдан мягко говорит:

— Твое тело становится очень напряженным, когда ты начинаешь волноваться.

Я выдыхаю и продолжаю молчать. В любом случае, нет слов, чтобы описать мои чувства.

Он тянется куда-то позади меня, чтобы закрыть кран. Затем обхватывает ладонями мою голову и прижимает ее к своей груди. Другой рукой Эйдан обнимает меня. Мы стоим, обнаженные и мокрые, некоторое время, обнявшись в тишине, пока он не говорит:

— Мы можем что-то делать или не делать вообще ничего. Я не жду, что у тебя будут какие-то ответы прямо сейчас.

Как он всегда знает, о чем я думаю?

Чувства угрожают сдавить мне горло, но я проталкиваю слова сквозь них:

— Что ты хочешь делать?

Эйдан сжимает меня в объятиях и произносит:

— Это, насколько это возможно.

Мой смех мягкий.

— Это можно устроить.

Поглаживая мои мокрые волосы, он целует меня в макушку.

— Ты уверена? Я знаю, что у тебя сложная ситуация. Я не хочу делать все еще хуже.

Не задумываясь, я говорю:

— Пока что ты — единственный, кто сделал ситуацию лучше.

Я ежусь, когда осознаю, как это звучит. Откровенно и уязвимо.

Так, будто я нуждаюсь в этом.

Но если Эйдан и находит это отталкивающим, то этого не показывает. Он просто снова целует меня в макушку и бормочет:

— Хорошо.

Я поднимаю голову и смотрю на него. Он смотрит на меня сверху вниз со слабой улыбкой, его глаза теплые.

Мой голос дрожит, я говорю:

— Могу я быть честной с тобой?

— Это все, чего я хочу. Чтобы ты была честна со мной.

— Ладно. Что ж... — я делаю вдох, затем порывисто выдыхаю. — Это было потрясающе. То есть на самом деле потрясающе. Типа, невероятно. У меня нет опыта в такого рода вещах, потому что я долго была замужем, а мои отношения до этого почти всегда длились долго.

Когда я не продолжаю, он говорит:

— Ты спрашиваешь меня о чем-то конкретном или просто думаешь вслух?

— Я не уверена. У меня по этому поводу самые разные чувства.

— У меня тоже. Ты думаешь, это случается со мной каждый день?

Я отстраняюсь и оглядываю его с ног до головы, всю эту идеальную грубую мужественность.

— Да.

Эйдан притягивает меня обратно к себе и обхватывает мой подбородок рукой.

— Нет. Это не так.

Он смотрит на меня с такой непоколебимой настойчивостью, что я ему верю. Никто не может лгать так хорошо, находясь так близко.

Я говорю:

— Слава Богу, — и мы оба удивляемся тому, с каким облегчением это прозвучало.

Эйдан начинает смеяться. Я заливаюсь краской до самой шеи. Он притягивает меня к себе и крепко обнимает, утыкаясь носом в мое ухо.

— Милая зайка, — шепчет он, все еще посмеиваясь. — Я думаю, я тебе нравлюсь.

Пылая от смущения, я говорю:

— Нет, мне просто нужно починить крышу, и я подумала, что буду заниматься с тобой сексом, пока ты не перестанешь ясно соображать, а потом попробую выбить скидку.

Отстраняясь, он притворяется шокированным.

— Я уже сделал тебе скидку!

Я ухмыляюсь ему.

— О, да. Я забыла. За все две тысячи, верно?

Эйдан смотрит сердито, но я понимаю, что он всего лишь играет со мной.

— Неправильно. Десять тысяч.

— Подожди, ты сказал пять!

Его сердитый взгляд смягчается. Он снова начинает смеяться.

Я легонько шлепаю его по груди.

— Придурок.

— Виновен. Что ты хочешь на завтрак?

— Только не говори мне, что ты еще и готовишь!

— Только самую лучшую яичницу-болтуню, которую ты когда-либо ела.

Улыбаясь, я говорю:

— Думаю, тогда я хочу ее.

Эйдан опускает голову и нежно целует меня. Когда он отстраняется, выражение его лица становится серьезным.

— Мне нужно тебе кое-что сказать.

Мой желудок сжимается.

— Черт. Я знала, что это было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Все не так уж плохо.

— Тогда почему ты делаешь такое лицо?

— Какое лицо?

— Такое пугающе серьезное лицо, как будто ты собираешься сказать мне, что у тебя венерическое заболевание.

Эйдан открывает дверь душа, хватая полотенце с вешалки на стене, оборачивает его вокруг меня и начинает вытирать мое тело.

— Нет. Чист, как стеклышко.

Наслаждаясь его вниманием, позволяю себе паузу.

— Я тоже, на случай, если тебе интересно. Я полагаю, нам следовало поговорить об этом до того, как начали, э-э...

— Трахаться?

— Да, это подходящее слово.

Эйдан наклоняется, чтобы вытереть мои ноги, а я кладу руки ему на плечи.

— Об этом, а еще о твоих шансах забеременеть от незащищенного секса, — он выпрямляется и пристально смотрит на меня, — А еще согласие и стоп-слова. Обычно я не настолько увлекаюсь, чтобы об этом забыть.

— Я принимаю таблетки... Подожди. Вернись на секунду назад. Стоп-слова?

— На случай, если я буду слишком груб с тобой.

Я чуть не смеюсь вслух.

— Не проблема. Мне нравится, какой ты грубый.

Эйдан смотрит на меня, не отрываясь. Пронзая меня немигающим взглядом, он медленно говорит:

— Я мог бы причинить тебе боль, Кайла. Случайно, я имею в виду. Я не хочу, чтобы это случилось.

Мне нравится, что Эйдан так заботится о том, чтобы мне было хорошо. А еще нравится, что он находит время сообщить об этом. Что мне не нравится, так это внезапная и нежеланная мысль о том, что, возможно, он причинил кому-то боль в прошлом.

Случайно или нет, но, кажется, что в его прошлом может быть такая история.

Я осторожно спрашиваю:

— Ты причинял кому-нибудь боль раньше?

— Да, — мгновенно отвечает он. Затем закрывает глаза и сглатывает. — Но не во время секса. И не случайно.

Я начинаю чувствовать тревогу, но сохраняю спокойствие в голосе.

— Тогда как?

Эйдан открывает глаза. Мускул на его челюсти дергается. Он делает медленный вдох.

— Мой отец часто бил мою мать. Сильно. Он был запойным пьяницей и очень жестоким. Мать не раз попадала в больницу по его вине. Это продолжалось годами. Я ничего не мог с этим поделать, когда был маленьким, но когда я вырос...

Я осознаю, что задерживаю дыхание. Мое сердцебиение ускоряется. Шепчу:

— Продолжай.

Эйдан отводит взгляд. Мускул на его челюсти снова дергается. Когда он говорит, его голос звучит очень тихо.

— Я боюсь, что если скажу тебе, то больше никогда тебя не увижу.

Это выбивает меня из колеи по нескольким причинам.

Во-первых, потому что, что бы он ни делал, это было явно плохо. И под плохим я подразумеваю жестокое. И второе: он готов рассказать мне, но боится последствий. Он боится, что я не приму это и выйду за дверь.

Из чего следует в-третьих: он так же увлечен этой неожиданной ситуацией между нами, как и я.

Я не знаю, есть ли слово для эмоции, которую я испытываю. Может быть, нет, потому что это нагромождение стольких разных чувств одновременно. Но я точно знаю, что, что бы он ни сделал со своим отцом, он сделал это, чтобы защитить свою мать.

Потом я вспоминаю, что он сказал мне в баре.

«Мне не нравился мой отец».

В прошедшем времени. Что наводит на мысль, что его отца больше нет в живых.

И именно тогда я открываю в себе нечто такое, чего никогда раньше не знала.

— Эй.

Эйдан смотрит на меня, его взгляд настороженный, а челюсти сжаты.

Глядя прямо ему в глаза, я говорю:

— Прошлое умерло. Так что, что бы ни случилось, что бы ты ни сделал, просто знай, что я никогда не попрошу тебя объясняться передо мной. И никогда не буду осуждать тебя за то, что ты сделал, чтобы уберечь кого-то другого от боли. Неважно, насколько плохо это что-то было. Жизнь — это хаос, и у всех нас есть свои причины делать то, что мы делаем. Меня не волнует, что ты делал до того, как мы встретились.

Его губы приоткрываются. Он смотрит на меня с недоверием и чем-то еще, что я не могу определить.

Это может быть надежда.

— Но с этого момента мне не все равно. Если мы продолжим встречаться, я ожидаю полной честности. Понял?

С ошеломленным взглядом он кивает.

— Хорошо. А теперь вытирайся, Бойцовский клуб, потому что я умираю с голоду, — я обвиваю руками плечи Эйдана, приподнимаюсь на цыпочки и нежно целую его. Прижавшись к нему губами, я шепчу: — У твоей маленькой зайки разыгрался аппетит от того, что ее так хорошо трахнул ее большой плохой лев.

Он хватает меня и обнимает так крепко, что у меня перехватывает дыхание. Я чувствую,

как его тело дрожит рядом с моим, легкая дрожь в мышцах в такт с его прерывистым дыханием.

По какой-то странной причине в этот момент мне приходит на ум стих, который Данте прислал в своем последнем письме.

Но страсть и волю мне уже стремил,

Как если колесу дан ровный ход —

Любовь, что движет солнце и светила.

Слова эхом отдаются в моей голове, прежде чем исчезнуть, когда Эйдан целует меня.

Мы завтракаем у него, потом Эйдан едет к моему дому на своем грузовике прямо за мной.

Когда мы добираемся до дома, он настаивает на том, чтобы зайти внутрь и все проверить, прежде чем впустить меня.

— Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть, — говорит Эйдан, наклоняясь к открытому окну моей машины со стороны водителя. — Ключи?

Я протягиваю их ему.

— Хотя не знаю, заперла ли я дверь. Я чертовски быстро выбегала из дома.

Он кивает, затем выпрямляется и идет по дорожке к входной двери.

Пока я наблюдаю, как он стоит там, отпирая дверь, я испытываю момент когнитивного диссонанса.

Только в прошлом месяце на его месте стоял бы Майкл. Мой очаровательный, обаятельный муж в накрахмаленной белой рубашке, начищенных черных оксфордах⁵ и брюках с пронзительно-прямыми стрелками. Он тщательно ухаживал за собой, никогда не выходил из дома с растрепанной прической или малейшей тенью щетины на подбородке.

И можно было забыть о татуировках. Вид игл вызывал у Майкла тошноту. Каждый божий год, когда он шел делать прививку от гриппа, он чуть не падал в обморок в кабинете врача.

Эйдан — почти его полная противоположность. Я сомневаюсь, что смогла бы выбрать кого-то более непохожего на Майкла, если бы попыталась.

Эйдан поворачивается и смотрит на меня, пока я с тревогой ожидаю в машине. Он вздергивает подбородок и исчезает за входной дверью, оставляя ее открытой.

Десять минут спустя он появляется в дверях и жестом приглашает меня войти.

Я все еще охвачена тревогой, когда спешу по тропинке босиком. По крайней мере, сегодня не льет дождь, но это не мешает мне дрожать от холода.

Небо над головой такое же тускло-серое, как гроб Майкла.

— Есть что-то странное? — спрашиваю я, когда добираюсь до Эйдана.

— Все чисто. Заходи внутрь.

Я вхожу в фойе, обхватив себя руками. На мне большая черная толстовка Эйдана, рукава закатаны наполовину, так что они на одном уровне с моими запястьями. Пара моих ботинок лежит под консольным столиком. Я засовываю в них ноги, не утруждая себя завязыванием шнурков.

Эйдан говорит:

— Все было заперто. Никаких признаков взлома. Я проверил все и наверху тоже.

Я испытываю облегчение, но в то же время чувствую себя глупо, когда осознаю, что я выбегала из дома, как будто за мной гнались демоны. Мое воспаленное воображение явно постаралось на славу.

— Отлично. Спасибо тебе.

— Нет проблем.

— Почему ты так улыбаешься?

— О, просто так. Я просто думаю, что ты действительно хорошо рисуешь, вот и все.

Какое-то мгновение я не понимаю, что он имеет в виду. Когда до меня доходит, я

закатываю глаза.

— Ты был в моем кабинете.

— Пришлось проверить окна.

— Я полагаю, ты проверил и несколько других вещей.

Эйдан протягивает руку и дергает за рукав своей толстовки, притягивая меня к себе.

Затем заключает меня в кольцо рук и улыбается.

— Я думаю, что этот домашний кролик, который есть у маленького мальчика, *на самом деле* милый.

Я улыбаюсь.

— Да, держу пари, что так оно и есть.

— Так ты художник?

— Иллюстратор. В основном, детские книги, хотя иногда я работаю с календарями и журналами.

Он наклоняется и нежно прижимается своими губами к моим.

— Ты чертовски талантлива, Кайла.

Этот комплимент заставляет меня воспарить, и единственная причина, по которой я все еще остаюсь на земле — это его руки, обвивающие мое тело.

— Спасибо.

— Ох. Посмотрите на мою застенчивую маленькую зайку с красными щечками.

— Заткнись, пока я не пнула тебя по ноге.

Посмеиваясь, он наклоняется и снова целует меня.

— Застенчивая и стержовная. Две мои любимые вещи.

— Назови меня стержовной еще раз, и мы посмотрим, как далеко ты сможешь уйти с разорванной селезенкой.

Эйдан пытается заглушить смех, прижимаясь лицом к моей шее.

Я без особого энтузиазма толкаю его в грудь.

— Придунок.

— Ты не считаешь меня придурком, — мягко говорит он, затем снова целует меня, на этот раз более глубоко.

Нет, признаюсь я себе, когда его язык сталкивается с моим. О нет, я так не считаю.

Мы целуемся до тех пор, пока оба не начинаем тяжело дышать, а небольшая пульсация тепла у меня между ног не превращается в боль. И в этот момент чувство вины снова захлестывает меня. Я отстраняюсь, прижимая пальцы к губам.

Эйдан изучает мое лицо.

— Ты в порядке?

— Да.

Когда я отказываюсь встречаться с ним взглядом, Эйдан берет меня за подбородок и приподнимает голову. Теперь я вынуждена ответить на его взгляд.

— Что произошло?

У меня пересохло во рту. Я облизываю губы и сглатываю.

— Я чувствую себя немного... — я прочищаю горло, — неудобно.

Он, кажется, удивлен.

— Со мной?

— Из-за того, что ты целуешь меня в моем доме.

После короткой паузы Эйдан говорит:

— Хорошо, — затем отступает назад, отпуская меня.

— О боже. Мне жаль. Я не хотела ранить твои чувства.

— Нет, я понимаю.

Он, возможно, не понимает, но заслужил очки за попытку.

— Просто это было совсем недавно. Мое расставание с мужем, — я снова прочищаю горло. — И я все еще как будто жду, что он войдет в дверь в любую минуту. Это просто странно для меня. Мне очень жаль.

— Ты можешь перестать извиняться, — мягко говорит он. — Я же сказал, что все в порядке.

Съездившись, я складываю ладони вместе.

— Я знаю, просто мне так не кажется, и теперь я чувствую себя идиоткой.

— Ты не идиотка. Я бы поцеловал тебя снова, но не хочу делать это для тебя еще более странным, чем есть сейчас. Итак, вот в чем дело: сейчас я позвоню своему приятелю Джейку, который владеет охранной компанией. Он придет и установит тебе сигнализацию. А пока у меня встреча, на которую мне нужно попасть, но после я собираюсь заняться твоей утечкой.

Он кивает в сторону кухни и ведер на полу.

— Я не смогу приступить к ремонту, пока погода не наладится, а этого не случится еще несколько дней. Но я постелю на крышу брезент, чтобы предотвратить попадание еще большего количества воды, и удалю всю воду с чердака, чтобы у тебя не было проблем с плесенью. Хорошо?

— Да. Хорошо. Спасибо. О, подожди, я схожу за своей чековой книжкой.

— Еще одно гребаное слово, — перебивает Эйдан, — и ты заработаешь порку.

Пораженная, я смотрю на него. На его лице нет ни улыбки, ни следов юмора.

Он совершенно серьезен.

Я говорю неуверенно:

— Могу я задать вопрос?

Он кивает.

— Порка будет из-за чековой книжки, о которой мне не следовало говорить, или ты просто хочешь, чтобы я вообще молчала?

Эйдан поджимает губы и складывает руки на груди. Теперь я могу сказать, что он пытается сохранить невозмутимое выражение лица. Еще он пытается быть устрашающим, и у него в значительной степени не получается ни то, ни другое.

Он строго говорит:

— Я имел в виду, что не буду брать твои деньги.

— Но мы договорились...

— Еще одно слово, — снова перебивает Эйдан, на этот раз довольно громко.

Повторяя его позу, я складываю руки на груди и смотрю на него снизу вверх.

— Я занималась с тобой сексом не для того, чтобы получить бесплатный ремонт крыши, Эйдан.

— Ясный перец, Кайла. Но я все равно не возьму твои деньги.

— Это что, одна из особенностей эго мужчины-мачо? Ты правда думаешь, что проявишь слабость, если я заплачу тебе за твое время и опыт?

— Да и еще раз да.

Я решительно говорю:

— Это безумие.

Эйдан разжимает руки, наклоняется к моему лицу и смотрит мне в глаза.

— Спасибо, что поделилась своим мнением по этому вопросу. Это последний раз, когда ты могла это сделать. Еще раз упомянешь при мне деньги, и ты знаешь, что тебя ждет.

Когда я просто стою и смотрю на него, он подсказывает:

— Признай, что ты знаешь, что тебя ждет.

— Зачем?

— Это называется согласием.

Я надменно говорю:

— Я не согласна на порку из-за денег.

— Не упоминай о деньгах снова, и ты ее не получишь.

— Помнишь, я говорила тебе, что мне нравится, когда меня не раздражают?

Игнорируя мое высказывание, он добавляет:

— Но если ты упомянешь о деньгах снова, я считаю, что ты предупреждена и полностью проинформирована о последствиях. Независимо от того, хочешь наказания или нет.

Я делаю недовольное лицо.

— Я думаю, что у тебя проблемы с логикой.

— Как мило с твоей стороны. Это ничего не меняет, — Эйдан разворачивается на каблуках и направляется к входной двери.

— Куда ты идешь? Мы не закончили!

Через плечо он бросает:

— Уже закончили.

— Вернись сюда прямо сейчас, или это ты будешь тем, кто получит эту чертову порку!

Посмеиваясь, он исчезает за входной дверью.

~

Час спустя появляется Джейк, охранник. Он сделан из того же теста, что и Эйдан: большой, мускулистый, похожий на лесоруба. У него даже есть татуировки на предплечьях и борода. Хотя она и русая, а не каштановая и имеет несколько седых волос. Я впускаю его и показываю дом. Мы оказываемся в моем кабинете.

— Проще простого, — уверенно говорит он. — Где ты хочешь установить смарт хаб?

— Я понятия не имею, что это такое.

— Он связывает все устройства воедино и действует как нервный центр системы безопасности. — Когда я непонимающе смотрю на него, он продолжает. — Мы намерены подключить сигнализацию, камеры слежения и камеру дверного звонка к беспроводному хабу, который управляет всем и взаимодействует с телефоном, чтобы ты могла следить за всем удаленно.

Хаб? Камеры? Дистанционное управление? Я начинаю нервничать.

— Это звучит дорого.

Джейк понимающе ухмыляется. Ярко-розовый кусочек жвачки, которой он жует, торчит между двумя передними зубами.

— Эйдан сказал, что если ты упомянешь деньги, я должен сказать, что ты знаешь, что произойдет.

Мое лицо пылает. Я едко спрашиваю:

— И он это сделает, потому что сейчас я упомянула о деньгах?

— Эй, не убивай посыльного. Я просто делаю свою работу.

Его тон легкий, и в глазах отчетливо видно озорство. Я прикончу Эйдана, когда увижу его в следующий раз.

— Как насчет того, чтобы просто установить базовую систему безопасности. Где я, типа, наберу код, чтобы включить сигнализацию? — Джейк корчит рожу, как будто я только что оскорбила его мать. — Серьезно, мне не нужны камеры и все такое прочее. Я просто хочу, чтобы сработала сигнализация, если кто-то вломится внутрь.

— Но у тебя должны быть камеры, чтобы, если кто-то все-таки вломится, ты имела видеозапись. Просто код не очень поможет полиции, если они не смогут опознать преступника.

Все эти разговоры о преступниках и взломах начинают выбивать меня из колеи. Я говорю:

— Может быть, нам стоит просто забыть обо всем этом.

Джейк смеется.

— Этого не будет.

Я теряю дар речи.

— Почему нет?

— Потому что Эйдан сказал, что ты получишь систему безопасности. А это значит, нравится тебе это или нет, но ты получишь систему безопасности.

— Ясно.

— Да, — он жует жвачку и смотрит на меня так, как будто хочет что-то сказать, но не думает, что должен.

— Что?

— Ничего. Не мое дело.

— Угу. За исключением того, что твое выражение лица выдает твои намерения. Выкладывай, Джейк.

Мгновение он будто спорит сам с собой, затем говорит:

— Ты кажешься милой девушкой.

— Ух ты. Это звучит плохо.

Он поднимает руку.

— Выслушай меня. И сделай мне одолжение, прислушайся, хорошо?

Я киваю, беспокойство расцветает в моем животе.

— Я дружу с Эйданом со средней школы...

Я вмешиваюсь:

— Если ты собираешься сказать мне, что он настоящий бабник, я действительно не хочу этого слышать.

— Нет, это не то, что я собирался сказать.

— Хорошо.

Он наклоняет голову и хмуро смотрит на меня.

— Но если бы это было так, ты бы не хотела знать?

— Как ты сказал, это не мое дело.

Он корчит другую гримасу, и теперь я начинаю раздражаться.

— Что теперь?

— Просто никогда не встречал женщину, которая не хотела бы знать, связалась ли она с охотником за юбками, вот и все.

— Отлично. Он охотник за юбками?

— Нет.

Я скидываю руки.

— Ты убиваешь меня! Переходи уже к делу.

— Ладно, смотри. Я буду с тобой откровенен. Эйдан не сближается с людьми. Не доверяет им.

Его пауза кажется многозначительной. Я говорю:

— И?..

— У него была непростая жизнь.

Когда Джейк останавливается и хлопает пузырем из жвачки, я думаю, что знаю, к чему он клонит, и мои щеки снова становятся горячими.

— Ты намекаешь, что я использую его в своих интересах? Потому что я специально сказала ему, что заплачу за все...

— Ты ему нравишься, — прерывает он низким голосом. — А Эйдану никто не нравится, — он многозначительно смотрит на мой безымянный палец, затем снова встречается со мной взглядом. — Я не хочу видеть, как ему причиняют боль.

После паузы, когда мой мозг перезагружается, а сердце тает, я тихо говорю:

— Он мне тоже нравится. И я не собираюсь причинять ему боль, Джейк. Я обещаю.

Он несколько раз неуверенно пережевывает жвачку передними зубами.

Интересно, что Эйдан сказал ему обо мне, но я не буду спрашивать. Джейк все равно не признается. Он верный друг, и есть мужской кодекс и все такое. Мне повезло, что я так много из него вытянула.

— Послушай. Я предлагаю компромисс. Как насчет того, чтобы установить что-то, что предполагает слежку на уровне ФБР, но и не совсем отстой? Я не смогу придумать ничего слишком сложного, но и не хочу, чтобы тебе пришлось иметь дело с гневом Эйдана, если он это не одобрит. Поэтому давай сделаем что-то среднее между Джеймсом Бондом и инспектором Ключо. Это мы можем?

Он надувает пузырь, хлопает им, затем ухмыляется мне.

— Это мы можем.

Я протягиваю руку, и он пожимает ее.

И тут я случайно бросаю взгляд через плечо Джейка в окно своего кабинета и замечаю, что кто-то стоит во дворе, у кромки воды.

Частично скрытая стволем дерева фигура кажется мужской. Хотя она слишком далеко, чтобы разглядеть черты лица, а глаза скрыты полями шляпы, но у меня отчетливое ощущение, что мужчина смотрит прямо на меня.

Я замечаю белый отблеск, когда мужчина обнажает зубы, как животное.

Порыв ветра свистит в дымоходе. Мои руки покрываются мурашками. Дрожь страха пробегает по телу, пробирая до костей.

— Я заберу свое оборудование из грузовика и приступлю к работе, — говорит Джейк.

Я наблюдаю за ним, пока он выходит из комнаты. Когда я поворачиваюсь обратно, чтобы посмотреть в окно, человек у дерева уже исчез.

Чувствуя себя встревоженной, но в то же время храброй, потому что Джейк в доме и сейчас день, я решаю прогуляться к воде, чтобы разобраться.

Остров Бейнбридж находится всего в тридцати пяти минутах езды на пароме от Сиэтла, но кажется, что на другой планете. Большая его часть покрыта густыми кедровыми лесами или отведена под природные заповедники, но в центре города есть причудливый район с уютными кофейнями, бутиками и ресторанами. Километры тропинок, проложенных вдоль изрезанной береговой линии и холмистой местности, делают его раем для туристов. Имея восемь километров в ширину и шестьдесят в длину, с населением всего двадцать пять тысяч человек, остров невелик. Но он является идеальным местом для людей, которые работают в городе, но не хотят там жить.

Мы с Майклом поселились здесь, когда он принял должность руководителя программы PhD⁶ в Вашингтонском университете.

Кажется, это было целую вечность назад.

Тогда я была другой женщиной. Молодой, счастливой женщиной, которой жизнь еще не преподавала горьких уроков.

Как мы наивны, когда молоды. Как легко мы верим, что солнце будет продолжать восходить и заходить, согревая наши дни. И какой это ужасный удар — обнаружить, что не солнце делает вещи яркими, а люди, которые любят нас так, что, когда они уходят — все погружается во тьму.

Мое владение занимает чуть меньше гектара. Оно покрыто лесом со зрелыми вечнозелеными деревьями и отделено от кромки воды длинной полосой газона и узким каменистым пляжем. Закутавшись в тяжелое зимнее пальто и надвинув на уши вязаную шапочку, я пересекаю заднее крыльцо и спускаюсь по ступенькам на лужайку, затем иду по пешеходной дорожке к воде.

Я стараюсь не подходить к причалу и не смотреть в сторону привязанной к нему лодки.

Майкл окрестил ее «Эвридикой». Я всегда ненавидела это название. Я сказала ему, что плохая примета — называть лодку в честь нимфы из греческой мифологии, которая попала в ловушку в подземном мире, но Майкл сказал, что ему нравится это название. Он находил романтичным, что муж Эвридики, Орфей, любил ее так сильно, что последовал за ней в ад, чтобы умолять Аида освободить ее.

Когда я напомнила, что история заканчивается трагедией, Майкл просто посмеялся надо мной.

— Это всего лишь история, — сказал он и обнял меня.

Как оказалось, я была права. Греческий миф или нет, но обреченный есть обреченный.

Оглядываться назад иногда так дерьмово.

Подойдя к дереву, возле которого видела человека, я внимательно смотрю на землю. Если я смогу найти следы, я смогу сказать, куда он убежал. Земля вокруг ствола мокрая и без травы, так что на ней можно что-нибудь заметить.

Но там ничего нет.

Никаких следов. Никакой потревоженной земли. Никаких признаков человека, который стоял и смотрел на меня.

Мои волосы развеваются на холодном ветру, я поворачиваюсь и смотрю назад, на дом.

Отсюда я смотрю прямо в окна своего кабинета. Дом расположен немного выше береговой линии, но окна кабинета большие, и комната ярко освещена. Мой чертежный стол обращен к двери, поэтому, когда я сижу там, свет и окно находятся у меня за спиной.

Ко мне приходит осознание, что кто-то мог бы стоять здесь и пялиться на меня, пока я работала, и я бы никогда не узнала об этом.

Я смотрю в обе стороны вдоль берега. Там пусто. Моя единственная компания — чайки, кружащие над головой, и беспокойные волны, набегающие на каменистый пляж.

Кем бы он ни был, его давно нет.

Отблеск от земли рядом с моими ботинками привлекает внимание. Я наклоняюсь и поднимаю монету из грязи. Я вытираю ее большим пальцем, и у меня перехватывает дыхание.

Это пятицентовая монета с буйволом.

Такие монеты, отчеканенные между 1913 и 1938 годами, могут стоить от тридцати пяти центов до трех миллионов долларов, в зависимости от года выпуска и состояния. Эта конкретная монета отчеканена в 1937 году. Это тип D, на котором изображен буйвол с тремя ногами вместо обычных четырех, и стоит она ровно две тысячи пятьсот шестьдесят долларов.

Я знаю это, потому что Майкл узнавал это у оценщика. Она принадлежала его деду. Он повсюду носил ее с собой и клялся, что монета принесла ему удачу.

И я нашла ее зарытой в грязи под деревом, где незнакомец шпионил за мной.

Мое сердце бьется быстрее, я сжимаю монету в кулаке и спешу обратно в дом, пытаюсь убедить себя, что холодное покалывание в позвоночнике — это всего лишь ветер.

~

Несколько часов спустя Джейк закончил установку системы безопасности.

Эйдан все еще не вернулся.

Джейк показывает мне, как пользоваться хабом, который он установил на стене в моем кабинете рядом с выключателем света в дверном проеме. Затем он устанавливает приложение на мой iPhone, чтобы я могла просматривать видеозаписи в режиме реального времени, так что в случае, если кто-то позвонит в дверь, я смогу увидеть, кто там, не выходя из комнаты. Еще он установил широкоугольную камеру над задней дверью, чтобы можно было увидеть двор.

— Как долго идет запись? — спрашиваю я, гадая, попал ли мужчина у дерева на камеру.

— Около двадцати минут. Только что заработало. У тебя достаточно памяти в системе для записи видео на целую неделю, затем камера начнет делать новые записи поверх старых. Так что платить за дополнительную карту памяти — а она, к слову, стоит недешево, — не придется.

Значит, нет никаких записей о времени, когда я видела фигуру за деревом. Я разочарована, но с этим ничего не поделаешь. По крайней мере, с этого момента я смогу узнать, приходил ли он, даже если меня не было дома.

Джейк говорит:

— Я установил панели для ввода кода на передней и задней дверях, а еще внутри гаража рядом с дверью прачечной. Если система случайно сработает, когда сигнализация включена, у тебя есть тридцать секунд, чтобы отключить ее с помощью кода, прежде чем она автоматически уведомит службу безопасности. Если не успеешь вовремя, сообщи пароль оператору, который позвонит, и они отменят тревогу.

Он печально улыбается.

— И постарайся, чтобы этого не случилось, потому что мы берем сотню баксов каждый раз, когда срабатывает сигнализация.

— Ой.

— Да, мы работаем за деньги.

— Я думала, ты — владелец компании?

— Верно.

— То есть когда ты говоришь «мы», ты на самом деле имеешь в виду себя.

Он смеется.

— Ты говоришь как моя жена.

— Держу пари, она очень умная женщина.

Ухмыляясь, он качает головой.

— Теперь ты говоришь еще больше, как она.

— Великие умы мыслят одинаково. Из любопытства, есть ли способ получить уведомление на телефон, если камеры зафиксируют движение?

— Конечно, если ты хочешь, я настрою приложение. Некоторым людям это не нравится, потому что уведомление будет приходить каждый раз, как по лужайке пробежит белка или мимо проедет машина. Может раздражать.

— Есть ли настройка размера? Например, чтобы камера не реагировала на белку, а замечала только человека?

— Нет, но я могу уменьшить радиус так, чтобы камера по-прежнему записывала все, но выдавала уведомление только в том случае, если кто-то, скажем, пройдет в пределах полутора метров от двери.

Все это звучит немного сложнее, чем я надеялась. Я представляю, как в панике хватаюсь за свой телефон каждый раз, когда он жужжит, только для того, чтобы обнаружить грызуна, бегущего по переднему крыльцу.

— Давай пока пропустим уведомления. Я всегда могу включить их позже, верно?

— Конечно, можешь. Все, что мне сейчас от тебя нужно, это чтобы ты запрограммировала свой код доступа в хабе. Затем я покажу, как использовать кодовое поле. Тогда мы закончим.

Он знакомит меня с процессом ввода кода и демонстрирует, как работает система, что не занимает много времени. Потом собирает вещи и пожимает мне руку.

Провожая его до входной двери, я говорю:

— Я знаю, что не должна произносить слово на букву «д», но ты должен позволить мне кое-что сделать для тебя, Джейк. Ты просто превзошел мои ожидания.

— Не беспокойся об этом. Если ты оставишь то, что я сказал об Эйдане, между нами, я буду считать, что мы квиты.

Я открываю дверь и отступаю, чтобы пропустить его.

— Ладно. И спасибо тебе. Правда. Это так много значит для меня.

Джейк делает паузу, чтобы улыбнуться мне.

— Надеюсь, я увижу тебя снова, Кайла. Было бы очень здорово, если бы у Эйдана появилась девушка, с которой мы с женой могли бы встречаться. Я знаю, что иногда он чувствует себя третьим лишним.

Удивленная этим, я говорю:

— Прошло много времени с тех пор, как у него с кем-то были серьезные отношения?

Он усмехается так, что я начинаю думать, что за этим стоит долгая и запутанная история.

— Можно и так сказать. Ладно, береги себя.

Он неторопливо спускается по тропинке к подъездной дорожке и забирается в свой грузовик, машет рукой, заводя двигатель.

Я машу в ответ, захожу внутрь и запираю дверь, надеясь, что новая сигнализация не понадобится мне никогда, но не совсем веря в это.

~

К тому времени, как Эйдан возвращается, уже темно.

— Извини, я опоздал, — говорит он, когда я открываю дверь на его стук. — Встреча была настоящим проебом времени. Чуть не опоздал на последний паром, — он смотрит мимо меня в прихожую. — Ничего, если я войду?

— Конечно.

Я широко распахиваю дверь и отступаю назад, чтобы пропустить его. Эйдан заходит в дом и проверяет панель с кодом безопасности на стене.

— Джейк хорошо поработал?

Улыбаясь, я закрываю дверь.

— Джейк потрясающий.

Он переводит взгляд на меня.

— Да?

— Да. Он мне нравится.

— Ты говоришь так, как будто удивлена.

Я пожимаю плечами.

— Я не фанат людей в целом. Предпочитаю делать выводы по каждому случаю отдельно. Но Джейк — хороший парень.

— Так и есть, — мягко говорит Эйдан, его глаза сияют. — То же самое можно сказать и про меня. Я не фанат людей.

— Мы должны основать клуб. «Интроверты Юнайтед», отделение в Сиэтле. Ты можешь быть президентом.

— Мы не интроверты. Мы мизантропы. Большая разница.

— Пока вспомнила. Я хотела сказать, что восхищена твоим словарным запасом.

Он так пристально смотрит на меня, так, будто хочет схватить и тут же трахнуть.

— Да? — спрашивает хрипло. — Чем еще ты восхищаешься, маленькая зайка?

Услышав это прозвище, я вспоминаю нашу сексуальную погоню в его квартире. По телу бежит теплая волна.

— Я составлю тебе список.

Мгновение мы смотрим друг на друга, а потом Эйдан протягивает руку и проводит большим пальцем по моей пылающей щеке.

Он бормочет:

— Хорошо. Ты сможешь огласить его в следующий раз, когда я буду внутри тебя.

Кто-то будто поднял меня и сбросил в вулкан. Обжигающий жар окутывает мою кожу. Воздух, который я втягиваю в свои легкие, обжигает. Я бы не удивилась, если бы посмотрела вниз и обнаружила, что вся моя одежда сгорела дотла и лежит кучкой пепла у моих ног.

Когда я облизываю губы, наступает момент, когда — я готова поклясться, — Эйдан едва сдерживает желание схватить меня. Но он овладевает собой, убирает руку от моего лица и

становится деловым.

— Сейчас я установлю брезент.

— Что? Сейчас? На улице темно!

— И что?

— И то, что я не хочу, чтобы ты упал с моей крыши и сломал себе шею!

Он пристально смотрит на меня, его взгляд становится пронзительным.

— Две вещи.

— О нет. Почему у меня такое чувство, что это для меня плохо кончится?

Проходя мимо меня, Эйдан говорит:

— Номер один. Я не падаю с крыш, какими бы крутыми они ни были.

Я скрещиваю руки на груди и сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

— И номер два, — говорит он более мягко, — а что, если я действительно сломаю себе шею?

Я бледнею.

— Эйдан, это не смешно.

— Никто не смеется. Отвечай на вопрос.

Сейчас он очень серьезен, смотрит на меня горящим взглядом, а в его глазах странный огонек. Я не знаю почему, но мой пульс сбивается с ритма.

Я опускаю руки и говорю:

— Пожалуйста, не заставляй меня отвечать на этот вопрос.

— Почему нет?

— Потому что я не думаю, что готова к этому разговору.

— Какому разговору?

Эйдан подходит ближе. Его взгляд горит еще ярче. Мы стоим в нескольких сантиметрах друг от друга. Так близко, что я чувствую жар его тела, хоть он и не прикасается ко мне. Эйдан просто смотрит на меня сверху вниз полуприкрытыми глазами, ожидая.

Глядя в его темные глаза, я шепчу:

— К разговору о том, что я чувствую по поводу того, что происходит между нами.

— Да, — тут же говорит Эйдан, — мы поговорим об этом. Прямо сейчас. Потому что я чуть не сошел с ума, черт возьми, думая о тебе сегодня, и если тебе это не нравится, я бы предпочел узнать раньше, чем позже.

Я закрываю глаза и прерывисто выдыхаю.

— Ты так быстро забыл наш маленький разговор в душе?

— Нет. Посмотри на меня.

Я открываю глаза. Эйдан продолжает, когда я попадаю в ловушку его пристального взгляда:

— Я знаю, что тебе некомфортно находиться рядом со мной в своем доме, и я уважаю это. Иначе я бы уже раздел тебя догола. Понятно?

Черт, он такой напористый. Я нервно сглатываю и киваю.

— Хорошо. Теперь говори.

Некоторое время я молча спорю сама с собой, но Эйдан не настаивает. Он просто стоит и смотрит на меня так, словно я вот-вот раскрою какие-то мистические тайны Вселенной, которые были утеряны для человечества с тех пор, как мы были пещерными жителями.

Наконец, я говорю:

— Хорошо. Но я хотела бы попросить, чтобы после того, как я скажу то, что собираюсь

сказать, ты не придавал этому большого значения.

— Что значит «большое значение»?

Я выдыхаю и качаю головой.

— Я думаю, ты знаешь, что я имею в виду, Бойцовский клуб.

Слабая улыбка приподнимает уголки его губ.

— Да, я знаю. Просто хотел, чтобы ты сказала что-то еще.

— Тебе кто-нибудь когда-нибудь говорил, что ты придурок?

— Да. Ты. Дважды. В тот и другой раз ты не имела этого в виду. Возвращайся к теме разговора и скажи мне то, что мне нужно услышать.

Я запускаю руки в волосы, закрываю глаза и считаю до десяти. Этот человек невозможен.

— Ты можешь стоять там, прижав руки к голове, сколько захочешь, но я все равно буду стоять прямо здесь и ждать.

— Верю, — я открываю глаза, опускаю руки по бокам и смотрю на него снизу вверх. — Хорошо, Эйдан. Вот в чем дело. Ты мне нравишься. Что, я уверена, ты уже знаешь, кстати, поэтому этот разговор — просто такой способ помучить меня. — Я делаю паузу, но он не спорит, так что я продолжаю. — Если ты упадешь с моей крыши и сломаешь шею, это серьезно испортит мне настроение.

Когда Эйдан открывает рот, чтобы прервать меня, я поднимаю руку.

— Я еще не закончила. Ты получишь шанс высказаться.

Низкое недовольное рычание вырывается из его груди, но я игнорирую его.

— Ты меня очень привлекаешь, — при воспоминании о том, как безрассудно я скакала на его члене и как сильно я кончила для него, жар на моих щеках разгорается еще сильнее. — Я думаю, мы уже установили это вне всяких сомнений. Еще с тобой я чувствую себя в безопасности. И по какой-то странной причине я инстинктивно доверяю тебе, чего со мной не случалось, особенно если говорить о мужчинах. Прошло шесть месяцев свиданий, прежде чем я позволила своему будущему мужу переступить порог моей квартиры. Поэтому то, что происходит между нами — что-то новое и непохожее на другое. Большого я сказать не смогу, и я надеюсь, что ты не будешь настаивать на большем. Потому что я склонна вести себя как загнанный в угол волк, когда меня прижимают к стене, и это, поверь мне, некрасиво.

Я замолкаю. Свирепым и немигающим взглядом Эйдан смотрит на меня.

Я смущенно добавляю:

— А еще я, хм, никогда, хм, не играла в ролевые игры или чем там мы занимались, когда ты гонялся за мной по своей квартире, и...

Эйдан практически кричит:

— И?

Я выпаливаю:

— И мне это понравилось. Я хочу сделать это снова.

Потом я стою там, дрожа от смущения и жалея, что не могу взять свои слова обратно.

После бесконечного периода, в течение которого я страдаю от молчаливого унижения, Эйдан говорит:

— Ладно.

Сбитая с толку, я моргаю.

— Что ты имеешь в виду под этим «ладно»?

Его улыбка разгорается медленно и горячо.

— Только то, что я сказал. — Он указывает на потолок, — Сейчас я пойду на крышу и установлю этот брезент.

И этот ублюдок разворачивается на каблуках и выходит из дома.

Он уходит!

Я кричу ему вслед:

— Знаешь что? Я пошутила! Я все это сочинила на ходу!

Эйдан меня не слышит, но все равно от этого мне становится лучше.

Дорогой Данте,

Я размышляла о том, писать тебе снова или нет, учитывая, что, по моему мнению, ты можешь быть неуравновешенным. Но еще ты можешь быть просто одиноким, и если кто-то и знает что-нибудь об одиночестве, так это я.

Стихи, которые ты прислал, были очень поэтичными.

Мне жаль, но я не могу придумать, что еще сказать по этому поводу прямо сейчас.

Но что я хотела бы сказать, так это то, что я надеюсь, — ты не опасен и скоро получишь свое условно досрочное освобождение, потому что, боже, я буду выглядеть глупо, когда полиция найдет мой труп и нашу переписку. Я уже вижу заголовок:

«Самая тупая женщина в мире игнорирует всякую логику и пишет письма заключенному, который, в конце концов, убивает ее!»

Ладно, это чересчур, но ты понял мою точку зрения. Мы все слышали о случаях, когда романы с заключенными оборачиваются катастрофой. Не то чтобы я предполагала что-то романтическое, заметь! Только то, что я буду выглядеть очень глупо, если ты сбежишь из тюрьмы и убьешь меня.

Особенно после того, как я написала эту последнюю строчку.

В любом случае. Скорее всего, я уничтожу это письмо до того, как оно будет отправлено по почте. Но на тот случай, если я этого не сделаю, пожалуйста, подумай о трезвой оценке того, что ты сделал, чтобы попасть в тюрьму. Полагаю, я могла бы попросить своего друга-детектива рассказать мне, потому что детективы-то наверняка имеют доступ ко всем видам конфиденциальной информации, но я предпочла бы услышать это от тебя.

На данный момент это все. Я сомневаюсь, что ты когда-нибудь прочтешь это письмо, потому что я на девяносто процентов уверена, что разорву его, но если я этого не сделаю, что ж...

Береги себя, я полагаю?

Искренне,

Кайла.

Сейчас три часа ночи, и я закончила письмо. Я не сплю с часу дня, расхаживаю по своему кабинету, не в силах уснуть. В голове — сумасшедшая вереница вопросов.

Кто был тот человек на краю воды?

Почему я нашла монету Майкла именно на том месте, где он стоял?

Когда я решила, что разумно иметь друга по переписке в тюрьме?

Как мне снова обрести разум?

И, наконец, почему Эйдан ушел, не попрощавшись?

Потому что именно это и произошло. Выйдя из дома прямо посреди нашего разговора, он забрался по лестнице на крышу, накрыл одну ее часть синим водонепроницаемым брезентом, убрал с чердака немного промокшей изоляции, а затем с ревом умчался в темноту на своем большом грузовике-мачо, как будто женщина, которую он затрахал прошлой ночью до отключки, не ждала его внизу.

Я на самом деле не понимаю мужчин.

Иметь дело с мужчинами — все равно, что иметь дело с враждебным инопланетным видом, который совершил аварийную посадку на планете и решил, что наш язык и обычаи слишком глупы, чтобы с ними возиться. И впредь к нам следует относиться с легким презрением и/или как к объектам случайной сексуальной разрядки, после которой можно снова вернуться к игнорированию. Мы же низшие существа.

Однако с сигнализацией я чувствую себя лучше, так что это — положительный момент.

Маленький зеленый огонек на хабе весело светится на стене у двери, напоминая мне, что в случае ложной тревоги копы доберутся до меня меньше чем через десять минут, если я забуду отключить сигнализацию.

Или в случае, если кто-то вломится, чтобы попытаться убить меня, но я не думаю об этом.

Я складываю письмо для Данте вчетверо и кладу его в конверт, а конверт отправляю в верхний ящик стола, думая, что утром решу; отсылать его по почте или нет. Затем тяжело опускаюсь на стул у стола и рассеянно потираю зажатый меж пальцами пятицентовик с буйволом, глядя на задернутые шторы в глубокой задумчивости.

Пока прямо над моей головой в хозяйской спальне не скрипит половица.

Я замираю, уставившись в потолок. Когда после нескольких мучительных секунд ничего не происходит, я нервно бросаю взгляд на хаб на стене.

Зеленый огонек ободряюще светится мне в ответ.

Я расслабляюсь на две секунды, пока над головой не скрипит еще одна половица, затем еще одна, и я покрываюсь холодным потом.

— Это ветер, — шепчу я, хватаясь за подлокотники своего кресла и учащенно дыша. — Это всего лишь ветер.

Мой мозг решает очнуться от комы, в которую недавно погрузился, чтобы напомнить мне, что за окном не слышно ни дуновения ветра.

Я привожу в качестве возражения неоспоримый факт: в доме не может быть никого, ведь я заперла все двери и включила систему безопасности перед тем, как лечь спать.

Мой мозг — мудака этакий — предполагает, совершенно игнорируя мои эмоции, что, возможно, тот, кто издает этот шум наверху, находился в доме уже до того, как я закрыла

двери.

Блядь.

— Держи себя в руках, Кайла, — шепчу я, когда мои руки начинают дрожать. — В доме никого нет, кроме тебя.

Когда следующие пять минут над моей головой ничего не происходит, я решаю, что мне больше не страшно. Я злюсь.

На себя.

Потому что, если бы услышала еще один скрип, я не сомневаюсь, что вскочила бы со стула и с криком выбежала через парадную дверь, только чтобы снова неожиданно появиться в квартире Эйдана, выставив себя полной дурой.

Вооружившись своим новым гневом, я делаю вдох и иду к двери.

Я чувствую себя отлично, когда выхожу из кабинета и осматриваюсь. Я чувствую себя просто отлично, когда крадусь вверх по лестнице и заглядываю в хозяйскую спальню, которая находится точно в том виде, в каком я ее оставила. Никаких незваных гостей, скрипящих половицами, в поле зрения. Я ощущаю себя вообще прекрасно, когда проверяю все комнаты наверху, включаю свет и с каждой секундой все больше осознаю нелепость своего страха, ведь все вещи оказываются на своих местах.

Но когда я спускаюсь вниз, захожу на кухню и включаю верхний свет, я мгновенно перехожу от состояния «все отлично» в состояние «твою мать, я сошла с ума».

Все ящики выдвинуты до упора. Все дверцы шкафов распахнуты настежь.

Я закрываю рот руками, чтобы заглушить испуганный крик.

Я стою, замерев, слушая, как мой пульс грохочет в ушах. Адреналин бурлит в венах, побуждая бежать, но я приросла к полу от страха. Я не могу пошевелить ни единым мускулом.

Жуткое чувство, что за мной наблюдают, медленно охватывает меня.

Я чуть не рыдаю от ужаса. Но мне удается взять себя в руки и обернуться, чтобы посмотреть, есть ли кто-нибудь позади меня.

Но там никого нет. Я одна.

Только я, моя паранойя и ящики шкафов, у которых, по-видимому, слишком смазанные направляющие и петли.

Потому что другого объяснения этому нет. *Потому что кухня просто не может решить открывать все сама по себе.*

Или все-таки может, потому что вдруг банка меда слетает с полки и разбивается вдребезги о кухонный пол.

Мои нервы не выдерживают.

Я подпрыгиваю, кричу и, развернувшись, бросаюсь к своему кабинету. Я врываюсь внутрь, захлопываю дверь за собой, запираю, затем ныряю за диван, втискиваясь между ним и стеной.

Я лежу там, свернувшись в испуганный, дрожащий комочек, пока четыре часа спустя не восходит солнце.

~

Утром я чувствую себя полной идиоткой.

Забавно, как дневной свет может прогнать даже самых страшных монстров.

Как только взошло солнце, я, наконец, вспомнила, что нужно просмотреть запись с камеры на моем телефоне. Я, должно быть, сотни раз нажала «воспроизвести» и

«перемотать», но не нашла никаких свидетельств того, что кто-то приближался к дому, за исключением тех случаев, когда Джейк уезжал днем и когда Эйдан приезжал и уезжал позже.

И, согласно моему надежному хабу, периметр дома не нарушался.

Никто не лез в окно.

Никто не вышибал дверь.

Я была здесь одна всю ночь.

Что касается открытых шкафов и выдвижных ящиков, я напоминаю себе, что есть явная вероятность того, что я сделала это и не помню. Если бы я суммировала все небольшие провалы в моей памяти за последнее время, я могла бы привести убедительные доводы в пользу раннего начала деменции.

С какой стати мне могло понадобиться оставлять свою кухню в таком состоянии, остается загадкой, но причиной могло быть и небольшое землетрясение, которое я пропустила.

Верно? Это правдоподобно.

Более правдоподобно, чем другие вещи, которые я не позволяю себе рассматривать.

Что касается летающей банки с медом, ну... Я была перевозбуждена. Вероятно, она свалилась с полки, а не полетела. И в моем взволнованном состоянии я выдумала этот полет, испугавшись скрипа и дурацких открытых шкафов.

Я прекрасно знаю, что рационализирую, но так делаем все мы, когда наше восприятие реальности оказывается под вопросом.

Я подумываю о том, чтобы вернуться в группу поддержки, но быстро отбрасываю эту идею. Если я захочу впасть в депрессию, я прекрасно справлюсь с этим сама.

Затем я подумываю позвонить Эдди, тому мастеру по дому, чтобы узнать номер его психиатра. Но после тщательного обдумывания я решаю, что если Эдди — конечный продукт психоанализа, то мне, возможно, лучше держаться от него подальше.

Если я собираюсь тратить сотни долларов в неделю на то, чтобы вываливать свои невроты на психотерапевта, я бы хотела, чтобы мне не пришлось каждый день выкуривать целое поле марихуаны для того, чтобы все пришло в норму.

Я уговариваю себя выйти из кабинета и направиться на кухню, но придя туда, я чувствую себя странно разочарованной. При дневном свете открытые ящики и шкафы кажутся совершенно безобидными. Я ожидала, что буду, по крайней мере, нервничать, но единственное, что я чувствую, — это легкое раздражение.

Это совершенно обескураживает.

Я закрываю дверцы и задвигаю ящики, затем убираю с пола липкое месиво из меда и битого стекла. Потом выливаю пластиковые ведра с дождевой водой в раковину.

Благодаря брезенту Эйдана, потолок перестал протекать. Пятна от воды выглядят устрашающе, как два больших глаза, обвиняюще смотрящих на меня сверху вниз.

Пристально глядя на них, я бормочу:

— Не смотри на меня так. Ты бы тоже испугался.

Я раздумываю, стоит ли мне звонить Эйдану, но решаю не делать этого. Я не знаю, в чем заключалось его странное поведение вчера, но точно знаю, что не собираюсь вознаграждать его за то, что он сбежал после того, как сам же настоял, чтобы я раскрыла ему свои карты.

Типичная реальность, правда? Как только вы начинаете говорить о чувствах, мужчины

внезапно становятся глухими и немymi. Кажется, это их суперсила.

Мысли об этом повергают меня в депрессию.

Я принимаю душ и одеваюсь, затем работаю до тех пор, пока не становится достаточно поздно, чтобы я не чувствовала себя полным дегенератом, открывая бутылку вина. После двух бокалов я решаю вернуться к работе. Я заканчиваю часть, где мальчик кормит говорящего кролика, над которой работала слишком долго, и перехожу к следующей. Мне нужно закончить двадцать семь иллюстраций для этой книги, и у меня осталось всего шесть недель, так что нужно поторопиться, если я собираюсь уложиться в установленный издателем срок.

За исключением того, что мои пальцы решают, что предпочли бы нарисовать что-то другое.

Сначала дерево обретает форму. Это высокое вечнозеленое растение с изогнутой верхушкой и тощими нижними ветвями. Затем появляется каменистая полоска берега. Далее следует темное небо, затянутое зловещими облаками, а за ним — парящие морские птицы и обдуваемая ветром вода.

Фигура появляется последней.

Высокий и изможденный, мужчина выглядывает из-за ствола дерева, его глаза скрыты полями шляпы, зубы оскалены в уродливой гримасе.

Враждебной гримасе.

По-настоящему пугающей.

Мое сердце бьется быстрее, я откладываю карандаш, откидываюсь на спинку стула и смотрю на рисунок.

Что-то в этом человеке мне знакомо.

Я не могу решить, кто это, но у меня такое чувство, как будто я видела его раньше. Но где?

Когда раздается звонок в дверь, я подпрыгиваю. Я вскакиваю на ноги прежде, чем вспоминаю про видеозапись. Однако когда я беру со стола свой мобильник и перехожу к онлайн-трансляции, переднее крыльцо пусто.

Раздраженная, я громко говорю:

— Прекрати, дом!

Будто отвечая мне, мигает настольная лампа.

Я замираю и с трепетом смотрю на нее. Мой пульс и давление повышаются по мере того, как растет тревога. Момент растягивается до тех пор, пока я не чувствую, что мои нервы могут лопнуть от напряжения.

Я не знаю, чего именно я жду, но что бы это ни было, мне уже страшно.

Затем с веселым сигналом приходит сообщение, и я дергаюсь так сильно, что роняю телефон.

Мгновение я стою, прижав пальцы к вискам, пытаюсь отдышаться, прежде чем наклониться, чтобы поднять телефон с ковра. Мои руки так сильно дрожат, что мне стыдно за себя. Но, увидев сообщение, я выдыхаю с облегчением.

«Ты не позвонила мне. Сейчас — самое подходящее время это исправить».

— О, Эйдан, — я вздыхаю, качая головой. — С тобой будет непросто, не так ли?

Я набираю его номер и пытаюсь притвориться, что еще не запомнила его.

Он берет трубку после первого гудка.

— Привет, прекрасная зайка, — говорит он хриплым голосом.

— Привет и тебе.

Мой тон, должно быть, был не слишком восторженным, потому что после паузы Эйдан говорит:

— Ты злишься на меня.

— Злюсь — это слишком сильно сказано. Это больше похоже на раздражение.

— Что я сделал, чтобы заслужить гнев такой милой маленькой зайки?

Раздраженная юмором в его тоне, я едко говорю:

— Может быть, тебе нужен тайм-аут, чтобы подумать об этом.

— И, может быть, тебе нужна порка, чтобы напомнить, с кем ты разговариваешь.

— Эта угроза имела бы гораздо больший вес, если бы ты не смеялся надо мной.

— Я не смеюсь. Я весь день был одержим твоей идеальной маленькой попкой. Какой розовой она стала, когда я ее отшлепал. Как ты стонала, — он делает паузу, — Интересно, как громко ты будешь стонать, когда я ее трахну?

Ах, да. Прилив тепла распространяется вверх от моей шеи и ползет к щекам, как это происходит каждый раз, когда этот мужчина открывает рот и что-то говорит мне.

Я прочищаю горло.

— Ты интересуешься этим с профессиональной точки зрения, как мой кровельщик? Потому что, если это так, мне придется подать жалобу.

— Кому? Я владелец компании, — его голос понижается, — и здесь нет никаких профессиональных точек зрения, детка. Не пойми это неправильно. Это все личное.

Я вспотела. Почему я потею? Господи, я поджариваюсь заживо.

Оттягивая воротник рубашки, я говорю:

— Если это личное, почему ты вчера ушел, не попрощавшись?

— Приезжай сюда, и я тебе скажу.

Оттягивая время, я спрашиваю:

— Куда это сюда?

Он мягко говорит:

— Ты знаешь куда. И не утруждай себя надеванием трусиков. Их разорвут в клочья.

Эйдан отключается, оставляя меня еще более дезориентированной и дрожащей, чем до звонка.

Я сомневаюсь, стоит ли мне идти к нему домой.

Я знаю, что это неразумно. Я выпила два бокала вина, у меня есть работа, которую нужно закончить, а он — скользкий путь, по которому я скатываюсь с молниеносной скоростью. Прекрасное отвлечение от крушения моей жизни.

Однако опасность отвлекающих факторов заключается в том, как быстро они могут вызвать зависимость.

— И разве ты уже не достаточно натерпелась? — шепчу я, уставившись на фотографию в рамке на стене, на которой мы с Майклом изображены в день нашей свадьбы.

Это был чудесный майский день. Небо в тот раз было безоблачным, а воздух напоен ароматом жимолости. Стоя рядом со мной в смокинге на ступенях церкви, Майкл смотрит на меня сверху вниз. Он широко улыбается, красивый даже в профиль, одной рукой обнимает меня за талию.

Одетая в пенистое платье без рукавов из шелка и кружев, с букетом белоснежных калл, я стою рядом с ним, глядя прямо в камеру.

В отличие от Майкла, я не улыбаюсь.

Я помню, как я нервничала в тот день. Как мой желудок скрутило в узлы. Как сильно Майкл сжимал мои руки, когда мы произносили наши клятвы. Позже он сказал, что я была так бледна и дрожала, что он подумал, будто я могу упасть в обморок прямо там, у алтаря.

Я никогда не говорила ему, что меня вырвало перед тем, как я пошла к алтарю. Это не то воспоминание, которым вы хотели бы поделиться с мужем. И не то, которое хотели бы иметь сами. Таким вещам не место в воспоминании о дне, который должен быть лучшим в жизни.

И поэтому я заперла этот эпизод в памяти так крепко, что он никогда больше в ней не всплывал.

До сих пор.

Я замечаю на фотографии кое-что, чего никогда раньше не замечала. В нескольких дюймах ниже моего правого плеча на бицепсе есть пятно. Придвинувшись ближе к фото, я прищуриваюсь, чтобы разглядеть. Подняв руку, провожу пальцем по стеклу в том месте, где осталось пятно.

Но оно не стирается, потому что это не пятно.

Это синяк.

Маленький темный синяк в форме большого пальца.

Я застываю. Внутри меня что-то темное собирается в бурю. Шум, подобный тысяче взмахов крыльев, эхом отдается в моих ушах. Под ним слышен слабый приглушенный звук, который мог бы быть криком, но звучит так, как будто он доносится издалека.

Или из-под воды.

Крошечные волоски у меня на затылке встают дыбом.

Я чувствую, как будто важное понимание витает вне моей досягаемости, ключ к замку на двери, о существовании которой до этого момента я даже не подозревала.

Что это? Что я упустила?

Затем настольная лампа снова мигает, разрушая чары.

Тряхнув головой, чтобы прояснить сознание, я дрожащими руками пишу Эйдану сообщение.

«Сейчас буду».

Прежде чем я успеваю постучать, Эйдан распахивает дверь.

Он затаскивает меня внутрь, пинком захлопывает дверь, заключает в объятия и страстно целует.

Я целую его в ответ, отчаянно желая, чтобы он заставил меня забыть обо всем, кроме того, что я чувствую, когда его губы касаются моих.

Не говоря ни слова, он стягивает мою футболку через голову, швыряет ее на пол и снова целует меня.

На нем нет рубашки, так что мои груди прижаты к его обнаженной груди. Его кожа гладкая и горячая, и это ощущение прекрасно.

— Я думала, ты должен был рассказать мне, почему вчера ушел, не попрощавшись, — поддразниваю я.

Вместо ответа он поднимает меня на руки и несет в свою спальню. Я поражаюсь, что он может делать это с такой легкостью, потому что я и близко не миниатюрная. Но затем он опускает нас на матрас и прижимается своим длинным, твердым телом к моему, и я забываю о его силе, потому что слишком занята, наслаждаясь этим ощущением.

— Я люблю твой вес, — говорю я, задыхаясь, извиваясь под ним. — Ты такой твердый.

Я чуть не добавляю, что так я чувствую себя в безопасности, но вовремя прикусываю язык. Сейчас не время болтать о моем недавнем срыве после того, что произошло на кухне.

Целуя меня в шею, Эйдан говорит:

— Это номер один в списке вещей, которые тебе нравятся во мне?

— Это даже не входит в первую десятку. Пожалуйста, продолжай. Я люблю ощущение твоей бороды на моей коже.

Он хрипло говорит мне на ухо:

— Ты уже дважды произнесла слово «любовь», маленькая зайка, — когда я не отвечаю, он поднимает голову и смотрит на меня, изогнув бровь.

Дрожа, я шепчу:

— Ох. Ладно.

Он усмехается.

— Эй, если тебе может сойти с рук использование этого слова в разговорах, то и мне тоже.

— О, ты думаешь, к зайкам применимы те же правила, что и к большим злым волкам?

Его тон мрачен и горяч, и в глазах есть волнующий блеск опасности. Точно зная, что я делаю, я невинно моргаю.

— Я думала, зайки установили правила, которым должны следовать волки.

— Нет, ты так не думала. Лгунья.

Он переворачивает меня, стягивает джинсы с бедер и шлепает меня.

Когда все заканчивается, и я лежу там, тяжело дыша и дрожа от желания, Эйдан тихо спрашивает:

— Это было слишком?

— Нет.

— Подумай об этом дольше чем полсекунды, прежде чем ответить.

Вытягивая шею, я смотрю на него через плечо и встречаю горящий взгляд.

— Я знаю, ты беспокоишься, что причинишь мне боль. Спасибо тебе за это, но я люблю грубость.

Глядя на меня сверху вниз своими горящими темными глазами, Эйдан говорит:

— Нам нужно иметь стоп-слово на всякий случай.

— Что подразумевается под стоп-словом?

— Это слово, которое ты произносишь, чтобы остановить все.

— Хм. Как насчет «банально»?

Он приподнимает брови, ожидая объяснений.

— Потому что это банально.

— Нет, это необходимо. Нам нужно четко сообщать друг другу об этих вещах.

Я хмуро смотрю на него.

— С каких это пор ты мистер Беседа? Половину времени я едва добиваюсь от тебя ворчания.

Склонившись надо мной и поглаживая ладонью мою горящую ягодицу, Эйдан улыбается.

— Это забавно.

— О чем ты?

— Я разговариваю с тобой за один день больше, чем с кем-либо еще за неделю.

Я корчу ему рожу.

— В самом деле? Как ты все еще в бизнесе? Ты знаешь жестовый язык или что-то в этом роде?

Он наклоняется и кусает меня за задницу. Когда я вскрикиваю от удивления, Эйдан кусает другую ягодицу, смеясь мне в кожу.

— Такая болтливая маленькая зайка, — шепчет он, потирая бородой мой покалывающий зад. Затем скользит рукой между моих ног, и его голос становится резким, — И такая готовая для меня.

Я закрываю глаза и вцепляюсь пальцами в простыни, лежа неподвижно, пока он скользит пальцами по моей влажности. Он не торопится, лениво поглаживая мой клитор, пока я не начинаю задыхаться.

— Эйдан?

— Да, детка?

— Мне нужно больше.

— И ты это получишь. Когда я буду готов дать это тебе.

Я поворачиваюсь лицом к простыням и виляю задом, пытаюсь поторопить его.

— Плохая зайка, — горячо шепчет он.

— Пожалуйста?

Его стон тихий. Эйдан тербит мой клитор, нежно сжимая его двумя пальцами, чтобы вызвать у меня вздох, а также еще больше просьб и покачиваний попой.

— Пожалуйста, Эйдан. Ну, пожалуйста.

Темным, чувственным голосом он говорит:

— Дерни этой задницей еще раз, и я решу, что ты хочешь, чтобы я ее трахнул.

Мое сердце ухает вниз. Тяжело дыша, дрожа всем телом, я говорю:

— Т-ты хочешь?

— Ты знаешь, что хочу. Знаешь, чего еще я хочу?

Я чувствую его запах на простынях. Землистый теплый мускус его тела, этот

неизгладимый, опьяняющий аромат мужчины в расцвете сил.

Я хочу валяться на этих простынях, как собака в грязи, впитывая его аромат повсюду, окутывая свою кожу этим восхитительным запахом, чтобы я никогда не смогла смыть его со своего тела.

Я шепчу:

— Что?

Эйдан наклоняется к моему уху, так близко, что я чувствую жар, исходящий от него волнами.

— Все. Блядь, я хочу все, что ты можешь мне дать, Кайла. И я хочу, чтобы ты отдала это мне без колебаний. Без вопросов. И без сожаления.

Явное доминирование и желание в его голосе заставляют меня дрожать. Мои соски затвердели, а киска пульсирует, и я бы подписала документы на свой дом и все остальное, что у меня есть, прямо сейчас, чтобы только он поскорее трахнул меня.

Я выпаливаю:

— Хорошо.

К моему большому разочарованию, он говорит:

— Нет. Мы еще не дошли до этого.

— Я дошла!

Его выдох прерывистый, посылает поток теплого воздуха через мое плечо.

— Милая девочка. Мне нравится, что ты это сказала. Но это не так.

Он впивается зубами в мое плечо, заставляя меня содрогнуться от отчаяния.

— Когда мы дойдем?

— Время.

Эйдан скользит пальцем внутрь меня, надавливая. Я стону, наслаждаясь этим ощущением, но все еще нуждаюсь в большем.

— И практика.

Он добавляет еще один палец, работая им внутри меня, пока я сжимаю простыни.

— *Много практики.*

Он засовывает свои пальцы внутрь и наружу, покусывая меня сильнее, пока трахает меня пальцами. Я приподнимаю бедра и развожу их шире, сердце бешено колотится, а тело реагирует на Эйдана, как будто он играет на нем, как на инструменте.

— О боже. Эйдан. Эйдан.

Он тихо командует мне на ухо:

— Умоляй меня позволить тебе кончить.

— Да! Пожалуйста, да, это именно то, что я собиралась сказать, пожалуйста, пожалуйста, позволь мне кончить?

Меня не волнует, что я болтаю. Мне все равно, как я выгляжу, бездумно извиваясь под ним. Меня даже не волнует, что все, что потребовалось, чтобы я захотела отдать Эйдану свой разум и тело, — несколько слов, произнесенных тем мягким, повелительным тоном, который почему-то сводит меня с ума.

Все, что меня волнует, — это огонь между моих ног, и мне нужно, чтобы он его немедленно погасил.

— Посмотри, как ты трахаешь себя моими пальцами, — рычит он. — Посмотри, как двигаются эти жадные бедра. Разве моя зайка не знает, что должна брать то, что я хочу ей дать?

Это вопрос, который не требует ответа. Что хорошо, потому что в любом случае в данный момент я не способна говорить.

Самым властным голосом, который он когда-либо использовал, Эйдан говорит:

— Здесь, в этой постели, происходит вот что: я отдаю. Ты берешь. Ты будешь брать и брать, пока не сломаешься, а потом будешь умолять меня сломать тебя снова.

На грани оргазма я всхлипываю.

— Не смей кончать без моего разрешения, — рычит Эйдан, просовывая эти длинные, твердые пальцы внутрь меня снова и снова.

Я издаю искаженный звук удовольствия и отчаянно трую о его руку. Мои глаза закатываются.

И в момент, когда я собираюсь переступить через край, Эйдан вытаскивает из меня пальцы.

Игнорируя мой протестующий стон, он стягивает джинсы с моих ног и отбрасывает их. Затем поднимает меня на колени и наносит серию быстрых, жгучих шлепков по заднице, одновременно хватая меня сзади за шею, прижимая мою голову и грудь к матрасу.

Этого недостаточно. Я хочу сильнее, я хочу быстрее, я хочу, чтобы он погубил меня.

Я хочу, чтобы он заставил меня забыть мое собственное имя.

Эйдан перестает шлепать меня в момент, когда я стону.

Тяжело дыша, он говорит:

— Поговори со мной.

Единственное, что я могу выдавить, это хриплое и прерывистое:

— Еще.

Эйдан проводит рукой по моей горячей попке, затем наклоняется, чтобы поцеловать ее. Потом я слышу звук расстегиваемой молнии. Мгновение спустя головка его твердого члена толкается в мой вход.

Сквозь стиснутые зубы он говорит:

— Повтори стоп-слово.

— Банально.

— Хорошая девочка.

Схватив меня за бедра, он толкается в меня с гортанным рычанием.

На этот раз мой стон — стон благодарности.

Потом он трахает меня. Жестко и быстро, его пальцы впиваются в мою плоть. Я чувствую холодный укус металла на задней стороне своих бедер и понимаю, что он не стянул джинсы до конца, прежде чем взять меня.

Он тоже не мог больше ждать.

Эйдан наклоняется, протягивая руку подо мной, чтобы сжать мою грудь. Тяжело дыша и теребя мой твердый сосок, он безжалостно входит в меня, пока мои стоны не становятся такими громкими, что эхом отражаются от стен. Моя киска сжимается вокруг его члена.

— Не смей, — шипит он.

Предупреждение только заводит меня еще больше. Я изгибаю бедра в такт его толчкам, напрягаясь, чтобы он вошел в меня как можно глубже, пока внезапно он не замирает.

Тяжело дыша, Эйдан перемещает руку с моей груди вниз, между ног. Он скользит пальцами по всему телу, затем проводит кончиками пальцев взад и вперед по моему набухшему клитору.

Как он, несомненно, и предполагал, это мгновенно вызывает у меня оргазм.

Вскрикнув, я сильно дергаюсь. Моя киска содрогается в конвульсиях, сжимаясь снова и снова жесткими, ритмичными волнами.

— Давай, детка! Да, блядь, да, кончай для меня!

В его голосе звучит торжество.

Тогда я понимаю, что запрещение мне кончать было частью этой игры, что он знал, что каждая минута этой игры добавит удовольствия, когда я, наконец, отпущу себя. И я глупо благодарна за это, потому что это именно то, что мне было нужно.

Он знал, что мне было нужно.

Красивый незнакомец с тайнами в глазах и манерой смотреть на меня так, как будто он уже знает обо мне все, что только можно знать. Как будто я — книга, которую он прочел сто раз и уже знает наизусть любимые моменты.

Как будто он уже знает, чем это закончится.

Эйдан падает на меня сверху, толкая меня на живот и удерживая своим весом. Вцепившись обеими руками в мои волосы, он еще несколько раз сильно толкается, затем стонет мое имя.

Содрогаясь, он опустошает себя в меня.

Я закрываю глаза и готовлюсь к огромной волне эмоций, достигающей пика надо мной, затем отдаюсь ее бурлящей тьме, когда она обрушивается вниз и уносит меня, далеко-далеко.

После этого мы не разговариваем.

Я не знаю, чувствует ли Эйдан себя таким же эмоционально уязвимым, как и я, или ему просто нечего сказать, но он скатывается с меня и идет в ванную, где закрывает за собой дверь.

Течет кран. В туалете смывают воду. Эйдан появляется снова, неся мокрую мочалку и полотенце для рук. Он молча толкает меня на спину и осторожно протирает мочалкой между моих ног, пока я лежу там, чувствуя себя так, как будто мои кости превратились в жидкость.

Он вытирает меня полотенцем, встает и щелкает выключателем. Затем заползает на матрас рядом со мной, перекатывает меня на бок, прижимает к своей груди и зарывается лицом в мои волосы, глубоко вдыхая.

Когда Эйдан выдыхает, это звучит так, как будто с этим выдохом сто лет сдерживаемых разочарований покидают его тело.

В конце концов, его дыхание замедляется до глубокого, ровного ритма, который говорит мне, что он уснул.

Я лежу там, в темноте, окутанная его теплом, и думаю о Майкле.

Была ли я хорошей женой?

Я не знаю. Я старалась быть такой. Больше всего на свете я хотела сделать его счастливым. Он тоже хотел, чтобы я была счастлива, и я думала, что мы идеально подходим друг другу. Все наши маленькие зазубренные кусочки совпали.

Мы друг другу подходим.

Но наши отношения были совсем не такими.

Я знаю, что несправедливо проводить сравнения. А еще я знаю, что зря солгала Эйдану о разлуке с мужем вместо того, чтобы просто сказать ему правду.

Но он застал меня врасплох. Я понятия не имела, что произойдет что-то даже отдаленно похожее на это. Я не была готова к степени нашего притяжения, к его силе, к тому, что меня тянет к Эйдану так, что я чувствую себя странно неспособной сопротивляться.

И поэтому я просто позволила ему поверить, что Майкл все еще жив. Часть меня тоже хочет в это верить. Часть меня хочет верить, что это неправда:

Мой муж мертв.

Он упал с лодки и утонул.

Я видела, как это происходило.

Может быть, я не рассказала об этом Эйдану, потому что не хочу заново переживать ту последнюю часть. Плеск и крики. Отчаянные крики Майкла о помощи, которые становились все слабее по мере того, как лодку относило все дальше и дальше.

Запах дыма над темной водой и ужасный, ломкий смех, который, казалось, доносился отовсюду вокруг.

Я не сказала детективу, который допрашивал меня после несчастного случая, о смехе. Это не то, что я могу объяснить.

Должно быть, в какой-то момент я засыпаю, потому что следующее, что я помню, — в комнате светло, и большая рука Эйдана нежно гладит мой зад. Он все еще позади меня в той же позе, в которой был, когда заснул.

Он бормочет:

— Доброе утро, милая зайка. Хорошо спалось?

Поворачивая к нему голову, я вдыхаю и вытягиваюсь, поджимая пальцы ног.

— Я думаю да. Тебе?

Эйдан целует меня в затылок. Его рука скользит по моему бедру и опускается между ног.

— Спал как убитый.

— Хм. Эта большая твердая штука, которая впивается мне в копчик, не кажется такой уж убитой.

Он усмехается.

— Ты не можешь винить его. У него в постели красивая обнаженная женщина.

Когда он просовывает пальцы в мою киску и поглаживает ими мой клитор, я вздыхаю от удовольствия.

— Я одержим этим звуком, — говорит Эйдан, его голос становится мрачнее. — Всеми звуками, которые ты издаешь. Я не могу насытиться тобой, Кайла.

Он кусает меня за плечо. Укус не твердый, но доминирующий. Так сделало бы животное, прежде чем взобраться на свою пару.

— Ты дрожишь.

— Это не от холода.

— Я знаю, детка. Время сесть мне на лицо.

Мои глаза распахиваются.

— Прости?

— Ты слышала меня. И с этого момента я ожидаю, что ты будешь подчиняться приказам с первого раза.

Мое сердцебиение учащается. Я лежу неподвижно, мои мысли проносятся со скоростью миллион километров в час, пока я нерешительно озвучиваю:

— Я хочу спросить тебя кое о чем, но я не хочу, чтобы ты думал, что я, хм, непослушная. Я просто пытаюсь разобраться в правилах.

Эйдан целует мое плечо, затем шею. На самом деле, поцелуи — это не совсем то, что он делает. Это больше похоже на облизывание и сосание. Как будто он пробует мою кожу на вкус и находит ее восхитительной.

Покусывая мочку моего уха, он шепчет:

— Попроси у своего хозяина разрешения говорить.

О боже. О господи боже мой на небесах, это происходит на самом деле.

Он! Просто! Сказал! Это!

Спокойно лаская мои плечи и шею своими губами и языком, Эйдан лениво водит пальцами взад и вперед по моему клитору, который теперь до боли чувствителен. Мои соски тоже. Как и вся моя нервная система, которая, кажется, вот-вот взорвется.

Задыхаясь, я шепчу:

— Могу я, пожалуйста, получить разрешение говорить... хозяин?

Его голос низкий и гипнотизирующий, он говорит:

— Да, моя идеальная милая зайка. Ты можешь.

Затем Эйдан прижимает зубы к моему горлу сбоку и скользит пальцем внутрь меня.

Мой крик удовольствия тихий и прерывистый. Мне требуется мгновение, чтобы вспомнить, что, черт возьми, я собиралась сказать.

— Я... я не знаю точно, что ты имеешь в виду, говоря «сесть на лицо».

— Это не настолько сложно.

— Да, но я имею в виду, с точки зрения логистики, как это работает? Мне, типа, опереться руками о стену для равновесия?

Похоже, он удивлен.

— Ты никогда не делала этого раньше?

— Нет. И я не хочу тебя душить.

Его смех приглушен моей кожей. Затем Эйдан стонет.

— Черт возьми, ты милая. Ты такая чертовски милая, я просто хочу вонзить зубы в каждый твой сантиметр.

— Пока что ты довольно хорошо справляешься с этим.

Он перекатывает меня на спину и обхватывает мое лицо ладонями. Пристально глядя на меня сверху вниз, он говорит:

— Чего еще ты не делала?

— Все, что не включает миссионерскую позу или догги-стайл с выключенным светом. О, и оральный секс. Но ничего...

— Что?

Мои щеки пылают, черт бы их побрал.

— Извращенного.

— Дай определение извращенности.

— Я думаю, вы понимаете, что я имею в виду, мистер.

Эйдан пытается не смеяться надо мной. Поджимая губы, с горящими глазами, он качает головой.

— Хозяин или сэр. Никаких «мистер». Я прошу в этот раз, но в следующий за неуважение ты получишь порку.

Я улыбаюсь ему снизу вверх.

— Ты говоришь так, будто еще не знаешь, что я люблю, когда ты меня шлепаешь.

Мгновение Эйдан молча смотрит на меня, его смех затихает. Затем его голос становится грубым.

— Я хотел бы, чтобы ты знала, насколько ты совершенна. Такая ни на кого не похожая и совершенная. Я никогда не встречал никого, похожего на тебя. Всякий раз, когда мы вместе, я чувствую себя новым человеком. Лучшим человеком. Как будто все плохое, что когда-либо случалось со мной, больше не имеет значения, потому что твоя милая улыбка все это стирает.

Тепло оmyвает меня. Кажется, будто только что разверзлось небо, и я с головы до ног купаюсь в ярком солнечном луче. Застенчиво шепчу:

— Так приятно это слышать. Спасибо.

Он пристально смотрит на меня — его взгляд медленно скользит по моим глазам, носу, щекам — а затем глубоко целует, все еще обхватив рукой мое лицо.

Прижимаясь к моим губам, Эйдан шепчет:

— Я лягу на спину, а ты оседлаешь мое лицо, детка. Не беспокойся о том, что ты меня задушишь. Я тебя поддержу. Готова?

Дрожа от желания и смущения, я шепчу:

— Да, сэр.

Когда Эйдан выдыхает с едва слышным стоном, я знаю, что доставила ему удовольствие.

Меня пугает, как сильно мне вдруг захотелось снова доставить ему удовольствие.

Эйдан перекачивается на спину и тянет меня на себя, обхватывая руками мою талию. Он подталкивает меня к стене, так что я ползу вперед на четвереньках, пока он спускается ниже по матрасу. Когда мои колени оказываются по обе стороны от его головы, Эйдан тянет меня вниз за бедра, пока моя киска не оказывается прямо над его ртом, и я смотрю на него между своих раздвинутых ног.

Он предупреждает:

— Не кончай, пока я не дам тебе разрешения, — и прижимается ртом к моему клитору.

Я ахаю. Мои бедра дрожат. Мои веки, трепеща, закрываются. Он помогает мне сесть увереннее, сжимая мои бедра, затем поднимает руки выше и сжимает мои груди. Он ласкает мои груди и пощипывает соски, пока лижет мою киску, и я сомневаюсь, что мой разум когда-нибудь ко мне вернется.

Когда я тихо стону, Эйдан убирает одну руку с моей груди и шлепает меня по заднице. Это грубо и больно, и мне это нравится.

Я прижимаю руки к матрасу и фиксирую локти. Я изгибаю бедра навстречу рту Эйдана. Он издает тихий звук одобрения, поэтому я снова так делаю.

Он тянет за мой твердый сосок и шлепает меня по заднице, заставляя громко стонать от удовольствия.

— Трахни мой рот, — приказывает он. — Оседлай мое лицо, детка. Не заставляй меня повторять это снова.

О'кей, сэр.

Я тру свою киску о его лицо, задыхаясь от смеха, когда он засовывает свой язык глубоко в меня. Смех быстро затихает, потому что прикосновение его рта так чертовски приятно. Я перестаю беспокоиться о том, что могу задушить его, и отдаюсь процессу, концентрируясь на ощущении его горячего, влажного рта между моих ног и мозолистых пальцев, сжимающих мой сосок и впивающихся в мои бедра.

Резкое сокращение моей матки заставляет меня застонать.

Все еще играя с моим соском, Эйдан скользит пальцем внутрь меня и сосет мой клитор с большей силой.

Я прерывисто шепчу:

— Ох. Эйдан. О боже, это ощущение *потрясающее*.

— Тебе нужно кончить?

— Да, пожалуйста.

— Пока нет.

Он лижет меня до тех пор, пока я не начинаю прерывисто стонать. Мои бедра сильно дрожат, и я уверена, что упаду прежде, чем смогу кончить. Затем Эйдан проводит ногтями по моей спине, от лопаток к ягодицам, и смеется в меня, когда я вздрагиваю.

— Тебе нужно кончить, детка?

— Да! Пожалуйста!

— Тогда тебе лучше заслужить это.

Прежде чем я успеваю понять, что это может означать, он тянет меня вниз за бедра, заставляя отползти назад. Затем переворачивается подо мной, ложась на спину так, что его твердый член упирается в мой рот, а мои колени снова оказываются по обе стороны от его головы.

Он приказывает:

— Соси мой член, зайка, — и зарывается лицом в мою киску.

Я обхватываю его член одной рукой и опускаю голову, чтобы лизнуть головку. Эйдан мычит от удовольствия, звук, который восхитительно вибрирует в моем тазу. Затем он кладет руку мне на поясницу и заставляет меня лечь на его живот, кожа к коже, пока он ласкает мою киску своим языком, а я сосу его член.

Он толкается мне в рот. Я изгибаю бедра навстречу его языку. Мы оба стонем и сходим с ума, наша кожа скользкая от пота, и если Эйдан не разрешит мне кончить в ближайшее время, я все равно это сделаю.

Когда я издаю высокий, ноющий звук, он понимает, что я больше не могу сдерживаться.

— Я разрешу тебе кончить, если ты проглотишь мою сперму, — говорит Эйдан, тяжело дыша. — Но не раньше. Ты готова?

Я издаю отчаянный звук согласия и продолжаю сосать, скользя рукой вверх и вниз по его стволу.

— Хорошая девочка.

Кружа языком вокруг моего налившегося кровью клитора, членом Эйдан проникает в мой рот, растягивая мои губы, пока мои глаза не начинают слезиться, и мне не приходится бороться с рвотным позывом. Затем Эйдан хватается меня сзади за шею и сжимает ее.

Он кончает с криком, резкими толчками выплескивая горячую и густую сперму на мой язык.

Я сосу и глотаю снова и снова, дыша через нос, все мое тело дрожит. Все еще сжимая мою шею сзади, Эйдан трижды сильно шлепает меня по заднице, затем засовывает палец глубоко в мою киску.

Давясь его членом, я извиваюсь в конвульсиях на его пальце.

— Моя идеальная и послушная девочка, — рычит он, толкаясь бедрами, загоня свой член глубже в мое горло. — Глотай каждую гребаную каплю, когда кончаешь для меня.

Ослепленная наслаждением, беспомощно дергаясь, я всхлипываю и делаю, как мне приказывают.

Эйдан хвалит меня словами, которые я слышу, но не понимаю. Я где-то далеко, несусь сквозь пространство, мой разум пылает фейерверком, тело совершенно неподвластно моему контролю.

В этот момент я сама себе чужая. Кто-то без ограничений и забот, женщина, одновременно совершенно умиротворенная и в то же время совершенно удивленная своими действиями.

Он будто потянул за ниточку, о существовании которой я и не подозревала, и распутал меня изнутри.

Затем Эйдан переворачивает меня на спину, закидывает мои лодыжки себе на плечи, засовывает в меня свой все еще твердый член и распутывает меня снова

Позже я лежу рядом с Эйданом, моя голова покоится на его груди, ногу я перекинула через него, мое тело словно без костей. Я — миска жидкого желе, дрожащая и истощенная.

Я никогда не чувствовала себя такой живой.

Уставившись в потолок, Эйдан бормочет:

— Мне нужно задать тебе вопрос. И нужно, чтобы ты была честна, когда будешь отвечать.

Я молча жду. Он не дал мне разрешения говорить, и я до сих пор не совсем понимаю, как и когда применяются все эти правила, так что я остаюсь на безопасной стороне и молчу.

Его грудь поднимается и опускается при глубоком вдохе.

— Каковы шансы того, что ты снова будешь вместе со своим мужем?

Внезапный острый укол боли пронзает меня где-то за грудиной. Я крепко зажмуриваю глаза, защищаясь от нее.

— Ноль.

— Да?

— Да.

— Тогда почему ты все еще носишь обручальное кольцо?

Я на мгновение задумываюсь.

— Я правда не знаю. Привычка, я думаю. Тебя это беспокоит?

— И да, и нет.

Эйдан больше ничего не объясняет. У меня такое чувство, что он ждет, что я что-то скажу, но уверенности нет.

— Могу я, пожалуйста, задать вопрос?

Эйдан бормочет:

— Милая зайка. Ты всегда можешь спросить меня о чем угодно.

— Правда?

— Почему у тебя такой удивленный голос?

— Потому что я не уверена, когда мне можно говорить, а когда нет, и я не хочу навлечь на себя беду, — я добавляю более мягко: — Или вызвать твое неудовольствие.

Его стон низкий. Притянув меня ближе, он целует меня в макушку.

— Кайла, — шепчет он. — Все в тебе доставляет мне удовольствие.

Прижимаясь к нему ближе, я улыбаюсь.

— Но ты же понимаешь меня, верно? Я имею в виду, у меня нет никакого опыта в такого рода вещах.

Эйдан перекачивает меня на спину и приподнимается на локте, глядя на меня сверху вниз с огнем в глазах.

— У меня тоже.

Я смеюсь прямо ему в лицо.

— Это абсолютная ложь!

— Я не о сексе.

Мой смех затихает. Сбитая с толку, я смотрю на него, нахмутив брови.

— Тогда о чем ты?

Эйдан кладет руку мне на грудь, прямо над сердцем.

— Об этом. О нас. О тебе и обо мне. Как это все просто. Как это все легко. Как это просто кажется правильным. Но ты все еще носишь свое обручальное кольцо, и тебе неудобно целовать меня в своем доме, и это все, что мне нужно знать о том, где твои мысли. И я понимаю это, я правда понимаю. Вся твоя жизнь перевернулась с ног на голову. Понятно, что ты к этому не готова. Но я должен быть честным. Я не собираюсь быть интрижкой. Я не стану парнем, с которым ты отвлечешься от проблем, чтобы почувствовать себя лучше, а потом уйдешь. Поэтому я думаю, что мне следует сократить свои потери сейчас, пока мое сердце не разорвалось на части. Потому что я уже могу сказать, что если это будет продолжаться чуть дольше, и ты уйдешь, это меня сломает.

От этого у меня перехватывает дыхание. Я лежу и смотрю на Эйдана широко раскрытыми глазами, с колотящимся сердцем, потрясенная его честностью.

В момент, когда я беру себя в руки, я, к своему удивлению, обнаруживаю, что чертовски зла.

Я твердо говорю:

— Нет.

Темные глаза горят, Эйдан пристально смотрит на меня. Его молчание злит меня еще больше.

— Ты не можешь решать, как это будет, Эйдан, не тогда когда ничего еще не случилось. Я понимаю, ты не хочешь быть отвлечением, но ты мог бы просто сказать: «Эй, мы не будем торопиться» или «Давай поговорим о том, чего ты ждешь от наших отношений». А вместо этого ты просто решаешь, что расстанешься со мной? Еще до того, как мы официально станем парой? На хер это. Это не так работает. Ты можешь командовать мной в постели сколько угодно, но когда дело доходит до принятия решений о наших отношениях, мы делаем это вместе. Я отказываюсь быть любовницей на одну ночь.

После минуты напряженного молчания Эйдан хрипло говорит:

— Это уже больше, чем одна ночь.

— Отлично. Три ночи. Неважно. — Я пристально смотрю на него, пока его взгляд не смягчается.

— Отношения? Вот как ты это называешь?

— Я сказала то, что сказала. Понимай как хочешь.

— О, зайка, — выдыхает он с трепетом в голосе, — ты так близка к тому, чтобы получить лучшую порку в своей жизни.

Мне хочется в отчаянии забарабанить пятками по матрасу. И, может быть, немного покричать. Но я лежу неподвижно, сжав губы и раздув ноздри, внутренне выкрикивая проклятия в его адрес.

Потом я вспоминаю, что у меня как раз и нет права на злость. Мой гнев неуместен.

Это не Эйдан утаивает важную деталь о своей личной жизни. Это я.

Но потом я напоминаю себе, что и понятия не имею, что этот человек скрывает или не скрывает. Кроме того, что Эйдан владеет кровельной компанией, у него есть друг по имени Джейк, которого он знает со средней школы, и что он, возможно, каким-то образом виновен в смерти своего собственного отца — а может, и нет, — я знаю мало.

Что делает весь этот разговор еще более странным для нас обоих.

Я закрываю глаза и тяжело выдыхаю.

Эйдан командует:

— Смотри на меня, Кайла.

Я открываю глаза и пристально смотрю на него.

— О, мы снова вернулись к хозяину и рабыне? Извините, я пока в интернете, ищу хиропрактика, чтобы вылечить следы от шлепков.

Эйдан опускает голову и прижимается губами к моему уху.

— Ты хоть представляешь, как сильно я хочу отшлепать тебя прямо сейчас?

Я ничего не могу с собой поделаться и улыбаюсь.

— Это чувство взаимно.

Эйдан наваливается на меня сверху, вдавливая меня в матрас весом своего тела.

— Ай! — я слабо бью его по спине. — Ты раздавишь меня!

— Тебе это нравится, — бормочет он, держа мою голову обеими руками и глядя на меня сверху вниз горящими глазами. — А теперь перестань блеять и послушай меня.

Я замираю, слишком резко опустив руки на матрас, о чем свидетельствует изгиб его губ.

— Королева драмы.

— Тиран.

— Можешь поспорить на свою сладкую задницу, что так оно и есть. И тебе это во мне нравится.

Он ждет подтверждения, пока я сердито смотрю на его подбородок.

— Кайла.

Я знаю, что означает этот предупреждающий тон голоса. Я выдыхаю, закатывая глаза.

— Хорошо, да, мне это нравится. — Я не могу удержаться, чтобы не добавить: — Чаще всего.

Посмеиваясь, он целует кончик моего носа.

— Стерва. Как я уже говорил... — его голос падает до шепота. — Спасибо.

Черт, у него определенно есть способ заставить меня врасплох.

— За что?

Он качает головой, что, как я понимаю, означает, что я не получу объяснений.

Я радостно говорю:

— Эй, у меня есть идея!

— Какая? — спросил он.

— Почему бы тебе не научить меня жестовому языку? Знаешь, что, мы смогли общаться, когда ты вдруг решишь, что больше не хочешь использовать слова.

Я пристально смотрю на Эйдана. Он отвечает мне пристальным и сердитым взглядом. Затем я улыбаюсь, потому что он точно понял, о чем я, и я не в настроении продолжать спор.

Я обнимаю Эйдана. Прекрасно зная, каков будет ответ, я невинно спрашиваю:

— Так ты расстаешься со мной или как?

Я не могу разгадать его взгляд: восхищение или раздражение. Может быть, и то и другое.

Он спрашивает прямо:

— Ты хочешь, чтобы я это сделал?

Дерьмо. Он перевел стрелки в мою сторону.

— Нет.

Ища в моих глазах признаки неуверенности, он говорит более мягко:

— Ты уверена? Еще не слишком поздно остановиться.

Я не уверена, плод ли это моего воображения или нет, но, кажется, в его вопросе присутствует скрытое предупреждение. Как будто Эйдан думает, что есть невидимая черта,

которую мы еще не пересекли, но как только мы это сделаем, ни для кого из нас не будет пути назад.

Я провожу руками по его плечам и зарываюсь в его волосы. Глядя ему в глаза, я киваю.

— Скажи это вслух, — приказывает он.

— Я уверена.

После долгих мгновений молчания он произносит:

— Хорошо.

Я раздражаюсь недоверчивым смехом.

— Боже, ты спятил.

Его темные глаза блестят, он мягко говорит:

— Ты и понятия не имеешь.

Как и ты, жеребец.

~

После душа и порции потрясающей яичницы-болтуни Эйдана я говорю ему, что мне, наверное, пора идти.

Сидя напротив меня за кухонным столом, он запикивает в рот яичницу. Эйдан не отвечает до тех пор, пока не заканчивает жевать и не проглатывает. Я не уверена, намеренно ли он тратит время на обдумывание ответа или ему просто очень нравится завтрак.

Глядя в свою тарелку, Эйдан спрашивает:

— У тебя есть дела на сегодня?

— Я отстаю в работе.

Он задумчиво кивает.

— Что у тебя в планах?

— Я работаю над домом по воскресеньям.

— Над каким домом?

— Моим домом.

Удивленная, я говорю:

— У тебя есть дом?

Он поднимает на меня взгляд и кивает.

— Строится еще один на другой стороне острова.

— Ты *строишь* дом? С нуля?

— Нет, складываю его из лебедей оригами.

Я улыбаюсь ему.

— Опять это разрушительное чувство юмора. Серьезно, ты строишь дом с нуля?

Эйдан смотрит на меня так, как будто я уже должна бы знать, что он способен на все, что угодно. Например, построить космический корабль из переработанных алюминиевых банок.

— Ух ты, Эйдан. Это впечатляет.

Он кивает, возвращая свое внимание к завтраку.

— Могу я его увидеть?

Он замирает. Его глаза вспыхивают, встречаясь с моими. Он хрипло спрашивает:

— Ты хочешь?

— Конечно, я хочу. Почему ты удивлен?

Эйдан качает головой и смотрит в свою тарелку. Я нетерпеливо позволяю ему обдумать свой ответ, зная, что могу его не получить, но продолжаю надеяться.

Затем он тихо говорит:

— Все еще не уверен, каковы у нас шансы.

Это немного, но этого достаточно.

— Я тоже. Как насчет того, чтобы выяснить это по ходу дела?

Эйдан поднимает голову, чтобы встретиться со мной взглядом.

— Или мы могли бы решить прямо сейчас.

— Это то, чего ты хочешь?

Я получаю отрывистый кивок.

Улыбаюсь ему и поддразниваю:

— Итак, мы ведем переговоры.

Эйдан кисло говорит:

— Забавно.

— Просто я помню, что это твое любимое занятие.

Не моргнув глазом, он говорит:

— Быть внутри тебя — мое любимое занятие. Заставлять тебя кончать — мое любимое занятие. Осознавать, что ты не занимаешься сексом на одну ночь, но для меня ты сделала исключение, — это мое любимое занятие. Все остальное теперь отошло на второй план.

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки, когда мои уши становятся горячими.

Он говорит более мягко:

— Скажи мне, чтобы я перестал так говорить, и я перестану. Я не хочу тебя пугать.

Я рассматриваю его. В простой белой футболке и джинсах он напряжен, не улыбается, но настолько красив, что кажется невозможным.

Удерживая его взгляд, я говорю:

— Ты же знаешь, что не пугаешь меня.

— Я имею в виду, чтобы я не отпугнул тебя.

— Я знаю, что ты имел в виду. Мой ответ тот же самый.

Мы смотрим друг на друга через стол, пока Эйдан не отодвигает свою тарелку и не откидывается на спинку стула. Его голос низкий, а взгляд горящий, он говорит:

— Иди сюда.

У него снова этот хищный взгляд, как будто Эйдан охотник, а я его добыча. Каждое нервное окончание в моем теле реагирует на это, встает дыбом в состоянии полной готовности. Мои пульс, дыхание и температура подсакивают.

Облизнув губы, я встаю и медленно обхожу стол.

Как только я оказываюсь в пределах досягаемости, Эйдан хватает меня за запястье и тянет к себе на колени. Он запускает руки в мои волосы и приближает мое лицо к своему, когда я кладу ладони на его грудь.

Пристально глядя мне в глаза, он хрипло говорит:

— Скажи мне, чего ты хочешь.

Мне даже не нужно думать над ответом.

— Продолжать делать это. Узнать тебя получше. Проводить с тобой время и посмотреть, к чему это приведет.

Он облизывает губы. Его взгляд опускается на мой рот.

— Что еще?

Я нервно сглатываю, затем шепчу:

— Хочу доставить тебе удовольствие.

— Ты не обязана это говорить.

— Я знаю.

Его дыхание становится неровным. Его вставший член впивается в мой зад. Под моими ладонями его сердце выбивает быстрый, отрывистый ритм.

— Поцелуй своего льва, зайка. Сделай это сладко.

Грубость его тона и желание в его глазах заставляют меня дрожать. Я беру его лицо в свои руки и прижимаюсь мягким поцелуем к его губам. Затем я трюсь своей щекой о его, закрывая глаза и вздыхая от удовольствия, когда его борода щекочет мою кожу.

Эйдан шепчет мое имя.

— Да, сэр?

Легкая дрожь пробегает по его груди, когда я называю его так. Он бормочет:

— Господи. Ты меня до смерти доведешь.

— О, да ладно, Бойцовский клуб. Ты крутой. Ты можешь с этим справиться.

Эйдан целует меня, пожирая мой рот, тихо постанывая мне в губы, когда держит мою голову ровно и берет то, что ему нужно. Когда он прерывает поцелуй, мы оба тяжело дышим.

Эйдан смотрит мне в глаза с выражением агонии.

Удивленная, я провожу кончиком пальца по его нижней губе и шепчу:

— Эйдан. Что не так?

Он так сильно стискивает зубы, так, что мускул на его челюсти напрягается. Его покачивание головой короткое и окончательное.

Он не собирается говорить, что не так.

Я снова вздыхаю, предвидя много этой безмолвной чепухи в нашем будущем.

— Пожалуйста, могу я получить разрешение сказать тебе, что ты заноза в заднице?

В темных глубинах его глаз появляется намек на юмор.

— Осторожнее, милая зайка.

Я невинно моргаю.

— О, разве я сделала это не правильно?

Эйдан опускает веки и пристально смотрит на меня, из его груди вырывается опасное рычание.

— Ладно, прекрасно. Я буду хорошей, — улыбаясь, я чмокаю Эйдана в губы. — Можем мы сейчас пойти посмотреть твой дом? Мне не терпится узнать, какое место построит для себя Король Лев. Я надеюсь, ты не забыл оставить место на стенах, чтобы повесить все шкурки зайцев, которые ты, должно быть, собрал.

Выпустив мои волосы, Эйдан обхватывает мое лицо ладонями и нежно целует.

— Стены останутся голыми, — бормочет он. — Я никогда раньше не пытался поймать зайца.

В моем животе одновременно трепещет крыльями миллион крошечных бабочек.

Они падают на землю, убитые внезапным арктическим морозом, когда Эйдан твердо добавляет:

— Но тебе пора идти домой.

Я ворчу:

— Ух ты, вот это холодный душ. Вижу, время, что ты провел в школе хороших манер, не пошло на пользу.

— Ты сказала, что тебе нужно работать. Я не стану этому мешать. И если ты используешь этот сарказм со мной снова — заработаешь себе...

— Я знаю. Порку.

— Нет. Тебе это слишком нравится. Это награда. В следующий раз, когда ты будешь дерзить мне, ты будешь действительно наказана.

Я оцениваю его серьезное лицо прищуренными глазами.

— Как наказана?

— Испытай меня и узнаешь.

Эйдан улыбается моему ядовитому выражению лица. Затем ставит меня на ноги, встает и провожает до входной двери.

Открывая ее, он говорит:

— Я скоро с тобой свяжусь. А пока, — он шлепает меня по заднице, — держись подальше от неприятностей.

Эйдан наклоняется, крепко и быстро целует меня, толкает через порог, затем захлопывает дверь у меня перед носом.

Раздраженная, я кричу:

— До свидания, Эйдан!

С другой стороны двери доносится тихий смех.

— Увидимся позже, Кайла.

Я спускаюсь по лестнице на парковку, удивляясь, почему он никогда не говорит «до свидания» и почему он избегал моих вопросов об этом оба раза.

Еще больше загадок, чтобы пополнить мою коллекцию.

Я погружена в свои мысли, когда сажусь в машину и запускаю ее, но замираю, когда замечаю, что лежит на приборной панели над рулевым колесом.

Никель «буффало» D-типа 1937 года выпуска.

Я смотрю на монету с трепещущим сердцем, а мой разум отшатывается от зрелища так, как будто заметил гремучую змею.

Через некоторое время, собравшись с духом, я тянусь к ней дрожащей рукой. В моих пальцах она кажется ненормально холодной, как будто ее хранили в морозилке.

Но она не была в морозилке. Она была там, где я ее оставила — в ящике моего офисного стола.

И теперь она здесь.

В моей машине.

Машине, припаркованной возле бара, над которым живет Эйдан.

Я оглядываюсь по сторонам, но никого не вижу. Парковка и тротуары пустынные. Вдоль улицы — несколько машин, но они примерно в квартале отсюда, рядом с пекарней.

По-настоящему испугавшись, я снова смотрю на монету.

Произошло одно из двух. Либо я взяла ее из ящика стола и положила на приборную панель, забыв об этом. Либо кто-то другой взял ее из ящика и оставил здесь, чтобы я ее нашла.

Что не имеет никакого смысла. Кто мог это сделать? И почему?

Задрожав, я опускаю монету в подстаканник между передними сиденьями и тянусь к пассажирскому сиденью за своей сумочкой. Я только вчера вечером взяла с собой ключ от дома Эйдана, но теперь я не могу быть уверена, заперла я двери машины или нет. Я разблокировала их минуту назад?

Я не знаю. Я не помню.

Как я могу не помнить?

Пока я роюсь в сумочке в поисках мобильного телефона, во мне нарастает паника. Я перехожу к приложению безопасности и загружаю его. И чертыхаюсь, когда понимаю, что мне придется перемотать примерно двенадцать часов видеопотока, чтобы посмотреть, был ли кто-нибудь в доме, пока меня не было.

— Но этого не может быть, — шепчу я. — Сработала бы сигнализация.

Это означает, что мне бы позвонили из охранной компании Джейка, но звонков нет. Уведомления пусты.

Так что единственное адекватное объяснение заключается в том, что я оставила монету здесь и забыла.

Я прислоняюсь лбом к рулю, закрываю глаза и делаю глубокие вдохи, стараясь дышать размеренно.

Эта проблема с памятью, должно быть, вызвана чем-то большим, чем просто стрессом, но я крайне настороженно отношусь к врачам. Смерть обоих моих родителей — следствие неправильно поставленного диагноза. Моей матери — когда ее врач ошибочно диагностировал симптомы рака легких как астму. И отца — когда врач сказал, что боли в груди, которые он испытывал в течение последних двенадцати часов, не более чем изжога. Врач прописал антациды, когда на самом деле виновником был сердечный приступ. К тому времени, когда папу доставили в отделение неотложной помощи, было уже слишком поздно.

И разве я не читала где-то, что большинство смертельных инфекций «живет» в больницах?

— Тебе нужна помощь, — говорю я себе. — Перестань рационализировать.

Но что бы я вообще сказала врачу?

«Привет, я Кайла! Я слышу странные звуки в своем доме, банки вылетают из кухонных шкафов сами по себе, в моей памяти дыр больше, чем в дуршлаге, у меня появился друг по переписке из тюрьмы, и через три недели после смерти мужа я завела горячий сексуальный роман с женщиной, который называет меня своей зайкой!

И давайте не будем забывать таинственно появившуюся монету и странного парня в шляпе, который шпионил за мной из-за дерева и не оставил никаких следов. В грязи.

Психбольница, жди!»

Просто дыши, Кайла. Просто успокойся и дыши.

Уже вернувшись домой, я в тревоге проверяю, включила перед уходом сигнализацию или нет. Но она работает так, как должна. Я ввожу код, чтобы сбросить настройки, а затем стою в прихожей, прислушиваясь.

Для чего, я не знаю.

В доме царит тишина. Оказавшись в кухне, я почти ожидаю увидеть еще больше открытых ящиков и шкафчиков, но все в порядке. Я хожу из комнаты в комнату, проверяя вещи, пока не убеждаюсь, что в шкафах и за дверями не прячутся страшилища.

Только на самом деле мне беспокоит. У меня паранойя, и я не знаю, что с этим делать.

Поэтому я делаю то, что сделал бы любой разумный человек — наливаю себе бокал вина.

Затем запираюсь в кабинете и заставляю себя работать, игнорируя тот тревожный факт, что я пью вино утром и пытаюсь притвориться, что это нормально. Но ведь все знают, что отрицание пристрастий к алкоголю — красный флаг.

— О, кого это волнует? — бормочу я, уставившись на свои наброски. — У меня есть другие поводы для беспокойства.

Через час я сдаюсь. Я роняю карандаш и тру глаза, затем иду на кухню и наполняю бокал вином. Прислонившись к стойке, я нажимаю кнопку перемотки в приложении безопасности на своем телефоне и просматриваю видео на высокой скорости.

У меня плохое предчувствие, что ежедневный просмотр записей с камеры вот-вот станет моим новым хобби.

Требуется некоторое время, чтобы просмотреть все с момента, как я ушла прошлой ночью, и до моего возвращения сегодня утром, но я не нахожу ничего необычного. Около рассвета две белки гнались друг за другом по подъездной дорожке. Сразу после полуночи толстый енот выбрался из-под поленницы на заднем крыльце и скрылся в темноте. В остальном все было по-прежнему.

Только когда я возвращаюсь в свой кабинет с очередным бокалом вина, я вижу кое-что интересное.

Маленький светловолосый мальчик лет пяти-шести играет один на лужайке за домом. Одетый в красную куртку, брюки в тон и желтые непромокаемые ботинки. Он ухмыляется, бежит вокруг, гоняясь за листьями и подбрасывая их в воздух. В какой-то момент он падает, кричит от смеха, уткнувшись лицом в траву, затем перекачивается и машет небу.

Интересно, говорю я себе, глядя на него в окно, это новые соседи? Или, может быть, чей-то внук приехал к бабушке? Я не могу вспомнить никого поблизости, у кого были бы маленькие дети.

Но почему мать мальчика решила, что позволить ребенку поиграть на лужайке у меня за

домом — хорошая идея? Дом стоит посреди двух акров леса. Нужно постараться, чтобы попасть сюда. Если только они не гуляли по пляжу. И вообще, где его мать? Поблизости нет ни одного взрослого. Просто этот веселый маленький дошкольник рвет мою траву.

Вздыхнув, я ставлю бокал с вином на стол и выхожу из комнаты. Я прохожу через кухню, прачечную, затем через гараж и выхожу через боковую дверь на задний двор.

Однако когда я оглядываюсь, ребенка нет.

Я кричу:

— Эй? Здесь есть кто-нибудь?

Единственный ответ, который я получаю — одинокий крик чайки, кружащей высоко над головой.

Продрогшая, потому что забыла надеть куртку, я обхожу дом с тыльной стороны и смотрю вниз, на улицу. Никого нет. Подъездная дорожка пуста. Я оглядываюсь на пляж, но он тоже пуст. Как и лес по обе стороны от дома.

Раздраженная, я бормочу:

— Куда ты делся, маленький засранец?

Последнее, что мне нужно, это чтобы какой-нибудь тупой мальчишка сломал ногу, споткнувшись о камень на моей территории. Я прямо вижу, как надвигается на меня судебный процесс.

Я трачу еще пятнадцать минут на поиски, затем сдаюсь и возвращаюсь в дом за еще одним бокалом вина. Затем мне приходит в голову идея просмотреть запись с камеры за последние полчаса, чтобы узнать, куда делся маленький блондинчик.

Но когда я открываю приложение, все, что я получаю, — это статика. На экране не видно ничего, кроме пикселизированного снега.

Здорово. Система безопасности работает так же хорошо, как и электрика. Может быть, мне стоит просто продать это место и переехать.

Чувствуя себя побежденной, я возвращаюсь к своему столу и работаю до конца дня.

~

На следующее утро я просыпаюсь от вопля сигнализации.

Растерянная, я резко выпрямляюсь в постели и в панике оглядываюсь по сторонам. Серый дневной свет просачивается сквозь щели в занавесках. Мой халат там, где я его оставила — перекинут через ручку кресла. Кажется, в комнате все в порядке, если не считать пронзительного визга охранной сигнализации.

В панике я подрываюсь с кровати, с глухим стуком падаю на пол, но вскакиваю на ноги — адреналин бурлит в моих венах.

Кто-то вломился в дом.

Блядь, блядь, блядь, кто-то вломился в дом!

Вой обрывается так же внезапно, как и начался, оставляя в ушах звон тишины.

Тяжело дыша, я тихо подхожу к двери, приоткрываю ее и прислушиваюсь. Через несколько мгновений я слышу, как женский голос ворчит:

— Проклятая штукавина. Что за чертовщина. Я оглохну, чуёт мое сердце.

Я чуть не падаю в обморок от облегчения. Это Фиона.

Распахнув дверь, я иду по коридору и перегибаюсь через балкон, с которого открывается вид на первый этаж.

— Фиона! Это ты!

Она кричит и подпрыгивает, разворачиваясь вокруг себя. Пристально глядя на меня из

прихожей, она прижимает руку к сердцу.

Сердито глядя, она говорит:

— Сейчас десять часов утра понедельника, дорогая. Конечно, это я.

— Десять часов? — я повторяю, пораженная. Я не могу поверить, что проспала так допоздна, но отвлекаюсь от этой мысли, когда мне приходит в голову другая. — Откуда ты узнала, как отключить сигнализацию?

Следует странная пауза. Это кажется чреватым.

— Я ввела код.

— Как ты узнала, какой код вводить?

Следует еще одна странная пауза. Она нерешительно спрашивает:

— Как ты думаешь, откуда я это знаю?

О черт. Я сказала ей код, вот откуда она его знает. Я сказала ей и забыла.

Я провожу рукой по лицу и выдыхаю.

— Потому что я дала его тебе. Конечно, я это сделала. Извини.

Когда я снова смотрю на нее, она, кажется, испытывает облегчение.

— Не нужно извиняться.

Раскат грома прокатывается по небу. Серое утро вот-вот снова разразится дождем. И чем бы ни была эта моя ползучая потеря памяти, похоже, она усиливается.

— Ты в порядке, дорогая? — спрашивает Фиона, наклоня голову и глядя на меня с выражением беспокойства на лице.

Через мгновение я говорю:

— Нет. Не думаю. Кажется, я вообще не в порядке.

Она кивает, как будто уже знает, что со мной что-то не так, но не хотела ничего говорить и рисковать обидеть меня. Фиона ставит сумки на пол рядом с консольным столиком, сбрасывает шерстяную куртку, разматывает шарф, кладет то и другое на консоль, затем снова смотрит на меня.

Добрым тоном она говорит:

— Почему бы нам не посидеть на кухне и не выпить чашечку чая за разговором?

Не дожидаясь ответа, Фиона поворачивается и уходит.

Чувствуя тошноту, я спускаюсь вниз. Я нахожу Фиону на кухне, когда она ставит чайник на плиту и зажигает конфорку. Затем садится за стол и складывает руки на нем. Покусывая ноготь большого пальца, я сажусь на стул напротив.

Я думаю, она собирается спросить меня о моем здоровье или предложить провести приятный отпуск в ближайшей психиатрической клинике, но Фиона удивляет меня, мягко говоря:

— Ты мне всегда нравилась, Кайла. Ты яркая, одаренная молодая женщина.

Я польщена, но одновременно застигнута врасплох.

— Что ж, спасибо. Ты мне тоже всегда нравилась, — произношу я.

Она улыбается и кивает в манере старой бабушки.

Я искоса смотрю на Фиону.

— Почему я чувствую, что это еще не все?

— Потому что так оно и есть. И я хочу, чтобы ты помнила, что я забочусь о тебе и твоём благополучии.

Я ставлю локти на стол и опускаю голову на руки.

— Я знаю. Я — ходячий раздрай. Поверь мне, я в курсе.

— Я не думаю, что ты ходячий раздрай. Я думаю...

Когда Фиона делает слишком долгую паузу, я поднимаю на нее нервный взгляд. На ее лице странное выражение. Отчасти это беспокойство, но в основном предвкушение. По крайней мере, я думаю, что это оно. Фиона смотрит на меня со странным блеском в глазах, как человек, страдающий зависимостью от азартных игр, смотрит на игровой автомат.

— Что?

Она зловеще говорит:

— Я думаю, тебя что-то беспокоит.

Я моргаю.

— Я не хочу показаться грубой, но это же очевидно.

Она качает головой.

— Я не говорю о потере твоего мужа, дорогая.

— О... кей. Тогда о чем ты говоришь?

— Ну, я точно не знаю. Но если есть что-то, чем ты хотела бы поделиться, я здесь именно для этого. Я очень хороший слушатель.

Я смотрю в пронзительные голубые глаза Фионы и спрашиваю себя, о чем, черт возьми, она говорит.

— Хм...

Наклоняясь вперед, она спрашивает:

— Случалось ли что-нибудь необычное в последнее время? В доме, я имею в виду.

Все волоски на моих руках встают дыбом. Крошечная дрожь страха пробегает по коже.

— Да, я вижу, что случилось, — мягко говорит она, — почему бы нам не поговорить об этом?

Мое сердце решает, что сейчас самое подходящее время заняться акробатикой. Желудок следует его примеру и скручивается в тугий узел. У меня пересыхает во рту, руки дрожат, а в ушах — пронзительное жужжание.

Я шепчу:

— Как ты узнала?

Ее улыбка нежна.

— Я выросла с такого рода вещами. Там, откуда я родом, призраки — обычное дело. Шотландия — одно из самых посещаемых призраками мест в мире.

Я снова моргаю, уверенная, что ослышалась. Снаружи по небу прокатывает еще один раскат грома, от которого дребезжат окна. В комнате возникает странное давление, трение, как будто сам воздух стал заряженным.

— Прости, но ты только что сказала *призраки*?

— Совершенно верно, моя дорогая.

Я откидываюсь на спинку стула, посмеиваясь.

— Я не верю в привидения.

Она пристально смотрит на меня.

— То, во что ты веришь, не имеет значения, Кайла. Потому что призраки определенно верят в тебя.

Начинает накрапывать дождь, тихо барабанив по оконным стеклам кухни. Капли скатываются по стеклу, будто слезы.

Когда я ничего не говорю, Фиона заполняет тишину.

— Позволь мне привести тебе несколько примеров, а затем ты скажешь мне, не сошла

ли я с ума, как ты думаешь. Ты недавно слышала странные звуки? Например, скрип половиц? Чувствовала ли ты необычные холодные сквозняки? Было ли жуткое ощущение, что за тобой наблюдают?

Я сплываю. Становится трудно дышать. Пронзительный звон в моих ушах становится все громче.

— А как насчет странных проблем с электричеством? Мерцающий свет, взрывающиеся лампочки, телевизор включается или выключается сам по себе?

— Это старый дом. У него много проблем.

Пропустив это мимо ушей, Фиона продолжает атаку на мое здравомыслие.

— Возможно, тебе снились странные сны. Возможно, объекты перемещаются, появляясь не в тех местах, куда ты их положила.

Должно быть, она что-то уловила в выражении моего лица, потому что наклоняется ближе.

— Книжки падают с полок? Мебель передвигается посреди ночи?

Мой голос слабеет, я говорю:

— Банка меда вылетела из шкафа сама по себе. Монета, которую я положила в одно место, нашлась в другом. И однажды утром, когда я спустилась вниз, все кухонные ящики были распахнуты настежь.

Она торжественно кивает.

— А как насчет странных запахов? Духи или другие сильные запахи? Что-нибудь из этого?

Я думаю о странном запахе гари от сушилки, о запахе, источник которого Эдди не смог найти, и о других проблемах с электричеством в доме, и чувствую, что вот-вот выпрыгну из своей кожи.

Когда чайник на плите свистит, я взаправду подпрыгиваю. Внезапно мне становится безумно страшно.

Фиона встает со стула, достает из шкафчика две кружки и наливает в обе горячую воду. Затем кладет туда чайные пакетики, ставит одну из кружек передо мной и снова садится напротив.

Как будто не подарив мне только что аневризму, Фиона говорит:

— Было бы уместно с каплей молока, но к старости у меня появилась непереносимость лактозы. Хочешь немного?

Мне с трудом удастся покачать головой.

— Ну-ну, дорогая, пожалуйста, не пугайся. Я знаю, что оказаться тем, кого преследует призрак — это немного чересчур для наших умов двадцать первого века, но мы пройдем через это вместе.

Может быть, я все еще сплю. Может быть, это просто дурной сон. Может быть, все то вино, которое я выпила вчера, ударило мне в голову и убило больше клеток мозга, чем обычно.

Всегда практичная, Фиона становится деловой.

— Что нам нужно, так это спиритический сеанс.

Я решительно говорю:

— Это смехотворно.

— Нет, федеральный налог — вот что смехотворно. А это просто ситуация, которую необходимо исправить. — Фиона прихлебывает чай и издает звук удовольствия. — Как

можно скорее. Чем дальше дух находится в ловушке этого измерения, тем больше вероятность того, что он не сможет уйти.

— Фиона, у меня в доме нет привидения!

Она неодобрительно цокает языком в ответ на мой тон.

— Я знаю, это тревожит, дорогая, но, пожалуйста, постарайся держать себя в руках. У шотландцев генетически заложено отвращение к явному проявлению эмоций, и мне бы не хотелось думать о тебе хуже из-за такой мелочи, как то, что тебя преследуют. Теперь, как насчет нарушений зрения? Ты не видела ничего странного вокруг этого места?

В моем сознании вспыхивает образ странного, враждебного человека в шляпе, прячущегося за деревом, который не оставил после себя никаких следов. А еще был маленький светловолосый мальчик, играющий во дворе...

Мальчик, которого не засняла моя камера слежения, вместо этого представив мне запись статических помех.

Ужас охватывает меня, начиная с ног и медленно продвигаясь вверх по телу, пока я не оказываюсь в холодной, крепкой руке костлявого страха.

Будто узнав все, что нужно, Фиона глубокомысленно произносит:

— А.

Продрогшая до костей, я говорю:

— Это невозможно. Призраков не существует.

Фиона улыбается. Басовитый раскат грома прокатывается по небу. Дождь усиливается, барабания по окнам и по крыше.

Затем верхний свет сам по себе выключается и включается три раза, как самодовольный сверхъестественный придурок.

— Теперь слушай внимательно, — говорит Фиона, снова становясь деловой. — Мне нужно сказать тебе кое-что важное.

— Что?

— Что бы ни случилось, не говори призраку, что он мертв. Они понятия не имеют, что их больше нет в живых.

Я убеждена, что мы оба где-то в обитой войлоком камере ведем этот разговор. Это действительно единственное разумное объяснение.

Когда я сижу и недоверчиво смотрю на Фиону, она продолжает.

— Призраки — это просто души, которым есть что рассказать. Когда человек умирает трагически или насильственно, его дух часто не может двигаться дальше. У них есть незаконченные дела, которые привязывают их к этому миру. Пока гештальты не будут закрыты, они останутся здесь, преследуя людей и места, которые значили для них больше всего, пока они были живы.

— Ты вообще слышишь, что ты говоришь?

Она выгибает бровь.

— Я понимаю, что это трудно для тебя, дорогая, но не нужно быть резкой.

Пристыженная, я вздыхаю.

— Прости.

— Как я уже говорила... что я говорила?

— Призракам нужно успокоиться.

— Да, это верно. И пока этого не случится, они застрянут здесь, скитаясь по земле в страданиях.

Она выжидающе смотрит на меня.

— Ты говоришь, что нам нужно помочь этому призраку, которого не существует и который определенно не преследует меня, закончить дела на земле.

Фиона сияет.

— Все верно.

Великое дело. Она хочет, чтобы я бросила искусство и стала проводником для заблудших душ.

— Я надеюсь, ты не обидишься на это, но это самая глупая вещь, которую я когда-либо слышала.

По выражению лица Фионы я могу сказать, что она определенно оскорблена.

Она принюхивается, задирая нос.

— Хорошо. Если тебе не нужна моя помощь, я не могу заставить тебя принять ее. — Она встает, относит свою кружку в раковину и выливает остатки чая в канализацию. Ополаскивая кружку, она говорит через плечо:

— Тебе нужно сегодня убрать свой кабинет?

— В самом деле? Мы просто будем вести себя так, как будто этого разговора никогда не было?

Она поворачивается, чтобы смерить меня холодным взглядом.

— У меня сложилось впечатление, что погрязать в отрицании — это то, что тебе нравится.

— Ох. Это было жестоко.

— Я не из тех, кто все приукрашивает.

Я сухо говорю:

— Ох ты, по тебе и не скажешь.

Мы смотрим друг на друга через всю комнату, пока я, наконец, не сдаюсь.

— Ладно, даже если бы я согласилась с этим безумием — чего я не делаю, я просто обсуждаю возможность — что тогда?

Выражение ее лица смягчается. Фиона ставит кружку на подставку для слива рядом с раковиной и возвращается на свой стул.

— Тогда мы попытаемся связаться с духом, чтобы узнать, чего он хочет.

— Ты снова возвращаешься к спиритическому сеансу.

— Верно.

Мы пристально смотрим друг на друга через стол, пока я пытаюсь вытащить свой мозг из космоса, куда он отправился, чтобы хорошенько отдохнуть от этого нелепого разговора.

— Или, может быть, мне просто стоит сходить к психотерапевту. Лучше потратить деньги на него.

— О, никаких счетов, моя дорогая. Она могла бы сделать это в качестве личного одолжения.

— Кто она?

— Моя сестра. Она медиум.

К этому моменту новый лакомый кусочек информации меня даже не смущает.

— Конечно, она медиум. И как можно попасть на такую работу?

— Ну, ты рожден для этого, не так ли? Это дар.

Я с сомнением повторяю:

— Дар.

— Что-то, что приходит само собой, например, твои художественные способности.

— Только с мертвыми людьми.

— Вот именно.

— И она может гарантировать, что этот не-дух, который не преследует меня, уйдет после этого?

— О нет. Это полностью зависит от духа. И всегда есть шанс, что... — она прикусывает внутреннюю сторону щеки.

— Не оставляй меня в подвешенном состоянии. Я и так достаточно взвинчена.

— Ну, не все духи дружелюбны. Некоторые из них мстительны и полны ярости.

Я хихикаю.

— Значит, они раньше работали на железной дороге.

Голубые глаза Фионы сверкают. Ее голос понижается.

— Это не шутка, моя дорогая. Нужно проявлять крайнюю осторожность, когда имеешь дело с существами из другого мира. Они очень непредсказуемы. Если их спровоцировать на гнев, они вполне способны на насилие.

Дрожь страха, которую я чувствовала ранее, возвращается, пробегая по мне и оставляя после себя мурашки.

— Как призрак может быть способен на насилие, если у него нет тела?

— Точно так же, как он может переставить мебель или сбросить что-то с полки.

— Я не понимаю.

На мгновение она собирается с мыслями.

— Дух — это проявляющая себя энергия, сродни электрической буре, набирающей силу до тех пор, пока она не разрядит молнию. Когда дух расстроен, эта эмоция — эта энергия — преобразуется в физический результат. Отсюда твои открытые ящики в шкафу. — Она смотрит вверх. — Или мерцающий свет.

Я с трепетом смотрю на потолок, наполовину ожидая увидеть ухмыляющегося зеленого гоблина, парящего над головой.

— Итак... теоретически, не то чтобы я во все это верила... дух, который живет в моем доме, зол?

Она тихо отвечает:

— Я бы сказала, что дух, который живет в этом доме, чертовски разъярен.

Когда я пораженно смотрю на нее, она добавляет небрежным тоном:

— Или духи, множественное число. Этот дом очень старый. На самом деле никто не знает, сколько беспокойных душ скрывается вокруг. Может быть, десятки.

— *Десятки?* Ты хочешь сказать, что я живу в аду?

— Ад — это состояние души, моя дорогая. Реальность — это просто то, во что мы верим. Каждый из нас создает свою собственную правду, даже призраки.

Это заявление — самая тревожная вещь, которую она сказала за весь разговор.

— Хорошо, но я все еще не верю в призраков. Разве это не помешало бы сеансу?

Фиона поднимает брови.

— Как ты полагаешь, на Бога так или иначе влияет то, что люди в него не верят?

— Я имею в виду... может быть, его чувства задеты?

Она вздыхает.

— Я не могу печь печенье без сахара, моя дорогая.

— Отлично. Теперь ты говоришь загадками. Кроме того, ты вполне можешь приготовить печенье без сахара. Оно и называется печеньем без сахара. Диабетики едят его постоянно.

Она яростно смотрит на меня.

— Боже, какая у нас замечательная беседа. Я так рада этому шансу узнать тебя получше.

— Ха-ха. Вернемся к истории с печеньем. Что означал этот комментарий?

— Это означает, что твой скептицизм не повлияет на способность медиума общаться с духом, но я боюсь, что он заставит тебя интерпретировать все, что ты можешь испытать, как побочный продукт несварения желудка или чего-то подобного. Ты станешь рационализировать происходящее.

Я задумываюсь об этом.

— Это похоже на меня.

— Именно так я и думала. Так что, возможно, тебе стоит немного поразмыслить над этим. — Она улыбается. — Посмотрим, помогут ли этому еще какие-нибудь шалости твоего призрака.

— Шалости? Мне не нравится, как это звучит.

— Ну, из того, что ты мне рассказала, до сих пор кажется, что твой дух вел себя относительно благовоспитанно...

Она замолкает и смотрит на меня, не мигая.

Я говорю:

— Эта пауза, должно быть, самая жуткая вещь, которую я когда-либо слышала.

— Я просто предполагаю, что у призраков, как и у людей, есть настроения. И готова поспорить, что ты еще не видела худшее из его настроений.

Я прижимаю холодные кончики пальцев к закрытым векам и тяжело вздыхаю.

— Отлично. Давай предположим, для поддержания разговора, что в этом доме живет призрак или призраки. На какие еще вещи мне следует обратить внимание?

Фиона бодро ставит галочки в списке.

— Шары света. Шепчущие голоса. Странные сны. Призрачные формы, мелькающие в периферийном зрении, или неестественные тени там, где их не должно быть. Переместившиеся на другое место предметы. Радио или телевизор, которые переключаются сами. Ощущение прикосновения...

— Прикосновения? — в ужасе перебиваю я, — Призрак может *прикоснуться ко мне*? Отвратительно!

Она поджимает губы, глядя на меня так, как будто я серьезно разочаровала ее.

— Я сказала «ощущение прикосновения». Это именно оно. Если ты помнишь, дорогая, у призраков нет тел. Поэтому, естественно, из этого следует, что у них нет рук. Пожалуйста, будь внимательней.

Клянусь, я собираюсь дать этой женщине затрещину.

Но я отвлекаюсь от этой мысли, когда она говорит:

— Еще одна вещь — это то, что присутствие духа начинает оказывать на тебя физическое влияние. Ты можешь начать испытывать головные боли или провалы в памяти, что-то в этом роде.

Головные боли? Провалы в памяти?

Я смотрю на Фиону с открытым ртом.

Озадаченная выражением моего лица, она спрашивает:

— Что?

Когда я снова обретаю дар речи, я слабо говорю:

— Кажется, на меня только что снизошло откровение.

Глаза блестят, она нетерпеливо наклоняется над столом.

— И?

— Здесь нет никакого и... просто... там был маленький мальчик.

Она растерянно моргает.

— Мальчик? Какой мальчик?

— Я видела из окна кабинета, как он играл на лужайке за домом, но когда я вышла на улицу, он исчез. И на видео с камер безопасности ничего не было, как будто его стерли. Или камера его не записала. — В горле пересохло, как в пустыне и я сглатываю. — Потому что на самом деле его там не было.

У Фионы такое странное выражение лица, что это заставляет меня нервничать.

Она спрашивает:

— Как выглядел этот маленький мальчик?

— Светлые волосы. Может быть, лет пяти. На нем был красный дождевик и маленькие желтые сапожки. И он казался счастливым, бегал вокруг и смеялся. — Я недоверчиво качаю головой. — Я думала, он заблудился и забрел ко мне на задний двор.

Фиона смотрит вниз на стол. Она разводит руки плашмя и кладет на столешницу. Похоже, она что-то подсчитывает.

— Что не так?

Через мгновение она натягивает на лицо сияющую улыбку.

— Просто я никогда не слышала о счастливом призраке. Как правило, духи, которые задерживаются на этой земле, находятся здесь из-за трагедии, которую они еще не пережили. Обычно они грустные или злые.

— О, — мой смех граничит с истерикой. — Ну, другой парень определенно подходит на роль злого.

— Какой другой парень?

— Я видела, как этот человек шпионил за мной из-за дерева на заднем дворе. Он выглядел действительно взбешенным. Он скалил зубы и все такое. Но он не оставил никаких следов в грязи, и теперь я думаю, что единственные существа, которые не оставляют следов в грязи, — это существа, у которых нет тел.

Я, блядь, не могу поверить, что я только что это сказала.

Моргая, как сова, Фиона медленно повторяет:

— Скалил зубы.

— Да. Он вывел меня из себя. Хотя на самом деле я не могла разглядеть большую часть его лица, только эту странную гримасу. Он был высоким и худощавым, в плаще и шляпе, низко сидящей на глазах.

Я ахаю, выпрямляясь в своем кресле.

— О боже! Как ты думаешь, он мог причинить вред маленькому мальчику? Как будто, может быть, именно поэтому они здесь, потому что они как-то связаны?

На лице Фионы появляется странное выражение. Через мгновение она кивает.

— Возможно. Может быть, они жили в этом доме давным-давно. Может быть, они были отцом и сыном. Или, может быть, они из двух совершенно разных периодов времени, и с каждым из них случилось что-то трагическое. Возможности безграничны. Иногда призраки притягиваются друг к другу и оказываются в одном и том же районе, даже если они не знали друг друга при жизни.

Мы пристально смотрим друг на друга. Наконец, я говорю:

— Не то чтобы я верила в призраков.

— Конечно, нет.

— Верно. Итак, когда твоя сестра сможет прийти и провести сеанс?

— Я спрошу ее и выясню.

— Отлично.

Мы снова смотрим друг на друга. Затем она настойчиво говорит:

— Самое главное, Кайла, чтобы ты помнила: нельзя говорить призраку, что он мертв. Если ты снова увидишь этих духов до того, как мы сможем организовать сеанс и, надеюсь, помочь им перейти на Другую сторону, просто позволь им делать все, что они делают, без помех. Не пытайся взаимодействовать. И особенно не делай ничего, что могло бы их разозлить.

Снова чувствуя озноб, я спрашиваю:

— Почему это так важно?

— Потому что дух живет в мире, созданном им самим. Он видит только то, что хочет видеть. Он слеп к реальности. Блуждающие духи должны быть готовы признать, что они больше не обитают в мире живых. Их нужно мягко склонить к этому пониманию, чтобы они приняли его по собственной воле, иначе они могут еще больше углубиться в мир своих фантазий, обрекая себя на вечное пребывание во тьме, без всякой надежды достичь Другой

стороны и таким образом достичь мира. — Она делает паузу, затем тихо добавляет: — По сути, они окажутся прокляты.

Я не хочу быть причиной проклятия какого-либо случайного духа, поэтому, хотя я ни во что из этого не верю и, вероятно, весь этот разговор мне снится. Я торжественно говорю:

— Я обещаю, что не скажу призракам, что они мертвы.

— Хорошо.

Фиона ободряюще улыбается мне и встает из-за стола, оставляя меня наедине с моими образными и буквальными призраками на кухне.

Затем я захожу в свой кабинет, достаю из ящика письмо, которое я написала Данте, и беру зонтик с подставки рядом с входной дверью. Я выхожу на улицу под дождь, направляясь к почтовому ящику.

Если меня преследуют духи счастливого маленького мальчика и враждебного парня в плаще, с таким же успехом я могла бы взять признать, что переписываюсь с чуваком из тюрьмы.

По крайней мере, он жив.

Только когда я поднимаю красный металлический флажок на почтовом ящике, кое-что из сказанного Фионой вспоминается мне, как пощечина.

«Когда человек умирает трагически или насильственно, его дух часто не может двигаться дальше».

Мое сердце колотится, я шепчу:

— Майкл.

Словно в ответ, трескучая вспышка молнии разрывает зазубренными когтями ослепительно белого цвета темное грозное небо.

Дорогая Кайла,

Когда я был ребенком, у меня был кот. Рыжее полосатое, тощее существо, которое ненавидело всех. Кроме меня. Этот кот любил меня. Я тоже любил его, хотя и не осознавал этого, пока его не сбила машина. До этого я думал, что О`Джей — настоящее зло. (Так его звали, О`Джей. Как апельсиновый сок. Не очень изобретательно, я знаю, но мне было восемь.)

Только когда кот умер, я понял, как сильно я его любил. Этот глупый кот был моим лучшим другом, но я понял это, когда стало поздно.

Забавная штука, не правда ли, особенно время спустя? К воспоминанию добавляется осознание, и события становятся другими.

И единственный способ найти смысл — это искать его.

Посмотри в прошлое.

Выкопай эти могилы.

Осмотри кости, которые ты там найдешь.

В последнее время я так и делаю. У меня так много свободного времени в этом месте, что размышления о прошлом стали постоянным способом занять время.

Ты спросила, что я сделал, чтобы очутиться здесь. Простой ответ заключается в том, что я слишком сильно кого-то любил.

Видишь ли, я извлек урок из смерти О`Джея. Я понял, что любовь ничего не значит, если ее не проявлять. Любовь нереальна без намерения. Это глагол. Это не предмет.

Но больше всего любовь — это самопожертвование.

Следует отдавать любви все, что она требует.

И я бы с радостью отдал то, о чем просила меня любовь, тысячу раз. Даже если бы мне пришлось делать это каждый день до скончания вечности, я бы вскрывал себе вены лезвием бритвы и с радостью обескровливал бы себя досуха.

Данте

Сегодня суббота. На этой неделе дождь непрерывно шел днем и ночью, переходя в морось, а затем снова набирая силу и барабаня по пропитанной влагой земле.

Я сижу в своем кабинете с письмом Данте в руках и смотрю в окно на унылый день. Пролит имеет мутный железно-серый цвет, его воды беспокойны, порывистый ветер взбивает волны до белой пены. В доме время от времени слышен свист ветра, но в остальном царит тишина.

Она царит с момента моего разговора с Фионой в прошлый понедельник. Устрашающая тишина, как будто дом затаил дыхание.

Но затаил дыхание не только он.

Я почти не спала всю неделю. Я боюсь и шагу ступить по дому, мои нервы сходят с ума при каждом порыве ветра или звуке ветки дерева, царапающей оконное стекло. Но ничего из ряда вон выходящего не произошло. Больше не было ни маленького мальчика, ни мужчины в плаще, ни странных запахов, ни мерцающих огней.

В конце причала «Эвридика» тревожно покачивается на беспокойной воде. Влекомая какой-то непреодолимой силой, я возвращаю взгляд к ней снова и снова.

Я знаю, что все дело в моих измотанных нервах, но кажется, что лодка следит за мной в ответ.

Остаток дня я работаю с письмом Данте, кипящим на задворках моего сознания, пока на телефон не приходит сообщение.

Ты выиграла. Позвони мне.

Это Эйдан. Мы не разговаривали шесть дней. Я не чувствую особого желания разговаривать с ним, поэтому отправляю ему ответное сообщение вместо того, чтобы позвонить.

Что я выиграла?

Я почти чувствую его раздражение – я ведь ослушалась и не стала звонить – в трех прыгающих точках, когда он печатает ответ.

Ты должна была позвонить мне первой.

Нахмурившись, я печатаю:

Я не знала, что это было соревнование.

Звонит телефон. Я едва успеваю сказать «Алло?», как недовольный голос Эйдана раздается у меня в ухе.

— Я дал тебе пространство. Не думал, что оно превратится в дистанцию.

— Нет никакой дистанции. Просто это была странная неделя.

После паузы он спрашивает:

— Ты в порядке?

— Честно говоря, нет точного ответа на этот вопрос. Кстати, я скучаю по тебе.

Его голос смягчается.

— Да?

— Ты знаешь, что это правда.

— Я надеялся. Все думал, что услышу стук в дверь и, открыв, обнаружу на пороге промокшую босоногую зайку в прозрачной рубашке.

Слова заставляют меня улыбаться.

— Разве это не то, чего хочет каждый мужчина?

— Может быть, но я — тот, кому эта зайка досталась. — Его голос понижается на октаву. — Тащи свою сладкую задницу сюда, зайка. Ты нужна мне обнаженной в моей постели. Ты заставила меня ждать достаточно долго.

— Ты заставил себя ждать, Бойцовский клуб. Ты мог бы взять трубку несколько дней назад.

— Я же сказал, что даю тебе пространство.

— Не то чтобы я этого хотела.

— Я хочу дать тебе то, что тебе нужно, Кайла, и это может не совпадать с тем, чего хочешь ты.

Я заинтригована реакцией моего тела на эти слова — смесь желания и раздражения, которая сбивает меня с толку. Я бы хотела сорвать с себя всю одежду и встать на колени у ног Эйдана, но одновременно хочу повесить трубку.

Хотя я знаю, что перезвоню ему сразу же, так что это не вариант.

— И что именно, по-твоему, мне нужно, Эйдан?

— Забыть все, чтобы снова вспомнить, кто ты на самом деле.

У меня перехватывает дыхание. Не только из-за мрачно-чувственного тона, которым это было произнесено, но и потому что Эйдан прав. Мое сердце бьется быстрее, я облизываю губы и шепчу:

— Да.

— Я знаю. А теперь приходи ко мне. У тебя есть десять минут. Опоздаешь хоть немного — будешь наказана. — Он вешает трубку.

Я сижу, сжимая телефон в руке, и мой желудок переворачивается, пока я размышляю: не подождать ли мне тридцать минут, прежде чем пойти, просто чтобы посмотреть, каким будет мое наказание.

Я решаю, что еще не настолько храбрая, и выхожу за дверь меньше чем через минуту. И снова Эйдан открывает дверь в свою квартиру прежде, чем я успеваю постучать.

Он выглядит красиво в паре выцветших голубых джинсов и босиком. Я смеюсь, когда он заключает меня в объятия и пинком захлопывает за нами дверь.

— Ты стоишь и прислушиваешься к моим шагам на лестнице?

— Ага. Только так я удерживаюсь от того, чтобы как маньяк не выбежать на парковку в минуту, когда ты подъезжаешь. — Когда я ухмыляюсь, он предупреждает: — Не злорадствуй.

— Никогда. Боже мой, ты еще красивее, чем я помню.

Он крепко целует меня в губы и хрипло говорит:

— Милая маленькая зайка. Как ты хочешь, чтобы тебя трахнули?

Взволнованно, я шепчу:

— Как ты захочешь.

Крепко прижимая меня к себе, он берет меня за подбородок и сжимает его, рыча:

— Как я захочу... кто?

Я таю. Я таю, как фруктовое мороженое, упавшее на горячий асфальт в жаркий летний день. Все другие мысли, кроме мыслей об Эйдане, вылетают у меня из головы.

И так, будто это самая естественная вещь в мире, режим работы по умолчанию, о котором я и не подозревала, без единой секунды сопротивления я просто сдаюсь.

Я говорю, затаив дыхание:

— Как ты захочешь, хозяин.

Он целует меня так, как будто всю свою жизнь умирал без моих губ.

Я прижимаюсь к Эйдану, чувствуя грудью, как бешено колотится его сердце. Я чувствую себя так, словно накачалась гелием и в любой момент могу со смехом взлететь к потолку. Эйдан всегда заставляет меня чувствовать себя такой живой, оторвавшейся от земли и совершенно беспечной.

Он заставляет меня чувствовать себя свободной.

И, черт возьми, это потрясающе.

Прерывая поцелуй, Эйдан стаскивает с меня футболку через голову и отбрасывает ее в сторону. Следующими слетают мои джинсы. Он неодобрительно рычит, когда видит, что на мне трусики, и нетерпеливо стягивает их с моих ног. Когда я оказываюсь перед ним полностью обнаженная, Эйдан расстегивает ширинку своих джинсов и хрипло приказывает:

— На колени.

Я опускаюсь коленями на деревянный пол, как благодарный проситель, и беру его вздыбленный член в свои руки.

— Соси, зайка.

В тот момент, когда мои губы скользят по набухшей головке его члена, Эйдан стонет и откидывает голову назад, закрывая глаза. Он запускает пальцы в мои волосы и прерывисто шепчет мое имя.

— Так чертовски сладко. Все, что касается тебя. Люблю твой сладкий ротик, моя хорошая девочка.

Его грубоватая похвала — сладость для моих ушей. Это героин в мои вены. Это горячая эйфория, пробегающая по каждому нервному окончанию, зажигающая меня. Я так жадно сосу его член, что Эйдану приходится предупредить меня, чтобы я притормозила.

— Не торопись, детка. Ты получишь мою сперму, но не сейчас.

Эйдан открывает глаза и смотрит на меня сверху вниз, проводя большим пальцем по моей верхней губе, когда я наклоняю голову, беря его глубоко в рот, а затем почти отпуская.

— Посмотри на себя, — страстно говорит Эйдан. — На коленях передо мной. Мой твердый член у тебя во рту. Твои глаза умоляют меня трахнуть тебя. Ты хоть представляешь, насколько ты прекрасна? Насколько идеальна?

Чувствуя себя сумасшедшей, я закрываю глаза и заглатываю его так глубоко, как только могу, слегка давясь, когда кончик продвигается по моему горлу.

— Так чертовски идеальна, — шепчет он. — Кайла. Моя прекрасная, послушная девочка.

Я стону вокруг члена Эйдана, неистово посасывая и поглаживая его ствол обеими руками. Моя киска пульсирует. Мои соски болят. Мне так сильно нужно, чтобы он трахнул меня, что я снова стону, дрожа от желания.

Эйдан знает. Конечно, он знает. Его смех низкий и мрачный.

— Тебе нужно раздвинуть для меня ноги и принять этот член поглубже, не так ли, детка? Тебе нужно, чтобы твой хозяин трахнул тебя.

Вена на нижней стороне его члена пульсирует под моим языком. Его пальцы сжимаются в моих волосах. Прямо сейчас Эйдан мог бы приказать мне выброситься из окна, и я, вероятно, так бы и сделала.

— Да, так и есть. Жадная девчонка. Дай мне посмотреть, как ты трахаешь пальцем эту великолепную киску, пока принимаешь мой член в рот. Но не смей кончать без моего разрешения.

Я засовываю одну руку между ног и отчаянно начинаю тереть свой клитор. Я уже промокла насквозь, я в отчаянии, тяжело дышу через нос и вся дрожу.

Эйдан обхватывает мое лицо обеими руками и изгибает бедра, направляя свой член в мой рот и из него, контролируя скорость и глубину, контролируя каждую часть меня.

Он шепчет:

— О, черт возьми, да, детка. Черт возьми, да.

Я пристально смотрю на Эйдана. Наши взгляды встречаются. Его губы приоткрыты, а глаза горят. Они прожигают меня насквозь, проникают сквозь кожу, пока я не становлюсь полностью обнаженной, мокрой и уязвимой. Мяукая с его членом во рту, я засовываю палец в ноющее пространство между ног.

— Не кончай, — приказывает Эйдан мягким, ласкающим голосом, удерживая меня в плену своего завораживающего взгляда. — Будь хорошей девочкой и держись ради меня.

Я схожу с ума. Я молча умоляю Эйдана своими глазами. Он облизывает губы, наблюдая за мной.

Пульсация глубоко внутри меня заставляет меня резко втянуть воздух через нос. Эйдан запускает руку в мои волосы и оттягивает мою голову назад. Член выскакивает у меня изо рта.

Тяжело дыша, он наклоняется, чтобы посмотреть в мои широко раскрытые глаза с расстояния всего в несколько сантиметров. Крепко держа меня за челюсть, Эйдан говорит гортанным голосом:

— Ты послушалась своего хозяина?

Я так тяжело дышу, что едва могу ответить.

— Нет. Нет. Я клянусь.

Эйдан мне не верит. С рычанием он толкает меня на спину на деревянный пол и встает надо мной на колени, кладя одну руку мне на грудь и надавливая так, что я прижимаюсь к холодным доскам. Другой рукой он скользит у меня между ног. Он шипит, когда находит меня насквозь мокрой и готовой для него.

Эйдан засовывает палец внутрь меня, заставляя замолчать, когда я стону.

— Руки над головой. Раздвинь ноги. Еще один звук, и ты будешь наказана.

Дрожа, я поднимаю руки над головой и упираюсь сжатыми ладонями в пол. Затем я раздвигаю бедра и прикусываю нижнюю губу, молясь, чтобы у меня хватило сил хранить молчание, как мне приказали.

Эйдан замирает на мгновение, наблюдая за моим лицом жадными глазами, его палец погружен глубоко в меня, ожидая ритмичного сжатия мышц. Я почти кончила — почти — и если он вообще пошевелит пальцем, я перепрыгну через край и начну отчаянно трахать его руку, когда оргазм завладеет мной.

— Милая маленькая зайка, — шепчет он удовлетворенно. — Ты так стараешься быть хорошей, верно?

Я отчаянно киваю.

Он скользит рукой, прижатой к моей груди, к одной груди и ласкает ее мгновение, прежде чем ущипнуть твердый сосок. Удовольствие прокатывается по моему телу волнами, которые направляются прямо вниз между моих ног. Хотя я не в состоянии контролировать дрожь в моих бедрах и то, как выгибаю спину, я сохраняю молчание, неглубоко дыша через нос.

Между ног Эйдана из расстегнутой ширинки джинсов торчит член. Он большой и

блестит от моей слюны, головка покраснела. Такой толстый, тугой и покрыт прожилками.

Я хочу его. Мне это нужно. Мне нужно, чтобы Эйдан насадил меня на него и оттрахал до бесчувствия, рыча мне в ухо непристойности и наполняя мою кожу своим ароматом, пока будет тереться о мое тело.

— Смотри на меня, Кайла.

Я встречаюсь с его темным взглядом и шепчу:

— Да, сэр.

Хотя я должна была вести себя тихо, я могу сказать, что он доволен мной.

В награду Эйдан переворачивает меня на живот и ловко шлепает по заднице, проходя по каждой ягодице, пока я почти не плачу от желания.

И останавливается, едва не доведя меня до оргазма.

Когда я хнычу, прижавшись щекой к полу и зажмурив глаза, Эйдан говорит сквозь стиснутые зубы:

— Ты – самое прекрасное, что я когда-либо видел за всю свою жизнь. Тебе лучше убежать сейчас, маленькая зайка, или я разорву тебя на гребаные куски.

Зная, что оргазм уже не за горами, я всхлипываю, поднимаясь на четвереньки, а затем вскакиваю на ноги.

Рыча, как животное, Эйдан шлепает меня по заднице. Я взвизгиваю и подпрыгиваю, а затем выбегаю из кухни с сердцем, бьющимся в горле. Едва я успеваю захлопнуть дверь его спальни и повернуть замок на ручке, как Эйдан уже колотит в нее, требуя, чтобы я впустила его.

Когда я отказываюсь, Эйдан пинком распахивает дверь.

Она со всей силы ударяется о стену. Несколько книг падают с книжной полки на пол. С потолка слетает кусок штукатурки. Эйдан стоит в дверном проеме, тяжело дыша, ноздри раздуваются, глаза свирепые, как у голодного хищника. А я дрожу и отступаю спиной к дальней стене.

Он рычит:

— На четвереньки на матрас.

Я вызывающе кричу:

— Нет! Если ты хочешь меня, ты должен поймать меня!

Его ухмылка широкая и смертоносная.

Я делаю ложный выпад влево. Эйдан тоже делает выпад. Я бросаюсь в другую сторону, слишком быстро, чтобы он мог развернуться и схватить меня. С победным смехом я выбегаю из спальни и несусь по коридору.

Эйдан застает меня в гостиной.

Схватив меня, он притягивает меня к своему телу и железной рукой обхватывает мои ребра. Пока я пытаюсь освободиться, он смеется, утыкаясь носом в мои волосы и глубоко вдыхая.

— Ты думаешь, что ты достаточно сильная, чтобы убежать от меня, зайка?

— Да! — я беспомощно извиваюсь.

— Я так не думаю, — Эйдан кусает меня за плечо, протягивая руку, чтобы схватить меня между ног. Его голос понижается. — Что я думаю, так это то, что тебя собираются очень, очень жестко трахнуть.

Я на грани обморока. Мой пульс бешеный, я задыхаюсь от отчаяния, и чувствую себя странно невесомой, как будто я бестелесна и пару вне своего тела.

Эйдан падает на диван, увлекая меня за собой, затем переворачивает нас и придавливает меня своим весом, так что мое лицо вдавливается в подушки. Я пытаюсь освободиться, но он хватает меня за запястья и прижимает их над головой.

Горячий и твердый, его член упирается в мою горящую задницу.

Эйдан позволяет себе момент, чтобы насладиться моей беспомощной борьбой и криками, и просто ложится на меня сверху. Его обнаженная грудь обжигает мою спину, пока он нюхает мои волосы, плечи и шею и мычит от удовольствия.

— Отпусти меня!

Он усмехается.

— Скажи стоп-слово, и я это сделаю.

Самодовольный ублюдок. Эйдан знает, что я не скажу гребаного стоп-слова.

Я кричу от отчаяния. Это заставляет его смеяться.

— Плохая зайка, — шепчет он ликующим тоном.

— Нет!

— О, да, это так. И ты знаешь, что получают плохие зайки, правда?

Это не вопрос, но он все равно требует ответа.

— Свободу!

Он прижимается губами к моему уху и горячо говорит:

— Нет, детка. Они получают трах в задницу от своего хозяина, и их трахают до тех пор, пока они не обещают быть хорошими.

Я почти достигла оргазма. Моя киска сжимается от желания. Я стону в отчаянии, прижимаясь к нему задницей.

Схватив меня за запястья одной рукой, Эйдан просовывает другую мне между ног. Он трет мои половые губы, распространяя влагу между ягодицами. Когда кончики его пальцев скользят по моему анусу, я визжу.

Эйдан просовывает палец внутрь по самую костяшку. Я вскрикиваю, напрягаясь.

— Это мое, — мрачно говорит он. — Я заявляю права на этот зад. Если ты этого не хочешь, скажи стоп-слово прямо сейчас, черт возьми.

Пойманная в ловушку весом его тела, я беспомощна, но не полностью. Все, что нужно, — одно слово. Если я скажу стоп-слово, я знаю, Эйдан мгновенно остановится и отпустит меня. Я знаю это точно, и именно это удерживает меня на тонкой грани между удовольствием и страхом.

Я утыкаюсь лицом в подушку и всхлипываю, произнося его имя.

Эйдан издает стон, наполненный желанием и мрачным удовлетворением.

— Да, детка. Произноси мое имя, когда я буду трахать тебя. Кричи его, когда кончишь подо мной.

Эйдан плюет на пальцы, размазывает слюну по чувствительному узелку между моими ягодицами, затем удерживает меня, направляя головку своего твердого члена внутрь меня.

Я вскрикиваю, содрогаясь.

— Прими член своего хозяина, — командует он и засовывает его до упора.

Это обжигает и заставляет меня задыхаться, мои глаза слезятся, а мышцы задницы сжимаются. Эйдан больше не двигает бедрами, он просто лежит на мне, тяжело дыша в мои волосы, обхватив ладонями мои запястья.

Его полное господство над моим телом заставляет что-то хрупкое в моей груди хрустнуть, как веточка.

Слеза скатывается по моей переносице. Дрожа, полная хаотичных эмоций, я прерывисто шепчу:

— Хозяин.

Эйдан стонет. Слабо, задыхаясь, он произносит:

— Милая девочка. Моя хорошая девочка. Умоляй меня.

Я закрываю глаза и повинуюсь.

— Пожалуйста, хозяин. Пожалуйста, трахни меня. Трахни меня жестко.

Эйдан отстраняется и толкается обратно в мою задницу резким движением бедер.

Мое рыдание прерывистое и благодарное.

Он делает это снова, толкаясь сильнее, затем снова с ворчанием, когда я стону.

Это чертовски больно, но мой клитор пульсирует, а твердые соски восхитительно трутся о грубую ткань дивана при каждом толчке, поэтому я умоляю его продолжать, покачивая бедрами вверх и вниз, как маленькая жадная шлюха, которой он меня сделал.

Отпуская мои запястья, Эйдан хватает меня за бедро одной рукой, а другой толкает к дивану. Потом снова встает на колени, удерживая свой член в моей заднице и увлекая меня за собой. Он поддерживает меня и упирается одной ногой в пол, затем сжимает мои бедра обеими руками, опускаясь на колени позади меня.

Эйдан трахает меня жестко и глубоко, вонзаясь в мою нежную попку с безжалостной силой, когда я иступленно вскрикиваю, а его тяжелые яйца ударяются о мою киску.

— Хозяин! Хозяин! Пожалуйста, можно мне кончить?

Он пыхтит:

— Да, детка. Кончи для меня.

Эйдан протягивает руку мне между ног и сильно дергает за набухший клитор.

Это запускает мгновенную цепную реакцию.

Я задыхаюсь и взбрыкиваю. Моя киска ритмично сжимается. Разум отключается, когда мое тело берет верх, реагируя на его прикосновения на уровне, неподвластном сознательному контролю.

— Эйдан! О боже, Эйдан, я кончаю! Я кончаю!

Звук, который вырывается из его горла, гортанный, животный и очень довольный.

Затем Эйдан засовывает свой толстый палец в мою пульсирующую киску, и его стоны заглушаются моим высоким, дрожащим криком удовольствия.

Он вздрагивает, издает первобытный рев и кончает в меня.

Я задыхаюсь от слез, беспомощно всхлипывая в сладкой капитуляции, когда этот прекрасный мужчина-зверь тащит меня за собой в темноту.

А после я вся в эмоциональном хаосе.

Лежу лицом вниз на диване, задрвав задницу кверху, рыдая в подушки, дрожа всем телом, потная и измученная. Эйдан склонился надо мной, прерывисто дыша. Его горячий лоб прижимается к месту между моими лопатками.

— О, детка, — шепчет он. — Не плачь. Все в порядке, милая. Все в порядке.

Он оставляет нежнейший из поцелуев на моем позвоночнике и медленно выходит из меня. Затем стаскивает плед со спинки дивана и заворачивает меня в него, а после садится, сажает меня к себе на колени и обнимает сильными руками.

— Такая охуенно красивая, — бормочет Эйдан, целуя мой лоб и мокрые щеки. — Ты моя хорошая, красивая девочка.

Я зарываюсь лицом в изгиб его шеи и плачу сильнее.

Эйдан крепче обнимает меня и мягко укачивает, бормоча нежные слова. Гладит мои волосы и ласкает, успокаивая и баюкая, как младенца.

Мы сидим так до тех пор, пока не кончаются мои слезы, и я не шмыгаю носом, пытаюсь подавить приступ икоты.

Эйдан глубоко вдыхает, выдыхает и легко проводит кончиками пальцев по моему лицу. Прижимаясь щекой к моей макушке, он тихо говорит:

— Скажи мне, чего ты хочешь от меня.

Никогда раньше мужчина не спрашивал меня об этом.

Ну, технически это был приказ, а не вопрос, но я не придираюсь. Ошеломленная, ощущающая легкую боль и одновременно полностью удовлетворенная, я сажусь и обдумываю все, но потом решаю, что мне нужно больше конкретики.

— Ты имеешь в виду сейчас или вообще?

— Сейчас и вообще. Я хочу знать, что сделает тебя счастливой. Что заставит тебя все время чувствовать себя так, как я чувствую себя прямо сейчас.

Я поднимаю на него взгляд.

— Как ты себя сейчас чувствуешь?

Эйдан смотрит на меня сверху вниз, его глаза бесконечны и темны. Проводя кончиком пальца по моей нижней губе, он говорит:

— Возрожденным. Прощенным. Или, может быть... Я не знаю. — Какое-то время он колеблется. — Свободным.

Я застенчиво спрашиваю:

— Я заставляю тебя чувствовать себя свободным?

— Как будто я жил в темной пещере всю свою гребаную жизнь, а сейчас вышел на солнечный свет.

Слезы застряли у меня в горле, я закрываю глаза и теснее прижимаюсь к Эйдану. С неуверенностью в голосе я шепчу:

— Я никогда не встречала никого, похожего на тебя.

Его смешок мягкий и мрачный.

— Я приму это за комплимент.

— Это так. Рядом с тобой я всегда чувствую себя в безопасности. Ты раскрываешь ту мою сторону, о существовании которой я раньше даже не подозревала. Я чувствую, что

могла бы рассказать тебе все, что угодно, мой самый темный секрет, худшую вещь, которую я сделала, за которую мне больше всего стыдно, и все было бы хорошо, — я колеблюсь. — Только...

Эйдан замирает.

— Что?

— Когда ты уходишь посреди разговора, я очень расстраиваюсь.

Через мгновение он кивает.

— Ладно. Я больше так не поступлю.

Воодушевленная, я продолжаю:

— И когда ты замолкаешь и не говоришь мне, о чем думаешь, я теряюсь. В чем-то ты очень энергичен, очень общителен, открыт и прямолинеен, но иногда кажется, что ты прячешься от меня.

Я делаю паузу, чтобы еще раз подумать. И отваживаюсь:

— Как будто ты беспокоишься, как я отреагирую, если узнаю тебя настоящего?

Эйдан целует меня, касаясь своими губами моих с нежностью, от которой у меня щемит сердце.

Затем он бормочет:

— О чем я беспокоюсь, так это о том, что отдам свое сердце женщине, которая все еще носит обручальное кольцо.

Печаль в его голосе заставляет мое сердце подпрыгнуть. Я шепчу:

— О, Эйдан. Мне очень жаль.

— Тебе не нужно извиняться. Или объясняться. Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя обязанной объясняться со мной. Я знаю, что ты просто разбираешься с вопросами по ходу дела.

Под «делом» он имеет в виду нас. То, что мы делаем вместе, что бы это ни было. И в каком-то смысле он прав. Я разбираюсь с вопросами по ходу дела. Другого способа принять это нет. Эйдан ворвался в мою жизнь, будто метеор, падающий на землю, как раз в тот момент, когда я почти сломалась.

Но я не чувствую себя сломленной, когда я с ним.

Слишком ошеломленная и растерянная, чтобы продолжать разговор, я говорю:

— Хорошо. Ты хочешь знать, что мне нужно, чтобы быть счастливой прямо сейчас?

— Да.

Я улыбаюсь ему и дергаю его за бороду.

— Бокал вина и горячая ванна.

Эйдан опускает веки и мгновение молча смотрит на меня.

— Я могу сделать это.

— Спасибо.

Он поднимает брови.

— Ты ничего не забыла?

Я провожу рукой по его подбородку и улыбаюсь шире.

— Спасибо, сэр.

Эйдан долго смотрит глубоко в мои глаза. Затем он тихо говорит:

— Кайла, будь осторожна со мной.

Удивленная, я спрашиваю:

— Что ты имеешь в виду?

— Я знаю, ты думаешь, что я сильный. Но проблема с сильными людьми в том, что они не гибкие. Они не могут сгибаться под напряжением. Они просто ломаются.

Прежде чем я успеваю ответить, Эйдан поднимает меня и несет в ванную.

~

Я целый час купаюсь в блаженстве, по шее в пузырьках, потягивая каберне. Эйдан входит и выходит из ванной, приносит мне маленькие кусочки сыра и ломтики яблока, кормит меня с рук и смотрит, как я жую, как будто это самая захватывающая вещь, которую он когда-либо видел.

Его взгляды вызывают зависимость.

Потому что мне это так нравится, что даже немного пугает.

Я не думаю, что я готова к этому. Похоже, что и он тоже не готов. Мы — магниты, которые не хотят быть магнитами, притянутые друг к другу невидимыми элементами, находящимися вне нашего контроля.

У меня нет ни слов, ни желания сказать, что, может, было бы разумнее замедлить этот мчащийся поезд, прежде чем он сойдет с рельсов и убьет всех пассажиров. Кроме того, разве мы уже не прошли этот этап?

Очевидный ответ — да. Мы. Мы пропустили свидания за ужином и вежливые беседы и сразу перешли к извращенному траху.

Не то чтобы я жаловалась. Так проще, а простые вещи прекрасны. А учитывая мое недавнее душевное состояние, светская беседа была бы неловкостью.

Одетый только в джинсы, Эйдан сидит на унитазах, положив локти на колени.

— Собираюсь завтра проверить дом.

— Это приглашение или ты просто сообщаем мне о своем будущем местонахождении?

Слабая улыбка изгибает его губы.

— Это приглашение, хитрюга. Но ты и так это знаешь. Каков ответ?

— Ответ — да. Который ты и так уже знал.

— Не хочу ничего предполагать, — он смотрит на мой безымянный палец, затем отводит взгляд. — Не знаю твоего расписания.

Скажи ему. Просто расскажи ему о Майкле. Расскажи, что случилось. Он заслуживает того, чтобы знать.

Или нет? Здесь нет никаких обязательств. И я не единственная, кто что-то утаивает. Я почти ничего о нем не знаю. Черт, я даже не знаю, сколько ему лет!

Несколько секунд я мысленно перебираю туда-сюда, споря сама с собой, пока он не пугает меня вопросом:

— Сколько тебе лет?

Я неловко смеюсь.

— Боже, это странно.

— Что именно?

— Я просто подумала, что не знаю, сколько тебе лет, когда ты спросил меня.

— Мне тридцать пять.

— Мне тридцать.

Мы пристально смотрим друг на друга. Он бормочет:

— О чем еще ты только что думала?

Выигрывая время, я медленно ставлю бокал на край ванны. Сажусь и смотрю вниз на переливающиеся радужными сгустками пузырьки, прилипающие к моим коленям и груди.

— Я думала о своем муже.

Эйдан продолжает молчать. Я даже не слышу, как он дышит. Однако я чувствую, что он ждет, чувствую новое напряжение в его теле так ясно, как если бы его мышцы были моими собственными.

— На самом деле, это не совсем так. Я подумала, что хотела бы рассказать тебе кое-что о нем.

Я сплываю. Мой пульс ускоряется. Я не знаю, почему это должно быть так сложно. Я сказала Эдди разнорабочему, что мой муж мертв, а ведь он никогда не шлепал меня по заднице и не называл своей зайкой.

Когда я прерывисто вздыхаю и на мгновение закрываю глаза, чтобы собраться с духом, Эйдан тихо приказывает:

— Смотри на меня.

Я смотрю на него. Эйдан смотрит на меня в ответ настойчивым взглядом, его глаза свирепы.

— Он причиняет тебе боль? Это все, что я хочу знать.

В его взгляде есть что-то дикое, опасный блеск, который заставляет меня дрожать. Я подтягиваю колени ближе к груди, обхватывая руками голени.

— Если бы я сказала «да», что бы ты сделал?

Его ответ тверд и мгновенен.

— Убил бы его.

Мой пульс частит, а глаза расширяются, когда я шепчу:

— Эйдан.

Он смотрит на меня, ожидая.

Наконец я говорю:

— Это то, что ты сделал со своим отцом?

Он отвечает, не вздрагивая и не отводя взгляда.

— Да.

Я выдыхаю, закрываю глаза и опускаю голову на колени.

Понизив голос, он говорит:

— Тебе не нужно меня бояться.

— Я не боюсь.

Он неуверенно добавляет:

— Я не представляю для тебя опасности. Я бы никогда не причинил тебе боль.

— Я знаю.

— Но ты прячешься.

— Я... блядь, я думаю, что да. Я просто перевариваю услышанное. Дай мне минутку, пожалуйста.

Мы сидим в тишине, нарушаемой лишь звуком капающей из крана воды. Затем Эйдан опускается на колени рядом с ванной и берет мое лицо в свои руки.

— Теперь я старше. Умнее, — настойчиво говорит он. — У меня было много времени подумать о том, что я сделал. И если до этого снова дойдет, я буду лучше подготовлен.

Мое сердце колотится о грудину.

— Я притворюсь, что ты только что не сказал мне, что знаешь, как избежать наказания за убийство.

— Притворяйся, если хочешь. Реальность такова, что если я узнаю, что мужчина поднял

на тебя руку, он никогда не сможет сделать это снова.

Эйдан нежно целует меня, прижимаясь своими губами к моим в невысказанном обещании. Я обхватываю его запястья руками и целую в ответ, открывая губы для его языка, когда он скользит внутрь. Эйдан языком проникает глубже, наклоняя при этом мою голову, чтобы взять то, что ему нужно, пока я дрожу в остывшей воде.

Затем Эйдан прерывает поцелуй и прижимается своим лбом к моему.

— Кайла. Ответь мне сейчас. И скажи мне правду. Он причиняет тебе боль?

Слезы наворачиваются на глаза, когда я говорю:

— Нет.

Эйдан отстраняется и смотрит на меня, нахмурившись.

— Тогда почему ты плачешь?

— Потому что я только что поняла, что я сумасшедшая. Я буквально полностью сумасшедшая.

— Почему ты так говоришь?

Одинокая слеза скатывается по щеке. С болью в сердце я шепчу:

— Если бы я была в здравом уме, я бы не думала, что твоя угроза убить кого-то ради меня звучит так прекрасно.

Эйдан долго смотрит на меня горящими глазами. Затем встает, поднимает меня на ноги и вытаскивает из воды. Несет меня, мокрую насквозь, в спальню и укладывает на матрас.

Не говоря ни слова, Эйдан опускается на колени между моих ног, раздвигает мои бедра и наклоняется, чтобы прижаться ртом к моей обнаженной киске.

Когда я стону и выгибаюсь, он протягивает обе руки и обхватывает мои влажные груди, нежно сжимая их, прежде чем провести большим пальцем по моим соскам.

Я думаю, это его способ сказать мне, что мы можем сойти с ума вместе.

Я запускаю руки в его волосы и вздыхаю. Его борода царапает мои бедра. Его восхитительный горячий язык проникает глубоко в меня. Грубые подушечки его пальцев скользят взад и вперед по моим твердым соскам, и вскоре я тяжело дышу и громко постанываю, покачивая бедрами в такт движениям его языка.

Когда Эйдан сильно сжимает мои соски, я кончаю ему в рот, содрогаясь и выкрикивая его имя.

Он сосет мой клитор, пока я не обмякаю, затем поднимается и стаскивает с себя джинсы. Затем опускается на мое тело и входит в меня.

Запустив руки в мои волосы и уткнувшись лицом в мою шею, Эйдан хрипло говорит:

— Если ты решишь, что это не то, чего ты хочешь, пообещай мне, что покончишь с этим до того, как я в тебя влюблюсь.

— Я обещаю, — шепчу я, снова борясь со слезами.

— Хорошо, — его голос понижается. — Но, чтобы ты знала, у тебя не так много времени.

— Эйдан...

— А теперь помолчи.

Он занимается со мной любовью с осторожной нежностью, которую раньше не проявлял, обращаясь со мной так, словно я сделана из фарфора. Когда он достигает оргазма, это сопровождается тихим стоном отчаяния, как будто Эйдан знает, — то, что мы делаем, это что-то большое и опасное, способное уничтожить нас обоих.

Я точно понимаю, что он чувствует.

Воскресное утро рассветает искрящимся синим цветом. Солнце прогнало дождевые тучи, и впервые за несколько недель на улице великолепно.

Эйдан готовит нам на завтрак уже привычную яичницу-болтуню, а еще тосты и бекон. Затем мы вместе принимаем душ. Он напевает, когда моет мое тело, ухмыляется, когда вытирает меня насухо, насвистывает, когда мы одеваемся.

Эйдан в хорошем настроении опьяняет. С сияющим лицом он еще красивее, чем обычно.

Поскольку погода хорошая, он предлагает мне съездить к дому на его байке. Когда я соглашаюсь и говорю ему, что в детстве бывала на мотокроссе, он недоверчиво смотрит на меня, оглядывая с ног до головы.

— Ты?

— Не суди о книге по ее обложке, любовничек. Я знаю, что выгляжу как девушка по соседству, но внутри я больше похожа на «*Девушку с татуировкой дракона*»⁷, — я делаю паузу, чтобы подумать. — Только без татуировок, гениального IQ, компьютерных навыков или феноменальной памяти. — Затем я светлею лицом. — Но зато я, как и она, социофоб.

Эйдан хихикает.

— Ты восхитительна такая, какая есть.

— Правда? — я притворяюсь, будто это не заставило меня засветиться от счастья.

— Правда. Давай посмотрим, есть ли у меня куртка, которую ты можешь надеть, зайка.

— Я утону в любой из твоих огромных курток.

Эйдан роется в своем шкафу и достает черный кожаный бомбер⁸ такого размера, что я смело могу отправиться в поход и использовать его как палатку.

Улыбаясь выражению моего лица, он приказывает:

— Надень это.

Я одеваюсь. Выглядит это так, будто кто-то решил здорово надо мной подшутить.

— Если я пойду в ней, ветер подхватит меня, и я полечу за тобой, как воздушный шарик.

— Не волнуйся, мой гигантский шлем прибавит тебе веса.

Он не шутит. Протягивает мне шлем, подходящий для суперзлодея Мегамозга. Когда я смеюсь, он говорит:

— Ничего не могу с этим поделаться. Мой мозг огромен, — Эйдан ухмыляется. — И не только.

Я ласково говорю:

— Ты ведь сейчас о своем эго.

Эйдан с важным видом проходит мимо, на ходу шлепая меня по заднице.

— Давай, маленькая зайка. Если будешь хорошо себя вести, я позже накормлю тебя морковкой, — он поворачивается и подмигивает.

Я бы хотела сделать умное замечание, но, черт возьми, я ведь очень хочу эту морковку. Поэтому я прикусываю язык и выхожу вслед за Эйданом за дверь.

За баром есть небольшой гараж, где он держит свой «харлей», блестящую мачо-шпуковину, сделанную на заказ, чтобы пугать старушек и маленьких собачек и оглушать всех остальных. Он заводится с грохотом и работает на холостом ходу с пронзительной для барабанных перепонок громкостью, заставляя вибрировать землю у меня под ногами.

Эйдан дергает подбородком, показывая, что я должна залезть сзади. Когда я забираюсь на байк, и у меня возникает эта приятная вибрация меж бедер, я решаю, что мне следует подумать о покупке такого же транспорта для себя.

Возможно, тогда я вообще больше не выйду из дома.

Обхватив Эйдана руками за талию, я крепко сжимаю объятье, и мы с ревом трогаемся с места.

До другой стороны острова всего десять минут езды, но там так красиво, что я жалею, что это не продлилось дольше. Воздух пахнет свежестью, холмы залиты золотистым светом, и куда бы я ни посмотрела, я вижу миллион оттенков зеленого, от бледно-яблочного до темно-изумрудного. Кажется, весь мир полон этих цветов.

Мы поворачиваем и проезжаем придорожный фермерский киоск и винодельню. Затем спускаемся с холма в Порт-Мэдисон, исторический прибрежный район, полный парков и пешеходных троп. Еще несколько поворотов, и мы выезжаем на длинную грунтовую подъездную дорожку, обсаженную с обеих сторон высокими деревьями. Подъездная дорожка заканчивается на пустом участке с лохматой травой, откуда открывается прямой вид на спокойные кристально чистые воды Хидден-Коув.

Эйдан останавливается под гигантским кедром и глушит двигатель. Я спрыгиваю первой, стаскиваю шлем с головы и с благоговением оглядываюсь по сторонам.

— Ух ты! Невероятный вид.

Эйдан перекидывает ногу через мотоцикл и стягивает ремешок шлема на подбородке. Сняв, он кладет его на сиденье байка и улыбается мне.

— Много места для игр с зайкой, да?

Мои щеки пылают, я кривлю губы и смотрю на него.

Эйдан смеется над выражением моего лица.

— Давай. Дом стоит здесь, наверху.

Я думала, мы на главном участке, но он указывает на склон за просветом в деревьях, и протягивает мне руку. Я беру ее и слеую за ним вверх по пологому склону по тропинке, которая выглядит хорошо протоптанной.

Когда мы достигаем вершины, я резко останавливаюсь и ахаю.

Каркас дома расположен в середине полукруга гигантских западных белых сосен, которые достигают, по меньшей мере, тридцати метров в высоту. Дом с видом на воду имеет два этажа, фундамент, крышу — и все. Внутренних стен или окон пока нет. Ни ландшафтного дизайна, ни подъездной дорожки тоже. Это скорее набросок идеи, но идея обретает прекрасную форму.

— Впереди будет круглое крыльцо, — тихо говорит Эйдан, с гордостью глядя на скелет своего дома. — И тропинка вон там, которая ведет вниз к причалу.

Он смотрит на меня сияющими глазами.

— Я собираюсь купить лодку. Ничего особенного. Маленькая плоскодонная озерная лодка, на которой я могу кататься не больше часа.

Я так впечатлена, что едва нахожу, что сказать.

— Как долго ты над этим работаешь?

— Уже пару лет.

Широко раскрыв глаза, я оглядываюсь вокруг.

— И ты делаешь все это сам?

Он усмехается.

— Я бы хотел. Но потом в ход идут сантехника и электрика, и именно тогда все начинает дорожать, — он оглядывается на дом, делает глубокий вдох и улыбается. — Многое из этого я могу сделать по бартеру. И это хорошо, потому что у меня нет денег для проекта. Одна только стоимость пиломатериалов чуть не разорила меня.

Я придвигаюсь к нему. Все еще глядя на дом, он обнимает меня за плечи и притягивает ближе.

— Рискуя быть наказанной, скажу, что я определенно намерена заплатить тебе сейчас за работу с моей крышей.

Его смех мягкий. Он откидывает голову назад и закрывает глаза, наслаждаясь солнцем на своем лице.

— Тебе повезло, что я в хорошем настроении, зайка, иначе твоя задница уже бы горела от порки.

Я обвиваю руками талию Эйдана и прижимаюсь щекой к его груди.

— Обещания, обещания.

Эйдан целует меня в макушку. Затем мы стоим там в уютной тишине, обняв друг друга, слушая, как ветерок играет в кронах деревьев. Звук далекого детского смеха доносится до нас над водой.

Эйдан тихо спрашивает:

— Ты когда-нибудь хотела детей?

Мой пульс бешено колотится. Руки начинают дрожать. Я закрываю глаза, утыкаюсь лицом в его грудь и шепчу:

— Да.

Энергия его тела меняется. В руках появляется напряжение.

— Это был неправильный вопрос?

Я качаю головой.

— Нет, это просто... я пыталась однажды. Мы пытались.

Он прижимается щекой к моей макушке и крепче обнимает меня.

— Ты не обязана мне рассказывать.

— Все в порядке. Это не секрет или что-то в этом роде. — Я выдыхаю. — У меня был выкидыш. Я была довольно долго морально мертва.

Воспоминание поражает меня, как удар под дых: боль, крики, кровь, стекающая по моим голым бедрам. Я ползу по полу кабинета и, рыдая, отчаянно пытаюсь добраться до телефона на стене. Это мешанина впечатлений, которая приходит внезапно, как отрывок из фильма, прокрученный слишком быстро с включенным на полную громкость звуком.

Но чей это голос? Этот крик не похож на мой. Это незнакомый голос, полный ярости, обрушивающийся на меня, как ураган.

Воспоминание исчезает так же быстро, как и появилось, отключается, как будто выдернули вилку из проектора.

И оставляет отчетливое и пугающее впечатление, что чего-то не хватает. Что что-то важное было упущено.

Или вообще стерто.

Я ищу что-нибудь еще в своей памяти, но ничего не нахожу. Я уперлась в кирпичную стену.

— Ты дрожишь, — говорит Эйдан, в его голосе звучит беспокойство, когда он обнимает меня крепче. — В чем дело, Кайла? Что случилось?

— Ничего. Просто не отпускай меня, пожалуйста.

Он заключает меня в объятия, прижимая к себе еще крепче. Я тоже прижимаюсь к нему, проглатывая кислый привкус желчи.

Через несколько минут, когда я немного успокоилась, Эйдан мягко говорит:

— Я пойму, если ты не готова говорить о некоторых вещах. Ты можешь просто сказать, что не готова, и я приму это. Я не буду давить. Но не лги мне больше, ладно?

Я шепчу:

— Мне жаль.

Его голос становится твердым.

— Скажи, что ты больше не будешь мне лгать, Кайла.

— Я не буду. Я обещаю.

Утыкаясь носом в мою щеку, он бормочет:

— Хорошо. Потому что тебе это не нужно. Тебе никогда не придется прятаться от меня.

Мой голос срывается, когда я говорю:

— Я не понимаю, почему ты такой удивительный.

Он целует мою шею, ухо, щеку, нежными поцелуями-бабочками, наполненными нежностью.

— Я удивителен только тогда, когда я с тобой. В остальное время я никто.

Я прижимаюсь ближе к Эйдану, нуждаясь в его надежности, наслаждаясь тем, как безопасно я чувствую себя в его теплых объятиях. Эйдан издает низкий горловой звук удовольствия и выдыхает в мои волосы. Затем снова целует мою шею, только на этот раз его рот более требовательный.

— Мне нравится твой вкус, зайка, — хрипло говорит Эйдан. — Мне нравится вкус твоей кожи. Еще мне нравится твой запах. Как ты теряешь контроль, когда я заставляю тебя кончать. Как смотришь на меня. Я чувствую себя королем, когда ты так смотришь на меня.

Эйдан запускает руку в мои волосы и оттягивает голову назад, обнажая горло. Крепко прижимая меня к себе, он языком и поцелуями прокладывает дорожку от мочки моего уха до ключицы, впиваясь зубами в кожу каждые несколько сантиметров, как будто хочет откусить от меня кусочек и проглотить.

Когда я издаю тихий стон, он сжимает мою задницу и прижимается членом к моему бедру.

Моя реакция мгновенна.

Мои соски твердеют. Мое сердце колотится. Моя кожа нагревается, а киску покалывает. Я никогда не встречала мужчину, на которого у меня была бы такая физическая реакция, так легко и мгновенно. Даже на мужа я так не реагировала.

Мои глаза закрыты, а лицо повернуто к небу, и, пока Эйдан целует мою шею, я говорю:

— Такой голодный лев. Я надеюсь, ты сможешь бегать на пустой желудок.

Улыбаясь, я отталкиваю Эйдана, и, невинно хлопая ресницами, разворачиваюсь и бегу к соснам.

Смеясь, он кричит мне в спину:

— У тебя есть десять секунд, прежде чем я приду за тобой, маленькая зайка! — затем Эйдан начинает считать вслух.

Волнение во мне зашкаливает и кровь несется по венам, пока я бегу по траве мимо дома, работая руками и ногами, так быстро, как только могу. Я бегу в сосновую рощу и сразу же прячусь за массивным стволом. Рискуя своим укрытием, я выглядываю из-за него.

Эйдан приближается ко мне легким шагом, мрачно ухмыляясь.

Я кричу и снова несусь прочь.

За рощей высоких сосен находится небольшой луг, окруженный густым лесом. Понимая, что территория, должно быть, занимает несколько акров, я бегу к лесу с бьющимся в горле сердцем, но не смею оглянуться. Тяжело дыша, я прорываюсь через линию деревьев на полном ходу, мои бедра горят.

Земля под ногами мягкая и неровная, покрытая влажным покрывалом из травы и листьев. Не успеваю я пробежать и пяти метров, как цепляюсь носком за торчащий из земли корень дерева, и лечу вперед.

Я приземляюсь на живот. Дыхание перехватывает. Мгновение я лежу оглушенная и тяжело дышу, затем пытаюсь подняться на ноги.

Но я опоздала. Мой лев уже напал на меня.

Рыча, он хватает меня за талию. Мы падаем на влажную землю. Я сопротивляюсь, пытаюсь освободиться, пока Эйдан, задыхаясь, смеется и борется со мной. Затем я лежу на спине, а он сверху, кусает меня за шею и прижимает мои запястья к земле.

Он ликующе смеется, когда я извиваюсь под ним.

— Плохая зайка.

— Отпусти меня!

— У тебя листья в волосах, зайка. Интересно, где еще у тебя могут быть листья?

Он переворачивает меня на живот и срывает с меня свою кожаную куртку, отбрасывая ее в сторону.

— Хм. Не здесь. Может быть, у тебя под рубашкой.

Пока я сопротивляюсь и кричу, он срывает с меня рубашку и отправляет ее в полет. Затем он рычит мне в кожу, потирая бородой мои плечи.

— Моя непослушная маленькая зайка нуждается в том, чтобы ее трахнули в лесу, не так ли?

— Нет! — *Да*, — Отвали от меня!

Он скользит рукой под меня и грубо сжимает мою грудь. Горячо шепчет мне на ухо:

— Я собираюсь трахнуть тебя так сильно, зайка. А тебе придется принять член своего хозяина, стоя на четвереньках, совершенно голой, посреди леса.

Я почти теряю сознание от желания и тут же сдаюсь. Но поскольку в этой игре главное — погоня, было бы не очень весело, если бы я позволила ему так легко победить.

— Я не буду!

Отчаянно сопротивляясь, я каким-то образом ухитряюсь сбить Эйдана с ног. Я вскакиваю за секунду и бегу, пока мои волосы развеваются позади, а обнаженная грудь подпрыгивает. Прохладный воздух обдувает мою разгоряченную кожу.

Эйдан ловит меня, когда я обегаю корявый ствол соснового дуба. Притянув меня в свои объятия, он жадно целует мои губы. Потеряв равновесие, я пошатываюсь, мое сердце бешено колотится, когда я пытаюсь оттолкнуть его.

Но он такой сильный. Он просто такой чертовски *сильный*.

Эйдан расстегивает молнию на моих джинсах, разворачивает меня и стягивает их с бедер. Я пытаюсь вырваться, но он так крепко держит меня, что я беспомощна. Когда он шлепает меня по голой заднице, я вскрикиваю, подпрыгивая.

Затем он прижимает меня к стволу дерева и удерживает там, обхватив одной рукой за шею сзади, продолжая шлепать меня.

Хныча, я цепляюсь за ствол. Грубая кора царапает мою грудь и живот. Моя задница подрагивает от каждого удара его руки, наполняя мою киску волнами удовольствия.

Порка резко прекращается, когда Эйдан засовывает руку мне между ног.

Его рот прижимается к моему уху, когда он говорит:

— О, насквозь мокрая. Тебе нужно, чтобы я трахнул эту симпатичную мокрую киску красиво и жестко, не так ли, зайка?

Я рыдаю.

— Да, ты хочешь этого. Я знаю, что ты хочешь. И ты знаешь, как сильно я этого хочу.

Эйдан засовывает в меня два пальца и трахает меня сзади, пока я визжу и сопротивляюсь.

— Ах, боже, детка, ты гребаное совершенство. Мой член такой твердый для тебя. Мне нужно кончить глубоко в эту идеальную киску, пока ты выкрикиваешь мое имя.

Эйдан вытаскивает из меня свои пальцы и скользит ими по всему телу, распространяя мою влажность. Он щиплет мой набухший клитор, заставляя меня вскрикнуть, затем разворачивает и прижимает спиной к стволу дерева.

Эйдан засовывает свои скользкие пальцы мне в рот.

— Попробуй себя, зайка. Слижи весь этот сладкий мед.

Он наклоняется, чтобы пососать мой твердый сосок, когда я подчиняюсь команде, и мои глаза закатываются.

Эйдан грубо стягивает мои джинсы с бедер. Не снимая их полностью, он перекидывает меня через плечо и куда-то несет, его рука обвивается вокруг моей талии, одна ладонь лежит на задней части моего бедра, а пальцы собственнически впиваются в мою плоть.

Я брыкаюсь и сопротивляюсь, но джинсы ограничивают движение моих ног. Он поймал меня.

Когда я отчаянно кричу, Эйдан смеется и шлепает меня по заднице.

— Вот, — говорит он, останавливаясь. — Похоже, это хорошее место для зайки, чтобы принять член своего хозяина.

Эйдан ставит меня на ноги на мягкий участок земли, затем толкает вниз, пока я не оказываюсь на спине. Оседлав мои бедра, он хватает меня за предплечья. Я дико замахиваюсь на него, борясь за свободу.

— Нет, зайка, — выдыхает он, его глаза безумны от желания. — Прекрати бороться со мной сейчас же. Время трахаться.

— Р-р-р-р!

Я отказываюсь останавливаться. Явно наслаждаясь собой, Эйдан позволяет мне побороться с ним несколько мгновений, прежде чем стаскивает с меня обувь и стягивает джинсы с лодыжек. Когда я оказываюсь полностью обнажена, Эйдан переворачивает меня на живот и поднимает на колени.

Спелый, влажный запах земли наполняет ноздри. Прохладный ветерок обдувает меня, образуя мурашки по всей обнаженной коже. Далеко над головой поют птицы и шепчутся листья на ветвях деревьев.

Видя меня обнаженной и беспомощной, с кусочками лесной подстилки, прилипшими к моей груди, животу, спине и попе, Эйдан так сильно возбуждается, что начинает задыхаться.

— Посмотри на себя, ты вся в грязи. Моя милая, грязная девочка.

Эйдан шлепает меня несколько раз, заставляя балансировать на локтях, чтобы я не завалилась набок. Затем ласкает мою обнаженную киску, пощипывая и поглаживая ее, пока

моя задница пульсирует от жара.

Он стонет.

— Ты такая мокрая, детка. Боже, ты такая чертовски мокрая, что течет по всем бедрам.

Моя хорошенькая маленькая шлюшка так готова для меня.

Голос у Эйдана хриплый и ликующий, наполненный похотью и триумфом. Он звучит так, будто Эйдан висит на последней ниточке контроля, и как только он отпустит ее, животное, которое он обычно держит крепко связанным, вырвется на волю.

Меня вот-вот сожрут, и мы оба это знаем.

Голова опущена, глаза закрыты, я стону.

Сквозь стиснутые зубы Эйдан приказывает:

— Умоляй меня трахнуть тебя сейчас, Кайла.

Я шепчу:

— Пожалуйста, хозяин. Пожалуйста, трахни меня.

Я слышу звук расстегиваемой молнии, затем головкой твердого члена Эйдан толкается в мой вход. Он хватает меня за талию и засовывает член глубоко в меня. Когда я вскрикиваю от удовольствия, он начинает двигать бедрами, входя в меня снова и снова.

— Эйдан! Эйдан!

— Скажи мне, что ты моя.

— Да! Я твоя!

— Скажи мне, что ты обожаешь мой член.

— Обожаю!

Мои крики эхом отражаются от деревьев. Эйдан протягивает руку подо мной и кладет ладонь на одну из моих качающихся грудей, грубо сжимая ее, а затем потягивая за сосок. Это так приятно, что я снова стону.

— Грязная маленькая зайка, — горячо рычит он. — Ты не можешь насытиться твердым членом своего хозяина. Ты хочешь моей спермы, не так ли, грязная девчонка? Тебе нужно, чтобы твой хозяин наполнял тебя до тех пор, пока ты не будешь истекать ей.

Мои руки слабеют. Я падаю вперед. Моя щека царапает влажную землю, когда Эйдан трахает меня сзади, полностью одетый и контролирующий каждую часть меня.

Его смех мрачный и довольный.

— Да, хорошая девочка, ты принимаешь это так, как должна принимать сладкая маленькая шлюшка. Посмотри на эту пухлую розовую киску, заполненную толстым членом ее хозяина. Я растягиваю твою киску все больше, не так ли, зайка?

Когда я снова стону, содрогаясь и потея, очень близкая к оргазму, Эйдан хихикает.

— Может быть, моей грязной зайке нужно, чтобы заполнили другие ее горячие маленькие дырочки.

Он засовывает свой большой палец мне в задницу.

Когда я вскрикиваю, Эйдан наклоняется и засовывает другой большой палец в мой открытый рот.

Затем он продолжает трахать меня, наклонившись и жестко оседлав меня сзади, пока я отчаянно посасываю его большой палец и дергаю бедрами назад, чтобы встретить каждый его толчок.

— Время принять сперму твоего хозяина, — пыхтит Эйдан настойчивым тоном. — Но я хочу видеть эти глаза.

Он отстраняется и бросает меня на спину.

Тяжело дыша, с колотящимся сердцем, я смотрю на Эйдана, когда он нависает надо мной, его набухший член торчит из джинсов, грудь вздымается, его темные глаза горят, словно огонь. Раздвигая мои бедра, Эйдан падает на меня сверху. Сжимает свой член в кулаке и прижимается головкой к мокрому входу во влагалище, затем с ворчанием вводит член в меня.

Когда я стону и цепляюсь за его куртку, он хватается за запястья и прижимает их к земле.

Эйдан снова начинает трахать меня, нависая надо мной, прижимая к земле и пристально глядя мне в глаза.

Я прерывисто умоляю:

— Пожалуйста. Пожалуйста, хозяин. Пожалуйста, можно мне кончить?

Его веки трепещут. Он шепчет мое имя.

Но не дает мне разрешения.

Моя киска и клитор пульсируют с каждым толчком его бедер. Спина выгибается. Мои соски ноют так сильно, что это причиняет боль. Мои веки закрываются, и я хнычу.

Эйдан отпускает запястья и обхватывает мою голову руками.

— Посмотри на меня, — приказывает он.

Я смотрю в его горящие глаза, в то время как раскаленный добела клубок удовольствия все туже и туже затягивается где-то внутри, и мои бедра начинают неудержимо дрожать.

— Ты готова, детка? — шепчет Эйдан, движения его бедер становятся неистовыми.

Не в силах говорить, я просто киваю.

— Смотри на меня, когда кончишь. Не отводи взгляд. Я хочу, чтобы ты кончила, глядя мне в глаза, — и после еще нескольких толчков он рычит: — Сейчас.

Я делаю глубокий вдох и дико прижимаюсь к Эйдану. Мой оргазм достигает пика, и я стону, но не отворачиваюсь. Я смотрю на него широко раскрытыми глазами, пока моя киска сжимается снова и снова на его огромном длинном члене, замершем глубоко во мне.

— О, черт, Кайла, — выдыхает он. — Господи Иисусе, блядь, я кончаю.

Все тело Эйдана дергается. Глубоко внутри я чувствую, как пульсирует член. Затем он стонет и неглубоко толкается, изливаясь в меня, глядя прямо в глаза.

Близость настолько интенсивна и всепоглощающа, что у меня перехватывает дыхание. У меня такое чувство, будто мою грудь сдавливает невидимая сила.

Эйдан тоже это чувствует. Я уверена в этом, ведь вижу, как его глаза наполняются болью.

Он произносит мое имя на приглушенном выдохе, затем дарит мне отчаянный, пожирающий поцелуй.

Все это время мы держим глаза открытыми.

Мы лежим, переплетаясь, на лесной подстилке, и тяжело дышим, но в остальном молчим. Затем Эйдан стонет и опускает лицо к моей шее, пряча глаза.

Глядя в бесконечно голубое небо, я обнимаю его за плечи, инстинктивно понимая, что на этот раз это он — тот, кто разваливается на части.

— Все в порядке, — шепчу я хрипло и ошеломленно. — Эйдан, все в порядке.

Он издает приглушенный звук боли.

— Ш-ш.

Я нежно целую его в щеку и запускаю пальцы в волосы. Он тяжелый и горячий, дрожит всем телом, и внезапно меня переполняет глубокое чувство покоя.

Или это благоговейный трепет. Или что-то совсем другое. Я не уверена, что для этого есть подходящее слово.

Что бы это ни было, это прекрасно.

Мои губы приближаются к его уху, и я шепчу:

— Мне понравилось. Я наслаждалась каждой секундой. Всем, что ты делал и говорил. Ты меня слышишь? Это то, что мне было нужно. — Он издает прерывистый стон. — Мой прекрасный лев. Ты такой замечательный. Ты — именно то, что мне нужно.

Эйдан поднимает голову и страстно целует меня, постанывая мне в рот.

— Кайла, — говорит он, тяжело дыша, — боже. Блядь. Я сделал тебе больно? Ты в порядке?

Я хихикаю.

— Если не считать нескольких царапин и синяков, я *превосходно себя чувствую*.

Пристальным взглядом Эйдан скользит по моему лицу в поисках любого признака того, что я лгу. Когда он, кажется, удовлетворен тем, что я честна, сглатывает и облизывает губы.

Говорит, запинаясь:

— Я немного увлекся.

— Да неужели, — отвечаю я с усмешкой. — Божечки-кошечки, какой у тебя секс-словарь. Даже лучше, чем твой обычный.

Через мгновение Эйдан начинает смеяться. Мягко, качая головой, он смеется с облегчением, затем снова целует меня.

— Я ничего не могу с этим поделать. Ты пробуждаешь во мне зверя.

— Естественно! Но сейчас я была бы очень признательна, если бы мы встали. Мне в поясницу впивается камень, и это ужасно больно.

— Черт. Извини.

Эйдан отстраняется, встает, заправляет себя в джинсы и застегивает их. Затем помогает мне встать и бережно счищает землю и листья с моей кожи.

— Ты вся исцарапана, — говорит он приглушенным голосом, морщась, когда отряхивает меня мягкими, как перышко, движениями пальцев. — У тебя колено кровоточит.

Я глубоко и удовлетворенно вздыхаю.

— Вот что происходит, когда заек трахают в лесу. Я уверена, что завтра мне будет чертовски больно. Где моя одежда? Я начинаю мерзнуть.

Эйдан ненадолго покидает меня, чтобы забрать мои ботинки, рубашку, джинсы и свою куртку с того места, где бросил их на землю. Затем он помогает мне одеться в молчаливой

сосредоточенности, держа меня осторожно, будто считает, что я могу сломаться.

Его нежность и забота трогают меня. Он такой милый и нежный, полная противоположность моему доминирующему, рычащему зверю, каким был всего несколько минут назад.

Невероятно, сколько разных личностей может вместить одно тело. Мы все ходим с тысячей незнакомцев внутри нас, тихо дремлющих, пока кто-нибудь не разбудит их. Подобно разряду электричества, который оживил монстра Франкенштейна, все, что требуется нашим спящим гигантам, чтобы пробудиться к жизни, — это одна-единственная искра.

Когда я оделась, Эйдан берет меня за руку и молча выводит из леса. Мы выходим на солнечный свет, и смотрим на небо, затем друг на друга.

Что-то этакое есть между нами, невысказанное и глубокое.

Он первым отводит взгляд, сжимая мою руку и улыбаясь.

Эта улыбка могла бы разбить мне сердце.

~

Остаток дня мы проводим в его квартире. Мне требуется еще раз принять душ, чтобы смыть с кожи все остатки листьев и грязи. Потом Эйдан смазывает неоспоринком мои порезы и царапины и перевязывает колено.

Он выглядит несчастным, когда делает это, брови нахмурены, губы сжаты в тонкую линию.

Хотя мои травмы незначительны и получены самым чудесным образом, ему ненавистна мысль о том, что мне больно.

Я снова провожу ночь у него. Он будит меня на рассвете и занимается со мной любовью с бессловесной настойчивостью, от которой у меня перехватывает дыхание. Затем Эйдан отправляется в то тихое место в своей голове, куда он уходит, когда ему нужно спрятаться.

Но я не спрашиваю его, что не так. Я не даю. Я оставила его в покое.

Он не единственный, у кого есть секреты.

~

Когда я прихожу домой, Фиона уже там. Я нахожу ее в кабинете Майкла, что вызывает во мне вспышку раздражения.

— Что ты здесь делаешь?

Держа метелку из перьев, она резко встает из-за его стола и вздрагивает, когда видит меня.

— Кайла!

— Да, это я. Я здесь живу, помнишь?

Она улыбается виноватой улыбкой.

— Прости, дорогая. Я не слышала, как ты вошла. Ты ходишь как кошка.

Чувствуя себя неловко, я медлю на пороге. Я не была в этой комнате с тех пор, как произошел несчастный случай. Дверь была закрыта, и воздух тут спертый. Что-то в этом вызывает у меня чувство клаустрофобии.

— Я не хотела, чтобы в этой комнате убирали. Я думала, что говорила тебе об этом.

— Разве?

— Разве нет?

Она смеется.

— Ну, если ты и говорила, то я не помню.

— Ой. Извини. Честно говоря... я тоже.

Вспоминая, что она сказала на прошлой неделе о возможной причине моих провалов в памяти, я чувствую себя еще более неуютно. Мои щеки пылают, я неловко топчусь на пороге и прочищаю горло.

— Но я бы хотела на время оставить эту комнату в покое. Это просто... — я беспомощно жестикулирую. — Я еще не разбирала его вещи.

Она мягко говорит:

— О, дорогая. Я полностью понимаю. Я начну с кухни.

— Спасибо. И... о том сеансе, о котором мы говорили.

Лицо Фионы светлеет.

— Да, я говорила со своей сестрой! Она говорит, что мы должны провести его в следующее полнолуние, которое будет через три недели. О, и еще она сказала, что ты не должна пользоваться никакими духами и не надевать украшения. Никаких других аксессуаров тоже, особенно мобильных телефонов. Очевидно, они раздражают духов.

Она хихикает.

— Как и все мы. — Мой смех тихий и смущенный. — На самом деле, я думаю, мы должны просто забыть обо всем этом.

Фиона мгновение пристально смотрит на меня, задумчиво теребя пальцами перья на метёлке.

— О?

Ее тон мягок, но, похоже, она требует объяснения. Я застенчиво предоставляю одно из них.

— Я решила, что пойду к психотерапевту.

Она поднимает брови.

— Как психотерапевт может помочь с твоими проблемами с призраками?

Я выдыхаю, качая головой.

— Уже сам факт, что я рассматривала возможность того, что меня преследуют призраки, говорит о необходимости терапии.

Фиона выглядит так, как будто собирается запротестовать, но, должно быть, передумывает, потому что только кивает.

— Хорошо. Если это то, что ты хочешь.

— Да. Спасибо, Фиона.

Она проходит мимо меня, избегая моего взгляда. Когда слышу звук удаляющихся в направлении кухни шагов Фионы, я беспокоюсь, что оскорбила ее. Поворачиваюсь, чтобы пойти за ней, но что-то на столе Майкла привлекает мое внимание, и я разворачиваюсь обратно.

Сложенная газета лежит на записной книжке рядом с тем местом, где Фиона вытирала пыль. Со своего ракурса я не могу прочитать заголовок, но я отчетливо вижу фотографию, которая сопровождает статью.

Это фотография Майкла.

Пульс учащается. У меня пересыхает во рту. Я чувствую себя немного неуверенно, как будто пол накренился. По какой-то странной причине мне вдруг становится страшно.

Я медленно прохожу через комнату и встаю рядом со столом. Я хочу взять газету, но не делаю этого. Я просто стою там и читаю заголовок.

«Местный житель уто...»

Газета сложена так, что с левой стороны видны только часть заголовка и фотография Майкла.

Я уверена, что раньше не видела этой статьи. Я уверена, что не клала эту газету на стол Майкла. В чем я не уверена, так это в том, как она сюда попала.

Это Фиона принесла?

Мой разум начинает лихорадочно работать. Я пытаюсь придумать рациональные объяснения тому, почему она могла принести эту газету в кабинет Майкла, но не могу придумать ни одного. Она знает, что я расстроюсь, увидев это. Я бы списала это на мои провалы в памяти, но знаю, что не была в этом кабинете с момента несчастного случая.

Я знаю это.

Тихий голос в моей голове шепчет: «*Может быть, это была не Фиона*».

Закрыв лицо руками, я беззвучно повторяю, что призраков не существует. Призраков не существует. Призраков не существует.

Что-то с резким стуком ударяется в окно кабинета.

Я подпрыгиваю, издавая тихий вскрик, а затем замираю с колотящимся сердцем и трясущимися руками, схватив себя за горло.

Ничто не движется. Воздух неподвижен. За окнами небо хмурое, свинцово-серое.

Собравшись с духом, я подхожу к окну и выглядываю наружу, осматривая горизонт. Я не вижу ничего необычного. Двор пуст. Каменистый пляж чист. И уже когда я собираюсь отвернуться, я обнаруживаю источник звука.

На земле под окном лежит безжизненное тело голубой сойки. Ее шея изогнута под неестественным углом. Ее жесткие лапки торчат в разные стороны, когти изогнуты, как клешни. Ее черные глаза невидяще смотрят на меня.

На оконном стекле в том месте, куда она ударилась, виден призрачный контур птичьего тела с распростертыми в полете крыльями.

Борясь с желанием закричать, я поворачиваюсь и выбегаю из комнаты.

Я запираюсь в хозяйской спальне. Затем расхаживаю туда-сюда, заламывая руки и ругая себя за глупость.

В нападениях птиц нет ничего нового. Я знаю, что они воспринимают отражение неба на стекле как само небо, и именно поэтому влетают прямо в окна и ломают свои маленькие шейки. Это *ничего* не значит.

Только кажется, что это не так.

Происшествие кажется зловещим. Как дурное предзнаменование.

Или, может быть... послание с того света.

Я перестаю расхаживать и замираю посреди комнаты. С бешено бьющимся сердцем я смотрю в потолок и шепчу:

— Майкл?

Ничего не происходит. Тишина тянется до тех пор, пока мои нервы не ломаются от напряжения. Когда где-то внизу хлопает дверь, я чуть не падаю в обморок от ужаса.

Я говорю себе, что это всего лишь Фиона, но не совсем верю в это. Жуткое чувство, что за мной наблюдают, снова охватывает меня, но я одна в комнате.

Или нет?

Внезапно все в комнате становится зловещим.

Тень за тумбочкой. Фарфоровая фигурка клоуна на книжной полке. Плюшевый мишка в моем кресле для чтения, у которого, хотя я никогда раньше этого не осознавала, зубы

странно похожи на человеческие.

И вмятина на кровати.

Это пугает больше всего.

Как я делаю почти каждое утро, я застелила постель, когда встала, разгладила покрывала и аккуратно разложила армию маленьких декоративных подушек, над которыми Майкл насмеялся, но которые я обожала. Мне нравится, когда кровать выглядит опрятно. Неубранная постель делает все остальное неубранным, так что я внимательно отношусь к этой привычке. Простыни заправлены, подушки разложены, покрывала идеально разглажены.

Но теперь на одной стороне кровати есть отчетливая вмятина. Это сторона, ближайшая к двери, на которой я никогда не сплю.

Сторона Майкла.

Вмятина примерно соответствует размеру и форме тела.

Я прерывисто выдыхаю и подбадриваю себя.

— Успокойся, Кайла. Ты теряешь самообладание. В этом доме нет привидений.

Раздается звонок в дверь. Взяв свою сумочку с комода, я достаю из нее сотовый телефон и смотрю на запись с камеры. Там никого нет. Переднее крыльцо пусто.

Все. С меня, блядь, хватит. Я не позволю глупой электрической неполадке свести меня с ума!

Я быстро просматриваю журнал звонков, чтобы найти номер Эдди, мастера на все руки, затем стою, тяжело дыша, пока он не берет трубку.

— Алло?

— Привет, Эдди. Это Кайла. Помнишь меня? С протекающей крышей и проблемами с электричеством?

— Конечно, я помню! Привет, Кайла! Как дела, подруга?

— Я в порядке, спасибо. Как у тебя дела?

Он смеется низким задыхающимся смехом.

— Сойдет.

Похоже, он под кайфом. Какой сюрприз.

— Это... мило. Так, ладно, я звоню тебе, потому что я бы хотела узнать номер твоего психотерапевта.

— О, конечно! Я просто, э-э... — он на мгновение замолкает, затем говорит: — На самом деле я его не помню.

— Разве его номера нет в твоём мобильном телефоне?

Похоже, он сбит с толку.

— В мобильном телефоне?

Да, совершенно обкуренный. Либо так, либо я была права насчет того, что он живет в коммуне без современных удобств. Этот номер наверняка стационарный. Я вздыхаю.

— Как насчет того, чтобы ты просто назвал мне его имя?

— О, да, да, без проблем. Его зовут Леттерман. Доктор Дэвид Леттерман.

Я хмурюсь.

— Как ведущий ток-шоу?

Еще одна растерянная пауза.

— Кто?

Так что телевизора у него тоже нет. Как бы то ни было, разговор ни к чему не ведет.

Время попроситься.

— Дэвид Леттерман. Поняла. Я позвоню ему. Он в Сиэтле?

— Нет, он прямо на углу Уинслоу и Олимпик, напротив музея искусств. То маленькое здание из красного кирпича с зеленым навесом.

Я хорошо знаю это здание, поэтому благодарю Эдди и еще раз обещаю ему, что дам его номер всем, кому может понадобиться мастер на все руки. Хотя я думаю, что ему бы больше понравилось толкать марихуану. Повесив трубку, я спускаюсь в свой кабинет и гуглю доктора на ноутбуке.

Записи нет. Эдди, наверное, был так накурен, что назвал мне неправильное имя.

Я подумываю перезвонить ему, но решаю, что это безнадежное дело. В следующий раз он, скорее всего, назвал бы мне имя своего дантиста.

Чувствуя себя побежденной, я некоторое время смотрю на экран компьютера. Я знаю, что терапевты в Сиэтле стоят дороже, чем на острове, и мне не нравится идея ездить на пароме туда и обратно в город один или два раза в неделю. Я могла бы попытаться найти кого-нибудь в Бейнбридже, но знаю, что выбор будет невелик.

Затем я рассматриваю возможность того, что доктор Леттерман — единственный психиатр на острове. Или, может быть, он вовсе не психиатр, а доктор вуду, который захочет принести в жертву курицу и прочесть по ее внутренностям, что со мной не так. Это, кажется, немного в духе Эдди.

За исключением того, что Дэвид Леттерман не звучит как имя вуду.

Я начинаю уставать от своей маленькой игры в угадайку, поэтому решаю прокатиться в центр города сегодня днем, после ухода Фионы, и заглянуть в офис Леттермана.

Можно многое сказать по офису специалиста. Если у него хорошая секретарша и кабинет не выглядит так, будто здесь недавно проводились какие-то ритуалы черной магии, я запишусь на прием. В любом случае, мне нужно забрать вещи из химчистки, а химчистка находится всего в квартале оттуда.

Надеюсь, моя одежда все еще там. Я отдавала ее перед несчастным случаем.

Острая боль вонзается в меня где-то за левым глазным яблоком, и я чертыхаюсь.

Как раз то, что мне нужно, — головная боль.

Я ложусь на диван и закрываю глаза. Я, должно быть, засыпаю, потому что, когда я снова открываю глаза, свет изменился. Тени скользят по стенам длинными серыми пальцами. Посмотрев на часы, я с удивлением обнаруживаю, что проспала больше четырех часов.

Когда я выхожу из своего кабинета, в доме тихо. Фиона ушла. Я поднимаюсь наверх и переодеваюсь в свежую рубашку, затем еду в центр города и паркуюсь на обсаженной деревьями улице перед зданием, в котором, по словам Эдди, находится офис Леттермана.

Вылезая из машины, я случайно бросаю взгляд на ресторан через дорогу.

«Портовый дом» — это ресторан морепродуктов с внутренним двориком и видом на воду, где по вечерам в пятницу играет живой джаз. Это популярное место как для туристов, так и для местных жителей. Иногда летом там даже выстраивается очередь, чтобы попасть внутрь.

Но сейчас не лето, и очереди нет. Вход в ресторан как на ладони.

И человек, входящий в парадную дверь, обняв за плечи соблазнительную брюнетку — это мужчина, которого я узнала бы где угодно, даже со спины.

Эйдан.

Я замираю. Мое сердце останавливается. Чувствуя себя так, словно меня пнули под дых, я прислоняюсь к дверце машины, чтобы не упасть. В холодном шоке пытаюсь решить, что делать, но тут уж ничего не поделаешь.

У нас с Эйданом нет серьезных отношений. Черт возьми, мы даже не говорили о том, встречается он с другими девушками или нет. Я ничего не знаю о его личной жизни.

— О боже, — говорю я вслух, ужасаясь, — Кайла, ты идиотка!

У него могло быть двадцать других женщин по сменному графику траха, и ни одного презерватива в поле зрения.

Именно так и создаются сожаления на всю жизнь.

Я быстро сажусь обратно в машину и захлопываю дверцу. Застонав, наклоняюсь вперед и кладу лоб на руль. С закрытыми глазами я тихо проклиная себя, добавляя каждые несколько мгновений приятное сочное проклятие и для Эйдана.

Не то чтобы он этого заслуживал. Не было нарушено ни одного обещания. Эта ужасная боль в моей груди — просто уязвленное эго. Или, может быть, это мое сердце, я не знаю. Что бы это ни было, это больно.

Боже, мне бы очень хотелось ударить молотком по нескольким самым нежным частям его тела.

Когда раздается резкий стук в окно, я подпрыгиваю.

Эйдан стоит, склонившись над окном со стороны водителя и вопросительно глядя на меня.

Черт.

Когда я не двигаюсь, он говорит:

— Так и знал, что это ты. Что делаешь?

К моим щекам приливает жар, я быстро говорю:

— Ничего. Сижу здесь.

После паузы он спрашивает:

— неподходящее время?

Я знаю, о чем он, и это не о моем надвигающемся срыве.

— Я одна.

— Ладно. Вернемся к другому вопросу, на который ты ответила, но не до конца. Что ты делаешь?

— Я просто... ходила по делам.

Он хмурит брови. Его взгляд становится пронзительным. Я вздыхаю, желая прямо сейчас стать невидимкой, но, к сожалению, этого не происходит.

— Вылезай из машины, Кайла.

Я кривлюсь.

— А я должна?

— Да.

Он отступает назад и скрещивает руки на груди, ожидая.

Я подумываю завести двигатель и рвануть отсюда, но решаю не делать этого. Он наверняка побежит за мной и поймают меня на следующем светофоре. Поэтому я готовлюсь к неприятному разговору и выхожу из машины.

Эйдан берет меня за руку и провожает к тротуару, а затем снова встает напротив, скрестив руки на груди. Он ничего не говорит. Он просто стоит, молча оглядывая меня.

Я говорю:

— Ладно, прекрасно. Я начну. Привет, Эйдан. Как у тебя дела?

Его глаза сужаются. Кроме этого, он никак не реагирует на мой вопрос.

По опыту я знаю, что мы могли бы стоять здесь всю ночь, прежде чем он скажет мне, что у него на уме. Если вообще когда-нибудь скажет. Поэтому я указываю на машину и говорю:

— Я хочу уехать.

— Почему ты так странно себя ведешь?

— *Я? Я* веду себя странно?

У него такое выражение лица, такой раздраженный взгляд, как будто он всерьез рассматривает возможность перекинуть меня через колено прямо здесь, на тротуаре, и отшлепать. С предупреждением в голосе он спрашивает:

— Что случилось, зайка?

Когда я слышу свое ласковое прозвище, у меня закипает кровь.

Я строго напоминаю себе, что этот мужчина не принадлежит мне, что у нас нет никаких обязательств, что вся эта горячая, невероятная сексуальная химия не создает отношений, но не могу заставить себя поверить в это.

Мне больно, я зла, и мне стыдно, что он застал меня навалившейся на руль, потому что мне больно и я зла.

Но будь я проклята, если признаю это. Может, у меня и не так много чего есть, но у меня все еще есть моя гордость.

Я поднимаю подбородок и спокойно говорю:

— Все в порядке. Я ездила по делам. Приятно тебя видеть.

Его глаза вспыхивают гневом. Эйдан говорит, понизив голос и явно сдерживая себя:

— Три гребаных вранья на одном дыхании. Попробуй еще раз, и на этот раз будь честна.

Жар полыхает на моих щеках. Я смотрю на Эйдана, осознавая, что мои руки дрожат и что мне хотелось бы обвинить их вокруг его шеи и сжать очень сильно.

Собрав всю свою волю в кулак, я спрашиваю:

— Как проходит твоё свидание, Эйдан?

Он моргает. Издаёт короткий смешок. Бросает взгляд через плечо в сторону ресторана, затем поворачивается обратно и пронзает меня таким жгучим взглядом, что я делаю шаг назад.

Его глаза сияют, когда он тихо говорит:

— О, зайка. Ты заплатишь за это позже.

Затем Эйдан берет меня за руку и ведет через улицу. Игнорируя мои протесты, он открывает дверь ресторана и ведет меня мимо стойки администратора через главный обеденный зал к столику в глубине.

К столику, за которым сидит брюнетка, с которой он вошел.

Прямо рядом со своим другом Джейком, парнем из охранной компании.

Я мгновенно понимаю, что моя склонность предполагать худшее в человеческой природе только что извернулась, чтобы укусить меня за задницу.

Остановившись у столика, Эйдан жестом указывает на брюнетку.

— Деб, это Кайла. Кайла, поздоровайся с Деб, — он бросает на меня

многозначительный взгляд. — Это жена Джейка.

С пылающим лицом я говорю:

— Конечно, она его жена. Привет, Деб. Приятно с тобой познакомиться.

Мое лицо вспыхивает еще сильнее, когда Деб подпрыгивает на стуле и хлопает в ладоши от возбуждения.

— Кайла! Мы так много о тебе слышали! Так здорово с тобой познакомиться! Присоединяйся к нам, пожалуйста!

— О, нет. Я не хочу прерывать ваш ужин.

— Не глупи. Ты совсем не мешаешь. Мне не терпится узнать тебя получше.

Эйдан держит мое предплечье своей большой рукой, пока унижение окрашивает все мое лицо в красный цвет. Джейк улыбается мне.

— Привет, Кайла.

— Джейк.

— Как дела с системой безопасности?

— Отлично, спасибо.

— Приятно слышать, — он бросает взгляд на Эйдана. — Ты сядешь, или твой мужчина перекинет тебя через плечо и уйдет в лес?

— На самом деле этого никто не знает.

Эйдан сажает меня на стул. Сам берет тот, что рядом со мной. Затем он ставит локти на столешницу и пристально смотрит на мой профиль с напряженностью следователя ФБР.

— Эйдан? — смущенно спрашивает Деб. — Все в порядке?

Он не отвечает, но напряжение в его теле говорит о многом.

Глядя на Деб, я смущенно отвечаю:

— Он злится на меня.

Явно удивленная, она переводит взгляд с меня на него и обратно.

— Почему? Он буквально только что рассказывал нам, какая ты потрясающая, прежде чем вышел на улицу, чтобы ответить на звонок!

Все лучше и лучше. Мне хочется сползти под стол от стыда, но удается натянуто улыбнуться и ответить ей.

— Я сделала кое-что, чего он не оценил.

Они с Джейком удивленно переглядываются, затем снова смотрят на меня, приподняв брови.

Я чувствую себя дурой мирового класса.

С трудом прочистив горло, я признаюсь:

— Я увидела, как он входит сюда, обнимая тебя за плечи, и предположила, что вы вместе.

Она смеется.

— Мы? О, милая, я знаю этого парня со средней школы. Он мне как брат.

Джейк кладет руку на спинку ее стула и посылает жене ленивую улыбку.

— Меня ты тоже знаешь со средней школы. Ты чувствуешь, что я твой брат?

Улыбаясь, она легонько шлепает его по бедру.

— О, помолчи. Ты знаешь, о чем я говорю.

Они обмениваются нежным поцелуем, в то время как Эйдан продолжает прожигать дырки в моей щеке. Затем он наклоняется и шепчет мне на ухо:

— Ты ревновала.

Я поворачиваю голову. Невозможно не увидеть блеск тепла в его глазах. Этот блеск находится там рядом с разочарованием. Когда я прикусываю внутреннюю сторону щеки, он хихикает и отстраняется.

Смешок вселяет в меня надежду, что мое наказание за нарушение обещания никогда не лгать ему не будет слишком суровым.

Появляется официантка с подносом воды, затем спрашивает, не хотим ли мы выпить или перекусить перед ужином.

Деб говорит:

— Боже, да. Принесите мне разбавленный скотч, пожалуйста. Поменьше воды.

Я уже могу сказать, что мы поладим с этой женщиной.

Я прошу бокал вина, а Джейк и Эйдан заказывают пиво. Когда официантка уходит за нашими напитками, Деб наклоняется над столом, нетерпеливо улыбаясь мне.

— Итак, Кайла. Я так понимаю, ты художник.

— Вообще-то, иллюстратор.

Она морщит лоб.

— Это не одно и то же?

— Я коммерческий художник. В отличие от классического художника.

— Это значит, что ты зарабатываешь деньги, — говорит Джейк со смешком.

— Не так уж много, — уныло отвечаю я. — Но это позволяет оплачивать счета.

— Я так завидую. Во мне нет творческой жилки, — говорит Деб.

Джейк фыркает.

— Не могу согласиться с тобой. Ты придумываешь несколько довольно креативных историй каждый месяц, когда приходит счет по кредитной карте, и тебе приходится долго объяснять, почему ты так много потратила на Amazon.

Она пренебрежительно машет рукой в его сторону.

— Я снова скажу, дорогой: все, что я покупаю, абсолютно необходимо.

— Объясни мне, почему тебе так необходимы шесть пар одинаковых черных леггинсов.

Она возмущенно поворачивается к нему.

— Ты бы предпочел, чтобы я пошла на занятия пилатесом голой?

Он улыбается ей.

— Я бы предпочел, чтобы ты все делала голой.

Она поворачивается ко мне с поджатыми губами.

— Десять лет брака, а он все еще Заяц-Энерджайзер.

Я изо всех стараюсь не подавиться водой, которую только что отпила. Под столом Эйдан сжимает мое бедро. Не оборачиваясь в его сторону, я знаю, что он ухмыляется.

Официантка возвращается с нашими напитками и принимает у всех заказы на еду. Когда она уходит, Джейк, Деб и я болтаем ни о чем конкретном, пока Эйдан молча наблюдает за нами. Его рука все еще лежит на моем бедре — теплое напоминание о том, что мне придется немного поумолять, когда мы вернемся к этой теме. А после, когда я останусь одна, придется серьезно обо всем подумать.

Я сказала Эйдану, что все, чего я хочу, — это узнать его получше. Провести с ним время и посмотреть, к чему это приведет. Это была правда, но была ли это *вся* правда?

Действительно ли я хочу чего-то большего?

Если быть честной сама с собой... да.

Мысль об этом пугает меня. Я не понимаю, почему я готова с головой окунуться в

отношения так скоро после смерти Майкла. Что это говорит о том, какой я человек?

Что это говорит о моем браке?

Это вопросы, ответы на которые я не хочу знать. Но ради нас с Эйданом эти вопросы нужно задать.

— Ты так не думаешь, Кайла?

Я вдруг понимаю, что все ждут, когда я отвечу на вопрос, заданный Деб. Но я была так погружена в свои собственные мысли, что не знаю, о чем меня спросили. Я оглядываю стол, мои щеки горят.

— Прости, что ты спросила?

Деб колеблется. Она опускает взгляд на мою левую руку, лежащую на скатерти. В этот момент я понимаю, что одержимо кручу большим пальцем обручальное кольцо. Я опускаю руку под стол и нервно сглатываю, надеясь, что Эйдан не заметил этого, но знаю, что он, вероятно, все видел.

И почему, черт возьми, я все еще ношу эту чертову штуку? За что я держусь?

Еще больше вопросов без ответов.

Деб мягко отвечает:

— Я просто говорила, что нам, девочкам, нужно держаться вместе.

Очевидно, что это не то, что она имела в виду. Она добра. Вероятно, она дает мне понять, что я неудачница, но она сочувствует мне.

Джейк, с другой стороны, смотрит на меня стальным взглядом. Он не дает мне никаких поблажек. Он поворачивается к Эйдану и спрашивает его, как продвигается строительство дома, — очевидная уловка, чтобы перевести разговор в другое русло.

Они говорят о проекте, пока я сижу и слушаю их, неловко отмалчиваясь и время от времени натянуто улыбаясь в ответ на обеспокоенный взгляд Деб.

Это катастрофа. Я — катастрофа. Я не могу выдержать даже десятиминутный разговор с другими людьми, не выставив себя душой. Я, вероятно, смутила беднягу Эйдана всеми возможными способами. Сначала предположив, что жена его лучшего друга — его секс-подружка, затем поигрывая своим обручальным кольцом и расстраиваясь из-за своего мужа.

Я не должна находиться здесь.

В момент, когда эта мысль приходит мне в голову, Эйдан кладет руку мне на плечи и сжимает.

Переполненная эмоциями, я сглатываю и смотрю вниз, быстро моргая, чтобы смахнуть слезы.

Деб говорит:

— Мне нужно в дамскую комнату. Кайла, хочешь присоединиться ко мне?

Эта женщина — святая.

Я благодарно киваю, затем встаю и следую за ней, чувствуя взгляд Эйдана на спине.

Как только мы оказываемся в дамской комнате и дверь за нами закрывается, я прислоняюсь к раковине, закрываю лицо руками и тяжело выдыхаю.

Деб кладет руку мне на плечо.

— Не кори себя из-за этого. Он понимает.

Я опускаю руки и беспомощно смотрю на нее.

— Понимает что? Что я идиотка?

Карие глаза Деб такие же добрые, как и все остальное в ней. Она нежно улыбается мне и говорит:

— О, милая. Эйдан тоже прошел через ад. Он знает, что единственный способ пройти через это — продолжать идти, пока не достигнешь другой стороны. Ты доберешься туда. Просто не останавливайся.

Деб поворачивается и запирается в кабинке. Я стою, уставившись на закрытую дверь, пока не раздастся звук сливающейся воды, и Деб не появляется снова. Пока Деб моет руки, я говорю:

— Он рассказал тебе все обо мне.

Она достает бумажное полотенце из дозатора на раковине. Вытирая руки, она кивает.

— Не часто Эйдану кто-то нравится, так что тебе придется простить меня за то, что я разволновалась. Мы уже много лет не ходили с ним на двойное свидание.

Она выбрасывает скомканную бумагу в мусорное ведро, затем проходит мимо меня и открывает дверь.

— Давай, подружка. Если мы задержимся, они начнут беспокоиться и пойдут искать нас. И поверь мне, когда я говорю тебе, что нам это не нужно.

— Не нужно, чтобы они беспокоились или начали искать нас?

Она смеется.

— И то, и другое.

Я улыбаюсь, думая, что на самом деле мне очень нравится, когда Эйдан приходит искать меня. Прятки, благодаря ему — моя новая любимая игра.

Когда мы подходим к столу, Эйдан и Джейк резко прекращают разговор. Судя по языку их телодвижений и напряжению в воздухе, мы прервали спор. Мы с Деб занимаем свои места, затем наступает долгое, неловкое молчание, когда никто ничего не говорит и не смотрит друг на друга.

Когда Джейк хмуро смотрит на мою левую руку, у меня возникает чувство, что я знаю, из-за чего был спор.

Он агрессивно говорит:

— Могу я задать тебе вопрос, Кайла?

Эйдан посылает Джейку яростный взгляд и предупреждает:

— Оставь ее в покое.

— Нет, все в порядке, — говорю я. — Давай.

Он кладет предплечья на стол и указывает на Эйдана.

— Этот человек не заслуживает дерьма.

— *Джейк*, — говорит Эйдан сквозь стиснутые зубы.

— Я согласна, он не заслуживает, — говорю я. — Какой у тебя вопрос?

— Что ты делаешь?

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что ты делаешь с ним, — он делает паузу, чтобы направить пристальный взгляд на мой безымянный палец, — когда ты явно связана с другим мужчиной?

Взбешенный, Эйдан поворачивается ко мне.

— Не отвечай на это, — он поворачивается обратно к Джейку. — Ты, блядь, переходишь черту.

— Он просто беспокоится о тебе, — мягко говорю я.

— За меня не нужно беспокоиться.

Пока Эйдан и Джейк пристально смотрят друг на друга, Деб кладет руку на предплечье

Джейка и мягко говорит:

— Милый. Оставь это.

Джейк огрызается:

— Да уж конечно! Он мой лучший друг. Я слишком долго наблюдал, как жизнь обливает его дерьмом, избивает и пинает ногами. И вот, наконец-то после стольких лет дерьма все более или менее хорошо, — он отворачивается от Деб и пронзает меня холодным взглядом. — А потом появилась ты.

Он опускает взгляд на мой палец и обвиняюще смотрит на мое обручальное кольцо.

Эйдан шипит:

— Ради всего святого!

Дублируя жест Деб, я кладу руку на напряженное предплечье Эйдана. Мое сердце колотится, я смотрю в сердитые глаза Джейка и тихо говорю:

— Ты спросил, что я делаю. Вот тебе ответ. Я делаю все, что в моих силах, как и все остальные. Недавно я пережила огромный переходный период. Я еще не смирилась с этим. Я не знаю, сколько времени потребуется, чтобы прийти в себя. Но в то же время я живу своей жизнью и пытаюсь разобраться в ней. Я решаю все по мере поступления, просто пытаюсь разобраться во всей этой путанице. Но я ни с кем не связана. Больше нет.

Я поворачиваюсь к Эйдану и собираюсь с духом.

— И сегодняшний день кое-что доказал мне. Видеть тебя обнимающим Деб, думать, что ты с ней... — я сглатываю комок в горле. — Я не хочу, чтобы был кто-то еще. Для любого из нас. Я увязла гораздо глубже, чем думала, и, честно говоря, это пугает меня до чертиков.

Эмоции, отражающиеся в глазах Эйдана, ошеломляют.

Деб и Джейк исчезают. Ресторан исчезает. Все вокруг нас погружается в черноту. Есть только я и Эйдан, сидящие рядом друг с другом, глядящие на обнаженные души друг друга.

Он хрипло говорит:

— И я тоже. Все это. И меня тоже.

— Я знаю, — шепчу я, слезы наполняют мои глаза.

Он берет мое лицо в свои руки.

— Но тебе не нужно бояться. Ты можешь рассчитывать на меня. Всегда.

Он разрывает меня на части и снова склеивает, и все это поцелуем.

Джейк стонет.

— Ну, твою-то мать. Теперь я выгляжу как мудака.

Деб говорит:

— Ты компенсируешь это, заплатив за ужин. А вот и официантка с закусками! Идеальное время. Давайте поедим, ребята.

Когда Эйдан отстраняется от меня, я мельком замечаю знакомую фигуру в большом прямоугольном зеркале на стене за нашим столом. Высокий худощавый мужчина в сером плаще и шляпе, низко сидящей на глазах, стоит у входной двери ресторана. Хотя я не вижу его глаз, я чувствую, что он смотрит в мою сторону.

Когда я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на него, он уже ушел.

— Кайла? Ты в порядке?

Эйдан оглядывается через плечо, прослеживая за моим взглядом. Я быстро поворачиваюсь обратно к столу и заставляю себя улыбнуться.

— Мне просто показалось, что я увидела кого-то знакомого.

Это не ложь. И это вовсе не значит, что я намерена все-таки признать, что кто-то, кого я, как мне казалось, знала, может оказаться призраком. Так что я просто сохраню на лице глупую улыбку, пока мое сердцебиение не придет в норму и разум не перестанет вопить.

Призраков не существует. Призраков не существует. Призраков не существует.

Господи боже, пожалуйста, пусть призраков не существует.

Мы приступаем к нашим закускам. Мы ведем светскую беседу. Заказываем первые блюда и едим. Я почти ничего не помню из остального ужина, потому что мой мозг занят попытками разгадать загадку о том, кто такой человек в плаще, если он не призрак из другого измерения, который преследует меня по всему городу.

Мне правда нужно сходить к этому психиатру.

Когда мы заканчиваем есть и прощаемся с Деб и Джейком, Эйдан выводит меня из ресторана, положив руку мне на плечо. Пока он ведет меня к своему грузовику, припаркованному на стоянке снаружи, я говорю:

— Я так понимаю, что сегодня вечером я не пойду домой.

— Тебе повезет, если я вообще когда-нибудь отпущу тебя домой.

О боже. Похоже, у меня большие неприятности. Я думаю, тот поцелуй за столом не исправит того, что произошло ранее. Я нервно говорю:

— Я оставила свою сумочку в машине.

Он бросает на меня напряженный взгляд, его энергия потрескивает в воздухе.

— Забудь о сумочке. У тебя есть более важные вещи, о которых нужно беспокоиться.

Я уверена, что Эйдан услышал мой вздох.

Поездка до его квартиры проходит в напряжении и тишине. Я снова и снова открываю рот, чтобы что-то сказать, но закрываю его, не находя слов. К тому времени, как мы добираемся до его дома, уже темно, и начинается дождь.

Эйдан паркуется, глушит двигатель и поворачивается ко мне, сверкая глазами.

Он ничего не говорит, поэтому я начинаю первой.

— Прости, я не была честна, когда ты спросил меня, что случилось. — Он ждет большего, его молчание обжигает. — Я должна была сказать тебе правду, но... Мне было больно. И я злилась. И почувствовала себя дурой.

— Ты обещала, что не будешь мне лгать.

Я шепчу:

— Я знаю. Мне очень жаль.

— Я верю. Но что произойдет в следующий раз? Что произойдет, если я задам вопрос, на который ты не хочешь отвечать? Ты собираешься снова мне солгать?

Не доверяя своему голосу — слишком много нахлынувших эмоций, — я качаю головой.

— Нет, хорошенько подумай об этом, прежде чем отвечать. Ты чувствуешь, что не можешь мне доверять?

Я смотрю через лобовое стекло на морось и глотаю слезы.

— Это себе я не могу доверять. У меня в голове полный пиздец. Я не знаю, что со мной не так. Все, что я знаю, это то, что я хочу тебя. Я хочу тебя больше всего на свете, и я не понимаю, как это могло произойти так быстро.

Эйдан тянется через сиденье и берет меня за руку. Крепко сжимая ее, он бормочет:

— То же самое... И я так же напуган, как и ты, зайка, но я не позволю этому помешать мне наслаждаться каждой гребаной секундой. Ты — лучшее, что когда-либо случилось со мной.

О боже. Он убивает меня. Я вот-вот умру прямо тут, на переднем сиденье этого грузовика.

Я закрываю лицо руками. Он притягивает меня через сиденье в свои объятия. Потом мы сидим в тишине, нарушаемой только стуком дождя по крыше.

Спустя долгое время он говорит хриплым голосом:

— Ты готова принять свое наказание?

Дрожь пробегает по мне. Я шепчу:

— Да, сэр.

Он целует меня в висок, затем шепчет рядом с моим ухом:

— Хорошая девочка.

То, что происходит внутри моего тела, когда я слышу эти слова, не может быть нормальным. Покальвание, дрожь, бабочки в животе, фейерверки. Но все это резко прекращается, когда Эйдан отпускает меня и снова заводит машину.

Сбитая с толку, я спрашиваю:

— Что ты делаешь?

Он не отвечает, просто выезжает со стоянки на улицу.

— Эйдан?

— Я отвезу тебя обратно к твоей машине.

— Что? Почему?

— Ты едешь домой.

— Я не понимаю. Почему я еду домой?

Когда он просто продолжает молча ехать под дождем, я с несчастным видом говорю:

— Потому что это мое наказание.

Уставившись в лобовое стекло, Эйдан говорит:

— Я говорил тебе, что дам тебе то, что тебе нужно, и что это может оказаться не тем, чего ты хочешь. Прямо сейчас тебе нужно пространство.

Мое сердце подскакивает к горлу, я шепчу:

— Мне нужен ты.

Морщась, будто от боли, он качает головой.

— Меньше всего я хочу, чтобы ты оглядывалась назад и думала, что мы поторопились. Я не хочу, чтобы ты сожалела. Только не о нас. Так что мы замедлимся и пойдем вперед маленькими шажками.

— Я думаю, что уже слишком поздно для маленьких шажков.

Эйдан смотрит на меня. Даже в полумраке машины его взгляд обжигает, как огонь. Когда он снова поворачивается, чтобы посмотреть на дорогу, и все это тепло уходит вместе со взглядом, мне становится жутко холодно. К тому времени, как мы возвращаемся к ресторану, и он паркуется на улице за моей машиной, у меня стучат зубы.

Не выключая двигатель, Эйдан протягивает руку и гладит меня по волосам, затем

сжимает мой затылок.

— Говори, — мягко позволяет он.

— Почему у меня такое чувство, что я никогда больше тебя не увижу?

— Потому что ты королева драмы. А теперь убирай свою сладкую задницу из моего грузовика, зайка. Позвони мне, когда у тебя будет ясность.

— Ясность? — Эмоции делают мой голос высоким и напряженным. — Что это вообще значит?

Он наклоняется, берет мое лицо в ладони и смотрит прямо мне в глаза.

— Когда ты будешь готова снять это обручальное кольцо, у тебя появится ясность. А до тех пор мое присутствие будет только мутить воду.

Эйдан крепко, не разжимая губ, целует меня, а когда отстраняется, забирает мое сердце с собой.

— Теперь иди, — хрипло командует он, глядя сквозь лобовое стекло на дождь. — Когда ты будешь готова, ты знаешь, где меня найти.

Я пытаюсь бороться со слезами. Мое лицо горит, а сердце колотится, когда я говорю:

— Я не хочу оставлять это так.

— Я знаю.

— Я думаю, мы можем решить это по-другому.

— Возможно.

— Эйдан, пожалуйста!

— Вылезай из машины, Кайла.

Моя нижняя губа дрожит, как у ребенка. Крик боли застрял у меня в груди, не давая дышать. Я гляжу на профиль Эйдана, но он отказывается смотреть на меня. Он просто вперил взгляд в дождь, одной рукой сжимая руль так, что побелели костяшки пальцев, и на его челюсти дергается мускул.

Мне требуется вся сила воли, чтобы взяться за дверную ручку. Что я действительно хочу сделать, так это броситься к нему и крепко обнять, но я знаю, что это ни к чему не приведет.

Однажды приняв решение, Эйдан его не изменит.

Я открываю дверь, вылезая и стою на тротуаре под дождем, уставившись на него.

Он опускает голову и тяжело выдыхает. Не глядя на меня, он хрипло шепчет:

— Черт возьми, зайка. Просто, блядь, сделай это.

Я закрываю дверь. Она глухо лязгает. Грузовик трогается с места, отъезжает от тротуара, и, набирает скорость, пока не сворачивает за угол и не исчезает из виду.

Я поднимаю лицо к небу, закрываю глаза и позволяю дождю скользить по моим щекам, смешиваясь со слезами.

~

Я совсем не сплю в эту ночь. Лежу в постели без сна, уставившись на тени, играющие на потолке, и слушаю, как дождь барабанит по оконным стеклам. Моя голова полна мыслями об Эйдане, а сердце ноет от его потери.

Я могла бы позвонить ему, но знаю, что он не ответит. Я могла бы пойти к нему домой и постучать в дверь, но знаю, что он не откроет. Я могла бы написать ему письмо, просить и умолять, но я знаю, что все, что я получу в ответ, — это молчание.

Он делает это для меня — для нас — но, черт возьми, как же это больно.

Самое сильное лекарство всегда самое горькое на вкус.

Утром я вытаскиваю себя из постели и заставляю себя работать. Часы проходят так

медленно, что кажутся годами. К трем часам я в таком состоянии, что бросаю работу на весь день и направляюсь в здание, где находится офис доктора Леттермана. Я полна решимости записаться на прием.

На полпути я замечаю вывеску «экстрасенс». Повинуясь импульсу, я съезжаю на обочину и останавливаюсь.

«Предсказания Судьбы!»⁹ гласит неоновая-розовая вывеска. Свет льется из окна очаровательного желтого коттеджа с белой отделкой. Под вывеской приклеен грубый рисунок хрустального шара, плавающего между двумя руками. Внизу, написанные через трафарет, видны слова: «Только сегодня специальное предложение — 10 долларов!»

Хотя я подозреваю, что плакат висит на витрине каждый день, я решаю, что десять баксов — небольшая цена за то, чтобы женщина по имени Дестини предсказала мне судьбу.

Наверняка это будет забавная история.

Поднимаясь по каменной дорожке к входной двери, я слышу звуки ветра и вдыхаю сладкий аромат горящих благовоний. Чувствуя себя немного глупо, я звоню в звонок. Через мгновение дверь открывают, и за ней появляется невысокая пожилая женщина с глубокими морщинами на лице, одетая в фиолетовый спортивный костюм и фиолетовые кожаные кроссовки Air Jordan¹⁰.

— Привет, — говорю я, нервно улыбаясь. — Я просто проходила мимо и подумала, что хочу узнать свою судьбу.

Посмотрев налево, затем направо, женщина закрывает дверь у меня перед носом.

Восприняв это как знак Вселенной, говорящий, что мне следует отказаться от своей нелепой миссии, я поворачиваюсь и собираюсь уходить. Но дверь снова открывается, и женский голос окликает:

— Привет! Приве-е-ет!

Я поворачиваюсь и вижу более молодую версию первой женщины, стоящую в дверном проеме. Она тоже невысокая, но волосы, уложенные на макушке в сложную косу — черные, и вместо фиолетового спортивного костюма на ней броское бирюзово-золотистое платье.

На шее у нее нитки разноцветных пластиковых бус с праздника Марди Гра. Золотые браслеты украшают обе руки от запястий до локтей. У нее ярко-красная помада, а лак на длинных акриловых ногтях сверкает серебром. По всей прическе — россыпи страза, которые выглядят как украшения для рождественской елки.

Мне требуется значительное самообладание, чтобы сохранять невозмутимое выражение лица.

Она машет мне пальцами и улыбается. С тягучим южным акцентом, который мне кажется явно фальшивым, она говорит:

— Заходи, сладкая.

— Ты свободна? Другая леди показала мне не очень приветливой.

— Не беспокойся о маме. — Женщина машет рукой, так что ее массивные кольца играют на свету. — Слепа, как летучая мышь, и безумнее мокрой курицы. Я пытаюсь добраться до двери раньше нее, но женщина проворна, как коза. Входи, входи!

Это, должно быть, рекордное количество сравнений с животными, но я решаю, что ее энтузиазм компенсирует то, что до этого дверь захлопнулась у меня перед носом, и принимаю приглашение.

Слегка запыхавшись, женщина закрывает за мной дверь, затем толкает меня в гостиную рядом с коридором. Возбуждение сочится из каждой ее поры.

У меня такое чувство, что во вторник днем у нее не так уж много клиентов.

Или, в любой другой день.

— Садись, милая, — инструктирует она, указывая на маленький круглый столик, задрапированный черным бархатом, по бокам которого стоят два золотисто-бордовых бархатных кресла. На столе — колода карт и хрустальный шар на низком серебряном пьедестале.

Комната оформлена, как я полагаю, в стандартном стиле гадалки. Красный шарф накинут на абажур торшера с бахромой. В высоком стеклянном шкафу представлена впечатляющая коллекция кристаллов. На окне — пара шелковых занавесок из пыльно-золотой парчи с кисточками. Они придают помещению некое подобие шика, как и коврики на деревянном полу, местами потертые, но все еще элегантные.

Стены украшают несколько непонятных астрологических карт в рамках, а также цитата Генри Дэвида Торо: *«Важно не то, на что вы смотрите, а то, что вы видите»*.

Рядом с цитатой Торо висит смутно неприятный портрет Иисуса с вскрытой грудной клеткой, обнажающей его окровавленное, покрытое шипами сердце. Его глаза умоляюще обращены к небу.

Я сижу за столом, вдыхая пьянящий аромат пачули и оглядываясь вокруг в поисках каких-либо признаков моего здравомыслия.

Боже мой, о чем я только думала?

Моя хозяйка не дает мне времени заикливаться на сожалении. Она плюхается напротив меня и объявляет:

— Я — Дестини, сладкая. И мне очень приятно познакомиться с тобой. А теперь, скажи мне, почему ты здесь.

Она выжидающе смотрит на меня, пока я пытаюсь сформулировать ответ, который не будет звучать безумно.

— Я бы хотела узнать судьбу, я полагаю?

Она морщит нос.

— О, милая, тебе не обязательно рисовать картинки на стене для меня. Я знаю, что ты здесь для гадания! Мой вопрос в том, зачем тебе это нужно? Расскажи мне, что происходит в твоей жизни.

— Разве это не должно быть твоей работой — рассказывать мне, что происходит?

— Да, да, но мне нужен вопрос для Таро, — она указывает на колоду карт на столе между нами. — Видишь ли, ты должна подходить к гаданию с намерением. Ты не можешь просто бездумно начать тянуть карты. В гадании есть определенная цель. Мы должны сделать это как следует.

Я чувствую осуждение в ее тоне, поэтому отвечаю, как я надеюсь, с должным уважением.

— Конечно. Хм. Ну, я думаю, мой вопрос был бы таким... Что я должна делать?

Дестини обвиняюще хлопает своими накладными ресницами, глядя на меня.

— Пока я очищаю карты, ты можешь подумать о том, как спросить что-то по-настоящему полезное.

Она продолжает проводить сложный ритуал «очищения» карт. Сначала она дует на колоду, затем устанавливает поверх нее различные кристаллы, бормоча неразборчивые слова. Закончив, она тасует колоду, трижды постукивает нижним краем по столешнице, чтобы выровнять ее, затем театральным жестом кладет колоду передо мной.

Она подходит к окну и задергивает шторы, погружая комнату в мрачный полумрак.

— Придумала вопрос, сладкая?

— Да.

— Спроси у Таро.

Я настороженно рассматриваю колоду огромных карт, ожидая увидеть глазное яблоко, уставившееся на меня из-за свитков и извивающихся виноградных лоз, изображенных на обороте.

— Как мне оставить своего мужа в прошлом?

Дестини снова садится на свое место, кивая.

— Хорошо. Раздели колоду пополам, затем сложи ее обратно и разложи карты веером по полукругу.

Теперь ее голос приглушен. Ее уровень возбуждения, похоже, повысился. Даже в полумраке я вижу капли пота на ее верхней губе.

Когда я выполняю инструкции, Дестини говорит:

— Теперь выбери три карты и положи их перед собой слева направо, переворачивая их так, как они лежат в колоде. Не переворачивай их вверх ногами, пока ты это делаешь.

Мне нужна секунда, чтобы обдумать это, потому что мой мозг превращается в спагетти. Но мне удастся выполнить задание к ее удовлетворению.

По крайней мере, я думаю, что Дестини удовлетворена. Или у нее случился сердечный приступ.

Ее единственная видимая реакция — расширенные глаза, но во взгляде есть что-то пугающее. То, как она превратилась из оживленной женщины в застывшую статую всего за несколько секунд, нервирует.

Проследив за ее взглядом, я опускаю взгляд на карты, которые вытащила.

На той, что слева, изображен человек, лежащий на земле с кучей мечей, торчащих из его спины. На той, что посередине, изображена обнаженная пара, держащаяся за руки под деревом, но карта обращена к Дестини, а не ко мне.

Та, что справа, самая странная. Это перевернутый скелет в доспехах, верхом на лошади, с косой в костлявой руке. Боже, это на самом деле охренеть как странно и совсем не помогает моему хрупкому душевному состоянию.

Я поднимаю глаза на Дестини.

— И что? Что это значит?

Ее голос приглушен, когда она говорит:

— У тебя есть две карты старших арканов, что само по себе важно, — она указывает на страшный скелет и обнаженную пару. — Старшие арканы представляют собой кармические влияния и то, что происходит на пути души к просветлению. Это важные уроки, которые ты призвана усвоить. Но когда карты перевернуты, это означает, что ты уделяешь недостаточно внимания этим урокам. И здесь оба старших аркана перевернуты. Это очень сложный расклад.

Мне уже не нравится, как это звучит.

— Сложный в плохом смысле?

Игнорируя мой вопрос, Дестини указывает на карту с мужчиной и мечами у него в спине.

— Карта слева от тебя — это твое прошлое. Это Десятка Мечей. Мечи несут в себе мощную мужскую энергию, которая воздействует на разум. Когда карта лежит в раскладе

прямо, это указывает на кризис, потерю, глубокие раны, болезненный конец...

Она поднимает на меня взгляд.

— Предательство.

Мой затылок покрывается мурашками.

Она указывает на обнаженную пару.

— Карта посередине — это твое настоящее. Тебе выпали Влюбленные, которые обычно представляют баланс сил, взаимодополняющие энергии, доверие в отношениях, гармонию и силу. Но здесь карта перевернута, что указывает на дисгармонию и дисбаланс. Что бы ни происходило в твоей личной жизни, это причиняет тебе сильную боль.

Замечательно. Просто охренеть как замечательно. Даже дурацкие карты не дают мне передышки.

Дестини указывает на карту справа от меня, скелет в доспехах на коне.

— Эта карта представляет твое будущее.

Когда она больше ничего не говорит, я нетерпеливо подталкиваю:

— И? Что это означает?

Она отвечает просто:

— Смерть.

Мы смотрим друг на друга через стол, пока часы на стене тикают, и мое сердцебиение сбивается с ритма.

Отчаянно нуждаясь в какой-то крупице позитивных новостей, я протестую:

— Но карта перевернута. Разве это не означало бы жизнь или что-то в этом роде? Когда карта перевернута, разве это не означает обратное?

Она качает головой, отчего украшения в ее волосах дрожат.

— Смерть — это очень неправильно истолкованная карта. Дело не только в том, что жизнь заканчивается. Речь идет о новых начинаниях, трансформации и переменах. Метаморфоза из одного состояния в другое. Когда карта Смерти перевернута, это означает, что ты сопротивляешься переменам. В твоей жизни произошел серьезный переворот, но ты не отпускаешь прошлое. И чем дольше ты отказываешься отпускать, тем более болезненной будет твоя ситуация. Ты должна избавиться от старого багажа, прежде чем он придавит тебя к земле навсегда.

Избавить себя от багажа? Типа сделать экстрасенсорную клизму?

Сбитая с толку, я откидываюсь на спинку стула и выдыхаю.

— Иногда полезно взять следующую карту, чтобы лучше понять, от чего, по мнению карты Смерти, ты должна отказаться, — мягко говорит Дестини.

Я смотрю на разложенную веером колоду карт и думаю, что скорее отрублю себе палец тупым ножом, чем услышу более удручающие новости.

— Давай же, — настаивает она. — Это будет полезно.

Я фыркаю.

— Так же полезно, как дырка в зубе?

— Выбери одну, сладкая.

Вот дерьмо. Ладно, может, хотя бы это будет что-то, стоящее десяти баксов.

Поколебавшись, я провожу рукой над колодой, пытаюсь получить от нее какой-нибудь кармический сигнал. Когда ничего не происходит, я просто выбираю карту, которая вылезла из колоды чуть больше остальных, и кладу ее лицевой стороной вверх на стол справа от карты Смерти.

— А. Маг.

Дестини кажется довольной, и мне становится лучше.

— Это хорошо?

Она пожимает плечами.

— Ну, это еще одна карта старших аркан, и она перевернута, так что это сложно.

— Ну конечно.

Игнорируя мой пораженческий настрой, она говорит:

— Но в целом это означает, что тебе нужно избавиться от своих иллюзий.

Я хмурю брови.

— Иллюзий по поводу чего?

Дестини встречает мой пристальный взгляд. В ее глазах есть что-то очень печальное.

— Только ты можешь ответить на этот вопрос, сладкая. Ты спросила Таро, как тебе оставить в прошлом мужа. Мой тебе совет, основанный на этом раскладе, — внимательно посмотри на то, за что именно ты держишься. — Она постукивает ногтем по Десятке Мечей. — Здесь налицо предательство. Может быть, все дело в этом.

Я качаю головой.

— Нет. Это не имеет смысла. Майкл никогда не предавал меня.

— Ты уверена?

В моей голове всплывает воспоминание о том времени, когда женщина на праздничной вечеринке Майкла назвала его придурком. Шарон, или Карен, или как там ее звали, та самая женщина, которая стояла позади меня на его похоронах и плакала.

Я отбрасываю воспоминание и твердо говорю:

— Я уверена. Дело должно быть в чем-то другом.

Дестини смотрит на меня так, как будто знает все мои секреты, и они буквально рвутся наружу.

— Хорошо, сладкая. Тебе виднее. Просто посиди и подумай об этом, когда уйдешь. Обдумай. А пока я буду молиться за тебя.

Какого черта люди продолжают говорить мне, что будут молиться за меня? Фиона сказала то же самое, черт возьми!

Раздраженная, я встаю и одновременно понимаю, что оставила свою сумочку в машине.

— Извини, но мне нужно сбежать к своей машине, чтобы взять деньги.

Дестини тоже встает, складывает руки на талии и улыбается мне.

— О, это бесплатно, сладкая. Расклад за мой счет.

А теперь я получаю скидку из жалости, такую же, какую дал мне Эдди, мастер по дому. Должно быть, все гораздо хуже, чем я думаю, если мое лицо внушает такие чувства.

— Спасибо. Это очень мило с твоей стороны.

Я отступаю, горя желанием поскорее убраться из этого дома. Дестини не предлагает проводить меня до двери, она просто стоит, грустно улыбаясь, заставляя меня чувствовать себя хуже, чем когда я вошла.

Когда я закрываю за собой входную дверь, она кричит:

— Счастливого пути, сладкая!

Поразительно, но эти слова кажутся мне самым зловещим из всего, сказанного ей ранее.

Дорогой Данте,

Я надеюсь, что это письмо застанет тебя в добром здравии. Я сама не очень здорова. Вообще-то, я думаю, что уже перешагнула стадию «нездоровая» и очутилась прямиком в Спятилтауне, США, где в настоящее время баллотируюсь на пост мэра.

Ты когда-нибудь чувствовал, что жизнь выходит из-под твоего контроля? Как будто невидимые силы дергают за ниточки, а ты — просто беспомощно таницующая марионетка, которую тянут то в одну, то в другую сторону?

Вот что я чувствую. Беспомощность. Я потерялась посреди шторма.

А еще я чувствую себя жалкой, потому что единственный человек, с которым я могу поговорить о своих проблемах, — это тот, кого я даже никогда не встречала. Который сейчас сидит в тюрьме по неизвестным мне причинам. Который, насколько я знаю, может быть серийным убийцей (Я не искала информацию. Я просто отмечаю факты).

Хотя, наверное, так даже лучше. Я сомневаюсь, что смогла бы рассказать кому-то из своих знакомых, что гадалка по имени Дестини сказала мне, что у меня есть этакий экстрасенсорный багаж, что моя экономка пытается убедить меня, что меня преследуют призраки, и что я серьезно рассматриваю идею проведения спиритического сеанса, потому что ничто «нормальное» больше не имеет смысла. Нормальность вылетела в окно, когда умер мой муж.

А еще... я влюбляюсь.

Такое случалось со мной всего один раз, так что я не большой эксперт в этом вопросе. Все, что я знаю, это то, что я чувствую себя невероятно, когда я с ним, и дерьмово, когда его нет рядом. Мне нравится заставляя его улыбаться, и я ненавижу заставляя его грустить. И в последнем, к сожалению, я, как видно, очень талантлива.

Я совсем запуталась, Данте. Есть ли у тебя какие-нибудь слова мудрости для меня?

Искренне,

Кайла

Дорогая Кайла,

Ты спросила, есть ли у меня для тебя слова мудрости. Ответ — есть. Вот они:

Ты не контролируешь шторм, и ты не потерялась в нем. Ты и есть шторм.

Я бы с удовольствием поставил это выражение себе в заслугу, но его автор — писатель Сэм Харрис. Он утверждал, что свобода воли — это иллюзия, и я уверен, ты согласишься, что это совершенно удручающая мысль. Однако, если отбросить суровую философскую составляющую, мне правда нравится думать, что хаос не находится вне тебя. Он всегда внутри каждого из нас, даже если мы воспринимаем это как нечто иное.

Ты — хаос. Ты — шторм. Ты та, кто создает сильные ветры и беспокойные моря, по которым тебе приходится плавать. Ты — источник всего, что происходит.

Другими словами, ты — та, у кого есть сила.

И раз так, то возникает вопрос, что ты собираешься с этим делать?

Сэм Харрис сказал бы мне, что я полностью исказил смысл его выражения и что я не понимаю, о чем говорю, но мы его не слушаем.

Послушай себя, Кайла. Остановись и по-настоящему послушай.

Ты — шторм.

О чем говорят тебе все эти громы и молнии?

Данте

Я сердито говорю письму в своей руке:

— Если бы я знала, о чем говорят мне все мои громы и молнии, я бы не просила у тебя совета!

Может быть, Данте отправили в тюрьму за то, что он был преступно раздражающим.

Со вздохом разочарования я швыряю письмо на рабочий стол и мрачно смотрю в окно на дождливый день.

Снова чертов дождь. Как будто погода участвует в каком-то злом заговоре, чтобы свести меня с ума еще больше.

Прошло две недели с тех пор, как я общалась с Эйданом. Каждый проходящий день становится тоскливее и унылее предыдущего. У меня развилась тяжелая бессонница в дополнение ко всем моим другим проблемам, и я до сих пор не нашла психотерапевта.

На днях, когда я посетила здание, где, по словам Эдди, находится кабинет доктора Леттермана, его имени на информационной панели не нашлось.

В любом случае, я не знаю, почему я обратилась за помощью к этому наркоману Эдди. Как видно, у него осталась только одна функционирующая клетка мозга.

Не то чтобы я была в положении, с высоты которого можно судить. Я пью так много вина, что пора покупать акции в компании виноделов.

Услышав звук смеха, я поднимаю голову и смотрю в сторону окна. Снова раздается смех, яркий и игривый, хотя во дворе я никого не вижу. Сгорая от любопытства, я подхожу к окну и выглядываю наружу.

Маленький светловолосый мальчик в красном дождевике бежит по лужайке перед домом.

Я ахаю и бросаюсь к стене, прижимаюсь к ней спиной. Сердце колотится. Адреналин наполняет вены, заставляя меня дрожать.

Если бы кто-нибудь сказал мне до этого момента, что вид веселого малыша сможет вселить в мою душу ужас, я бы рассмеялась ему в лицо. Даже мужчина в плаще не пугает меня так сильно.

Это не призрак. Он слишком счастлив, чтобы быть призраком. Разве Фиона не говорила что-то о том, что духи, запертые в этом измерении, грустят?

В панике я убеждаю себя, что веду себя нелепо, но это не помогает.

Затем мне приходит в голову такая ужасающая мысль, что мое бешено колотящееся сердце замирает.

Это тот ребенок, с которым у меня случился выкидыш?

Неужели меня преследует дух моего умершего сына?

Я знаю, что это не имеет смысла. Мой ребенок еще даже не родился бы, не говоря уже о том, чтобы вырасти. Но что я знаю о призраках? Может быть, они со временем превращаются в человека, которым они были бы, если бы выжили?

Но где они берут одежду? Этот ребенок посетил какой-то потусторонний детский магазин, чтобы выбрать маленький дождевик и желтые ботинки?

Я прикрываю глаза рукой и стону.

— Прекрати, Кайла! Это не призрак! А теперь иди на улицу и найди его мать!

Звук моего голоса пробивается сквозь часть паники, и этого достаточно, чтобы

побудить меня к действию. Я расправляю плечи, делаю глубокий вдох и снова поворачиваюсь к окну.

Маленький светловолосый мальчик стоит в нескольких футах от дома и смотрит прямо на меня.

Мы смотрим друг на друга через стекло. Мое сердце вот-вот разорвет грудную клетку. Оно мчится так быстро, что я не могу дышать.

Почему он такой страшный?

Мальчик указывает на меня. Он издает высокий, леденящий кровь вопль, его рот широко открыт, а голубые глаза расширены от ужаса.

Затем он поворачивается и убегает, исчезая из виду.

Я стою как вкопанная, тяжело дыша, пока меня не охватывает гнев. Я кричу в окно:

— На хер и тебя тоже, пацан!

Я тут же прикрываю рот рукой. Я не могу быть леди, которая кричит на детей на своей лужайке. У нас в квартале была такая, когда я росла, и все ее ненавидели.

Я бегу через дом к задней двери, спрыгиваю с крыльца и оглядываю двор. Нет никаких признаков мальчика. Я бегу налево и оглядываю дом сбоку, но его там тоже нет. Я направляюсь в другую сторону, мое дыхание белым облачком расплывается в холодном воздухе.

На другой стороне дома его тоже нет и следа ребенка. Его нет и на переднем дворе. Он не прячется в кустах и не бежит по улице.

Мальчик растворился в воздухе.

Мокрая и дрожащая я стою на подъездной дорожке, чувствуя позади себя чье-то присутствие. Когда я поворачиваюсь, то никого не вижу.

Затем я случайно бросаю взгляд на второй этаж.

В окне моей главной спальни маленький светловолосый мальчик стоит и смотрит на меня сверху вниз.

Призраков не существует. Призраков не существует. Призраков не существует.

Дождь хлещет по моему запрокинутому лицу, когда я кричу:

— Оставайся там!

Он пятится от окна и исчезает из виду.

Скрежеща зубами, я бегу обратно в дом, поднимаюсь по лестнице на второй этаж, перепрыгивая через две ступеньки за раз, и врываюсь в хозяйскую спальню.

Там пусто.

Я ищу везде, в каждой закоулке дома, но этот маленький сын шелкунчика исчез.

Когда я просматриваю запись с камеры, она не показывает ничего, кроме статики.

Глубоко потрясенная этой встречей, я хожу по дому, одержимо проверяя замки, задергивая шторы и вообще ведя себя настолько параноидально, насколько чувствую. Я предполагаю, что мальчик вошел через заднюю дверь после того, как я прошла через нее, но не могу придумать объяснения тому, как он вышел. Я должна была врезаться прямо в него, когда он бежал вниз по лестнице, но не врезалась.

Он буквально растворился в воздухе.

Я бы позвонила Джейку и попросила его установить больше камер внутри дома, но, учитывая, как плохо прошла наша последняя встреча, я сомневаюсь, что это такая уж хорошая идея.

Поэтому я наливаю себе огромный бокал вина, и принимаю ванну. По шею в пузырьках,

я держу дрожащими руками переполненный бокал с вином и пытаюсь точно определить, когда именно я начала сходиться с ума.

Потому что я больше не могу сказать, что твердо держусь за реальность. Если я всерьез считаю, что призрак пятилетнего ребенка преследует меня, то я потеряла реальность.

Когда лампочки над туалетным столиком мигают три раза, я подавляю рыдание и глотаю вино. Я тоскую по Эйдану, и боль от этой тоски кажется неизлечимой.

~

Той ночью мне снится, что я тону.

Это такой яркий и ужасающий сон. Я просыпаюсь в поту с криком, застрявшим в горле.

Следующие три ночи мне снится один и тот же сон. К утру субботы я превращаюсь в развалину. Я вообще не могу работать. Каждый маленький скрип в доме пугает меня до чертиков. Запах гари, когда я включаю сушилку, сменяется вонью чего-то гнилого, будто из канализации.

Только в моем нервном состоянии этот запах кажется мне запахом гниющей плоти.

Я пытаюсь отыскать источник вони, но не могу.

Если я включу телевизор, он сам выключится. Каждый порыв ветра снаружи посылает холодный сквозняк по дому, заставляя занавески шуршать и перешептываться. По крайней мере, я думаю, что они издают этот шепчущий звук, но я слишком напугана, чтобы пойти посмотреть.

Я такая нервная и взвинченная, что кричу от страха, когда муха садится мне на руку.

Я так отчаянно нуждаюсь в контакте с кем-то, что отправляю Эйдану сообщение.

Я скучаю по тебе.

Он так долго не отвечает, что я думаю, что он вообще не ответит. Но затем его сообщение приходит с легким звоном, от которого мое сердце подпрыгивает к горлу.

Я тоже скучаю по тебе.

Вместе с текстом он посылает эмодзи с белым кроликом. По какой-то странной причине это вызывает слезы на моих глазах.

Могу я приехать?

На этот раз его реакция мгновенна.

Ты все еще носишь это кольцо?

Нет.

Ты сняла его прямо перед тем, как ответить мне?

Дерьмо. Почему этот человек должен быть таким невыносимо умным?

Пожалуйста, Эйдан. Мне нужно тебя увидеть. Пожалуйста.

Извини, зайка.

Я смотрю на экран, кусая губы. Похоже, он не очень сожалеет. Может быть, мне нужно подсластить предложение.

Могу я, пожалуйста, прийти... хозяин?

Мой телефон по-прежнему молчит.

Я задаюсь вопросом, не послать ли ему снимок моей попки или груди. Но мысль о том, чтобы сделать кучу фото своего голого тела в надежде найти одно, достаточно хорошее, чтобы соблазнить мужчину и заставить его разрешить мне сбежать к нему, приводит меня в еще большее уныние.

Как я дошла до этого? Что, черт возьми, со мной случилось?

Раздается звонок в дверь, и когда я открываю и обнаруживаю, что на крыльце пусто, я

решаю, что единственное логичное, что остается сделать, — это напиться.

Если я схожу с ума, нет никаких причин делать это трезвой.

~

— Кайла? Кайла, дорогая, ты меня слышишь?

Я открываю глаза и вижу Фиону, склонившуюся надо мной с озабоченным выражением лица. Сейчас утро — очевидно, утро понедельника — и я лежу на спине на диване в гостиной с раскалывающей голову болью и привкусом пепла во рту.

— Боже, — говорит она, посмеиваясь. — Ты выглядишь ужасно. Немного выпила на выходных, не так ли, дорогая?

— Это было больше, чем просто немного, — я сажусь. Комната наклоняется, и мой желудок переворачивается вместе с ней. Я прикрываю рот рукой и издаю громкую, неподобающую леди отрыжку.

— Все в порядке?

— О, да, все великолепно. Абсолютно на высшем уровне.

Фиона поджимает губы и бросает на меня неодобрительный взгляд.

— Я должна сказать, что сарказм тебе очень не к лицу.

— Тебе придется дать мне некоторую поблажку. Недавно я поняла, что мой мозг куда-то пропал. Хуже того, я поняла, что его, вероятно, уже довольно давно нет.

— С твоим мозгом все в порядке, моя дорогая. А теперь встань с дивана и возьми себя в руки. Мне не нравится видеть, как ты хандрить.

— Я не хандрю, — бормочу я, зная, что это именно то, что я делаю.

Когда Фиона поворачивается, чтобы уйти, я говорю:

— Можно у тебя попросить совета?

Удивленная, она поворачивается ко мне.

— Конечно. Что случилось?

Я выдыхаю и провожу руками по волосам. Упираюсь локтями в бедра, наклоняюсь и смотрю на ковер, собираясь с мыслями.

— Когда кто-то говорит, что он дает тебе пространство, но ты не хочешь этого, как ты с этим справляешься?

— Ты имеешь в виду, что кто-то закрыл дверь, но ты хочешь, чтобы она открылась?

Я киваю, мне нравится этот образ.

Когда я поднимаю глаза, ее взгляд мягкий и сочувствующий. Фиона мягко говорит:

— Моя дорогая девочка. Постучи в дверь.

Как раз в этот момент раздается звонок в дверь.

Фиона улыбается.

— Или позвони в звонок. Я открою.

Когда она поворачивается и уходит, я кричу ей вслед:

— Там никого не будет!

— Никогда не знаешь наверняка, — говорит она, посмеиваясь, наслаждаясь какой-то только ей понятной шуткой. Она выходит из комнаты. Несколько мгновений спустя она возвращается, качая головой.

— Что ж, ты была права. Там никого не было, — Фиона делает паузу, многозначительно глядя на меня. — Во всяком случае, никого, кого я смогла бы увидеть.

Я стону и опускаю голову на руки.

— Ладно. Ты победила. Мы проведем сеанс.

Снова раздаётся звонок в дверь. Телевизор включается сам по себе на полную громкость. Из коридора доносится отчетливый хлопок взорвавшейся в светильнике лампочки.

Фиона мрачно говорит:

— Я думаю, что это очень хорошая идея.

Дорогой Данте,

Спасибо тебе за совет. Однако я должна сказать, что он был дерьмовый.

«Ты и есть шторм. О чем говорят тебе гром и молния?» Это правда должно было быть полезно? Потому что было не так.

Пожалуйста, прости за грубость, но моя жизнь разваливается на части. Поправка, она уже развалилась на части. Я просто брожу по этим развалинам, поднимая пыль и раня ноги об осколки стекла.

И, кстати, что это была за история с любовью, которая двигала звезды и колеса? Это было чертовски странно. На самом деле, все твои письма были странными. Я все еще не знаю, чего ты хочешь от меня, или почему ты решил, что мы должны быть друзьями по переписке, или как ты вообще нашел меня.

Я уже едва ли понимаю, что реально, а что нет. Я даже не знаю, настоящие ли эти письма. Может быть, я смотрю на стену запертой на замок палаты в психиатрической лечебнице, и все это происходит в моей голове? Во всяком случае, так я чувствую. Я чувствую себя так, словно отпустила веревку, которая привязывала меня к причалу, и теперь я дрейфую одна далеко в море на протекающем плоту, вокруг которого кружат голодные акулы. И ветер усиливается. И начинается дождь.

Я тону, Данте. Я тону.

Что мне действительно сейчас нужно, так это спасательный жилет.

Кайла

Фиона сообщает мне, что завтра ночью наступит полнолуние, так что мы сможем провести сеанс тогда. Она говорит, что мне повезло, что мы можем сделать это так быстро.

Я не чувствую, что мне повезло. Я чувствую себя проклятой. Однако я не говорю этого вслух, потому что не хочу искушать судьбу.

Остаток дня и следующий я провожу в состоянии сильного беспокойства, время от времени поглядывая на свою левую руку. Я каждый раз удивляюсь, обнаруживая, что обручальное кольцо все еще на безымянном пальце.

Эйдан был прав, когда догадался, что я сняла его прямо перед тем, как ответить на сообщение. Я не буду лгать ему снова, поэтому мне пришлось проявить творческий подход. Но я снова надела его, когда он мне не ответил, и я до сих пор не могу понять почему.

Хотя я никогда бы не призналась ему в этом, но что-то было не так, когда я сняла это кольцо.

Казалось, что сам дом ахнул в ужасе.

Что, очевидно, является плодом моего воспаленного воображения, но именно такое ощущение и было. В какой-то момент этих последних нескольких месяцев дом превратился в нечто большее, чем просто набор комнат под протекающей крышей. Тут появилось присутствие чего-то, что я могу физически ощутить.

У этого дома есть пульс, и его темное сердце бьется для меня.

Я думаю, он что-то хочет.

Я думаю, что он пытается послать мне сообщение.

Еще одна голубая сойка разбилась об окно моего кабинета. Это показалось мне символичным, поэтому я поискала значение мертвой голубой сойки в интернете. Да, я сейчас в таком отчаянии, что обращаюсь за помощью к интернету. Как бы то ни было, оказывается, что эти птицы имеют связь с духовным миром, и коренные американцы часто считали их посланниками богов. Считается, что встреча с одной из них приносит удачу.

Если только она не мертва, и в этом случае это означает, что вы убегаете от своих проблем.

Если бы только я могла бежать быстрее.

~

— Привет, Кайла. Приятно с тобой познакомиться. Я — Клэр.

Я стою в проеме открытой двери, смотрю на сестру Фионы и думаю, что у меня, должно быть, двоится в глазах. Они выглядят совершенно одинаково, вплоть до ямочек на щеках. Те же короткие седые волосы, те же ярко-голубые глаза, те же крепкие ноги и жизнерадостная улыбка.

Они так похожи, что это жутко. Если бы Фиона однажды заболела и послала Клэр убираться в доме вместо нее, я бы даже не поняла. Единственная разница в том, что у Клэр с собой черная спортивная сумка, а у Фионы — зонтик.

— Я тоже рада с тобой познакомиться. Пожалуйста, входи.

Я отступаю в сторону, чтобы позволить паре войти в прихожую, затем закрываю дверь от ветреного вечера.

— Ты не говорила мне, что у тебя есть близнец, Фиона.

Она опускает мокрый зонтик на подставку рядом с консольным столиком и улыбается.

— Мы не близнецы.

— Вы могли бы одурачить меня.

Клэр гладит ее по волосам.

— Не говори глупости. Я намного красивее, чем она.

Они обмениваются нежным взглядом, затем синхронно снимают одинаковые синие шерстяные пальто. Пока Фиона берет оба пальто и вешает их в шкаф в прихожей, Клэр поворачивается ко мне и с любопытством оглядывает меня с ног до головы.

— Что? — нервно спрашиваю я, гадая, может, у меня пятна на рубашке или шпинат застрял в зубах.

Ее улыбка кажется доброй.

— Фиона так много рассказала мне о тебе, поэтому я уже чувствую себя, словно мы старые друзья.

— О. Ну, честно говоря, мне бы сейчас не помешало несколько друзей. Моя жизнь довольно хаотична.

Она хихикает.

— Не волнуйся, моя дорогая. Ты в хороших руках. Я общаюсь с духами с тех пор, как мне исполнилось четыре года. Так что мы посмотрим, чего она хочет, и быстренько отправим ее прочь.

Отбросив в сторону шок от того, что эта бедная женщина всю свою жизнь вела беседы с мертвыми людьми, я говорю:

— Отлично. За исключением того, что духи, преследующие меня, — мужчины. — Я нервно смеюсь. — Не могу поверить, что я только что сказала это.

— Ах, да, извини меня. Сегодня вечером мне предстоит провести еще два сеанса, и детали путаются.

— Два? — в шоке переспрашиваю я.

Она показывает на потолок.

— Полнолуние для меня — очень напряженное время. И забудь о солнцестояниях и равноденствиях! Эти дни забронированы на год вперед. — Увидев выражение моего лица, она объясняет: — Опытные медиумы пользуются большим спросом. Ты не поверишь, если я скажу тебе, сколько умерших отказывается переходить на Другую Сторону.

Я не знаю, как на это ответить, но чувствую, что это заслуживает вежливого ответа, даже если это безумие.

— Я рада слышать, что бизнес процветает.

Фиона возвращается и спрашивает Клэр:

— Хочешь осмотреть дом, прежде чем мы начнем выяснять, чувствуешь ли ты что-нибудь?

Клэр качает головой.

— В этом нет необходимости. Я уже получаю очень сильную энергию, — она указывает в сторону коридора. — Что находится там?

— Мой кабинет. И моего мужа.

Они с Фионой обмениваются многозначительным взглядом.

— Вам, ребята, не стоит вести себя со мной как телепаты-близнецы. Я и так достаточно напугана. Что это был за взгляд?

Клэр говорит:

— Я не хочу тебя пугать, дорогая, но... — она колеблется, и корчит такое лицо, как

будто ей нужно срочно сбегать в туалет.

Господи Иисусе, если ситуация станет еще хуже, я просто заберусь на крышу и прыгну.

— Продолжай.

— Я думаю, нам следует провести сеанс в кабинете твоего мужа.

От отдаленного раската грома задребезжали окна. Конечно, это произошло прямо сейчас, потому что даже чертова погода хочет, чтобы я сошла с ума.

— Почему?

Они с Фионой снова обмениваются этим странным взглядом.

— Потому что я чувствую, что именно там дух хочет это сделать.

Мы пристально смотрим друг на друга. Некоторое время все молчат. Тогда я говорю:

— Клэр, я собираюсь спросить тебя кое о чем сейчас, и я хочу, чтобы ты была полностью честна со мной.

— Да?

— Это все розыгрыш?

— О, нет, моя дорогая, — говорит она, яростно качая головой. — Уверяю тебя, это очень далеко от розыгрыша.

В качестве еще одного доказательства того, что моя власть над реальностью ослабевает, я на мгновение рассуждаю сама с собой о разнице между «далеко» в буквальном и фигуральном смысле. Потом вздыхаю и сдаюсь.

— Отлично. Мы проведем сеанс в кабинете Майкла. Но если появится Призрака прошедшего Рождества, я за себя не отвечаю. Я тресну его ближайшим тяжелым предметом. Давайте покончим с этим.

Я поворачиваюсь и иду по коридору, прислушиваясь к их шагам позади меня. Интересно, не будет ли нарушением духовного этикета пить вино во время сеанса?

У меня такое чувство, что мне понадобится выпивка, прежде чем это закончится.

Я открываю дверь в кабинет и включаю свет. Пропуская Фиону и Клэр, я замечаю, как холодно в комнате. Тут как в морозильной камере.

Дрожа, я говорю:

— Извините за температуру.

Игнорируя меня, Клэр бродит вокруг, осматривая вещи, пока мы с Фионой наблюдаем. Она ставит свою сумку на стул и указывает на круглый стол рядом с ним.

— Мы можем перенести его в середину комнаты?

— Для чего он нам?

— Круглый стол более подходящий.

Я не утруждаю себя вопросом для чего, потому что мы уже официально прибыли в Безумвилль. Буду вести себя соответственно.

Пока мы с Фионой убираем со стола, Клэр распаковывает свою спортивную сумку. Из нее она достает кусок черной ткани и встряхивает, что-то бормоча над ней. Это, должно быть, заклинания. Она накрывает ей стол, поправляя так, чтобы ткань занимала всю поверхность стола и даже спускалась до пола. Затем возвращается к сумке и достает три белые свечи, которые ставит в центр стола. Следом идет маленькая вазочка с развернутыми шоколадными конфетами, которую она ставит рядом со свечами.

— Для чего нужен шоколад?

— Подношение пищи духу, — отвечает Клэр, как будто это очевидно.

Я не могу удержаться, чтобы не противопоставить этой чепухе немного логики.

— Как он будет есть, если у него нет настоящего рта?

— Да, но дух не знает, что у него нет настоящего рта, не так ли?

Когда я смотрю на Фиону, она пожимает плечами.

— Немного доверия тебе не повредит, дорогая.

Я бормочу:

— Немного каберне мне бы тоже не повредило.

— Не есть и не пить во время сеанса! — проговаривает Клэр, зажигая свечи. Она бросает на меня строгий взгляд поверх оправы очков. — И никаких украшений. Это придется снять, — она дергает подбородком в сторону моего обручального кольца. — Вместе со всеми остальными украшениями. Еще, пожалуйста, выключи все электронные устройства. Фиона, ты приглушишь свет?

Я думала, что Фиона выключит основной верхний свет и оставит лампы включенными. Но она выключает все, погружая комнату в темноту, нарушаемую только колеблющимся сиянием свечей на столе.

Отдаленный раскат грома снова прокатывается по небу, на этот раз громче. Внезапный порыв ветра воеет в кронах деревьев снаружи. Дождь барабанит по окнам, скатываясь вниз, как серебристые слезы.

Если Клэр хотела создать жуткую атмосферу, она не смогла бы выбрать для этого лучшую ночь.

— Давайте присядем, — говорит она, кладя на стол блокнот и карандаш.

Я подкатываю офисное кресло Майкла к столу и сажусь. Фиона тащит стул из угла комнаты и занимает свое место слева от меня. Клэр отодвигает стул, снимает с сиденья свою спортивную сумку и ставит ее на пол. Затем устраивается поудобнее и смотрит на меня.

— Дорогая?

— Да?

— Тебе нужно снять свое кольцо.

— О, точно. Извини, — я снимаю кольцо с пальца и засовываю его в задний карман джинсов.

Клэр выглядит недовольной.

— Его не должно быть на твоём теле. Может быть, ты могла бы положить его на стол?

Я не знаю, почему это должно быть так важно, но я не хочу лишать себя возможности узнать, чего хочет призрак, которого не существует и который не преследует меня. Поэтому я достаю из кармана обручальное кольцо и кладу его на стол Майкла.

Прямо рядом со сложенной газетой со статьей о его смерти.

Его лицо смотрит на меня черно-белым из-под этого ужасного заголовка.

«Местный житель уто...».

С трепещущим сердцем я осторожно двигаю кольцо к его фотографии. Затем я подталкиваю его, пока оно не оказывается поверх его лица. Я не знаю почему, но я чувствую, что это правильно. Когда я отступаю, кажется, что один его глаз выглядывает из-за золотого круга, следя за каждым моим движением.

Встревоженная, я возвращаюсь к столу и сажусь на свое место. Вытираю вспотевшие ладони о джинсы и пытаюсь избавиться от нарастающего во мне дурного предчувствия.

— Все положите руки ладонями на стол перед собой, пожалуйста.

Фиона и я следуем инструкциям Клэр. Затем она делает то же самое, глядя на каждого

из нас по очереди, ее вид — мрачный, а голос низкий.

— Прежде чем мы начнем, одно предупреждение. Духи непредсказуемы. Что бы ни случилось, сохраняйте самообладание. Сохраняйте молчание. Не разрывайте круг энергии, не вставайте. Я начну с заявления о нашем намерении установить контакт и приглашения духа присоединиться к нам за столом. Если духи примут наше приглашение, вы можете услышать странные звуки, такие как стук или шебуршание. Для начала я задам духам вопросы с ответами «да» или «нет», и если духи окажутся сговорчивыми, я спрошу, чего они хотят. Они могут общаться через меня, используя мою руку, чтобы рисовать в этом блокноте, или мой голос, чтобы говорить непосредственно с вами.

О, черт. Если я стану свидетелем того, как мертвый парень говорит через эту милую старушку, я чокнусь окончательно.

Я сглатываю в страхе, и сильнее прижимаю руки к столешнице, пытаюсь заставить их перестать дрожать. Это не работает.

— Когда сеанс закончится и у вас не останется вопросов, я поблагодарю духа за то, что он пришел. Тогда мы сможем включить свет и обсудить, что произошло. Ты готова, Кайла?

Я киваю, хотя совсем не чувствую себя готовой.

— Тогда давайте начнем.

Клэр закрывает глаза. Подняв лицо к потолку, она говорит приглушенным голосом:

— Мы собрались сегодня вечером при полной луне, чтобы получить руководство от мира духов. Мы рады любым духам поблизости, которые захотят присоединиться к нашему кругу. Пожалуйста, дайте знать о своем присутствии.

Следующая безмолвная пауза — самая длинная за все мое существование. Она могла бы длиться всего шестьдесят секунд, но кажется, что это целая жизнь. Мой пульс учащается. Мое дыхание становится прерывистым. Зубы начинают стучать. Я чувствую головокружение, тошноту и невыносимый холод.

Когда ничего не происходит, Клэр повторяет:

— Мы рады любым духам поблизости, которые захотят присоединиться к нашему кругу. Пожалуйста, сообщите о своем присутствии. Вы с нами? Дайте нам знак.

Диплом Майкла из колледжа в рамке соскальзывает со стены и со стуком падает на пол.

Я ахаю. Все волосы на моих руках встают дыбом. Я сижу застывшая, с прямой спиной и широко раскрытыми глазами. Колотящееся сердце — единственная мышца в моем теле, способная двигаться.

— Сохраняй спокойствие, — тихо говорит Клэр, ее глаза все еще закрыты.

Я далека от спокойствия. Спокойной я, возможно, больше никогда не буду. Спокойствие — это для людей, отдыхающих на прекрасном пляже с ногами в песке и дайкири в руке, а не для тех, кому грозит неминуемая опасность получить доказательства того, что их покойный муж тянется к ним из могилы.

Я настолько далека от спокойствия, что вот-вот взорвусь, черт возьми.

Раскат грома заставляет меня подпрыгнуть на стуле. За ним следует треск молнии, которая вспыхивает белым огнем в черном ночном небе. Комната ненадолго освещается театральной яркостью, а затем снова погружается в дезориентирующую темноту, как карнавальный домик развлечений, который доводит до ужаса детей на Хэллоуин.

— Духи, — говорит Клэр, — спасибо, что присоединились к нам. Вас больше, чем один? Пожалуйста, постучите по столу, чтобы ответить. Один раз — если «да» и два раза — если «нет».

Ветер снаружи усиливается. Температура в комнате падает еще на несколько градусов. Дождь барабанит по оконным стеклам со звуком, похожим на град.

И мое сердце. Иисус, боже, мое бедное гребаное сердце кричит о кровавом убийстве, потому что по комнате разносится эхо, безошибочно узнаваемый звук двух громких ударов.

— Значит, только ты один, — бормочет Клэр. — Добро пожаловать, дух. Для нас твое присутствие — большая честь.

Ее голос замедлился, как и дыхание. Похоже, она впадает в какой-то транс.

То, что происходит со мной — полная этому противоположность. Я сейчас обмочусь. Нервы, о существовании которых я и не подозревала, проснулись и начали визжать. Меня может стошнить.

— Майкл? — шепчу я, пока дико оглядываю комнату, и дрожу как осиновый лист. — Майкл, ты здесь?

Ничего не происходит. По столу не стучат. Картины не падают со стен.

Клэр говорит:

— Дух, ты знаешь кого-нибудь из людей в этой комнате?

Удар.

— Ты знал их, когда был жив?

Удар.

— Это я?

Два удара.

— Это Фиона?

Два удара.

— Это Кайла?

Ответный единственный удар настолько силен, что я вздрагиваю и хнычу.

— У тебя есть послание, которое ты хочешь передать ей?

УДАР!

Звук моего затрудненного дыхания даже громче, чем ветер. К этому времени я уже неудержимо дрожу.

Клэр с закрытыми глазами протягивает руку, вслепую ища блокнот на столе рядом. Она хватается его, находит карандаш и шепчет:

— Скажи нам, дух. В чем заключается это послание?

Сжимая карандаш так сильно, что костяшки пальцев побелели, рука Клэр висит над чистой страницей блокнота.

Фиона сидит напротив меня с закрытыми глазами, положив руки на стол. Я думаю, что если бы я сейчас закрыла глаза, то мгновенно умерла бы от сердечного приступа.

Мне так страшно, что я готова разрыдаться.

— Дух, в чем твое послание?

Секунды превращаются в минуты. Снаружи бушует буря. Мы втроем молча сидим за столом в колеблющемся свете свечей, ожидая ответа, который так и не приходит.

После долгого времени, когда ничего не происходит, Клэр говорит:

— Позволь мне перефразировать вопрос. Дух, чего ты хочешь?

Ее рука, держащая карандаш, напрягается. Затем она дергается и начинает неудержимо дрожать. Я как зачарованная в ужасе наблюдаю, как предплечье Клэр начинает двигаться короткими рывками взад-вперед по бумаге.

Внезапно ее рука замирает. Она прижимает карандаш к бумаге и пишет слово одним

быстрым росчерком от начала до конца. Слово состоит из крупных печатных букв, заглавных, так глубоко нацарапанных на бумаге, что в некоторых местах она рвется до следующей страницы.

МЕСТЬ

Внезапный сквозняк задувает горящие свечи. Что-то холодное касается моей щеки, как призрачный ветер.

Или призрачные пальцы.

Я кричу во всю глотку и выбегаю из комнаты.

Фиона и Клэр находят меня на кухне. Я скорчилась на полу в углу, прислонившись спиной к шкафам и подтянув колени к подбородку.

Оглядевшись, Клэр спрашивает:

— Зачем ты открыла все шкафы и ящики?

— Они были открыты, когда я пришла сюда, — мой смех звучит расстроено. — Местный призрак думает, что это весело — делать такие вещи.

Сестры смотрят друг на друга, потом на меня. Клэр мягко предлагает:

— Почему бы нам всем не сесть за стол и не поболтать?

— Поболтать — это здорово. Как и экзорцизм. *В моем доме чертов призрак!*

Фиона говорит:

— Да, но посмотри на это с другой стороны. По крайней мере, он только один.

Я стону и опускаю лоб на колени.

— Ну-ну, моя дорогая, не отчаивайся. На самом деле это довольно хорошая новость.

— Напомни мне, где в этой абсолютно сверхъестественной катастрофе можно найти хорошие новости?

Она радостно говорит:

— Теперь мы знаем, чего хочет дух!

Я поднимаю глаза и недоверчиво смотрю на нее.

— Судя по всему, дух хочет совершить убийство. И поскольку я — единственный человек, который здесь живет, я думаю, что я и есть главный кандидат.

— Дух разгневан, но я почувствовала, что гнев направлен не на тебя, — говорит Клэр, придвигая стул к кухонному столу. Она садится, поправляя волосы и разглаживая рукой перед блузки. Она выглядит измученной.

Быть одержимым мертвецом, должно быть, действительно выбивает из колеи.

— Но он знает меня. Что это значит?

— Ты — владелец этого дома. Ты живешь здесь с ним. Конечно, он знает тебя.

Я снова прихожу в ужас.

— О боже. Оно наблюдало за мной, когда я была в душе?

Фиона говорит:

— Я думаю, ты упускаешь из виду общую картину, дорогая.

Раздраженная, я требовательно спрашиваю:

— О чем ты?

Она придвигает стул рядом с сестрой и садится. Сложив руки на коленях и глядя на меня с добротой в глазах, произносит:

— Если ты сможешь помочь духу получить то, что он хочет, он уйдет.

Я бросаю взгляд на Клэр, которая кивает.

— Ты хочешь сказать, что хочешь, чтобы я стала соучастником убийства?

— Дух ничего не сказал об убийстве. Там говорилось о мести, которая может принимать самые разные формы.

Я снова утыкаюсь лбом в колени и говорю несчастным голосом:

— Я не могу поверить, что это происходит.

Всегда практичная Фиона говорит:

— Нам нужно снова связаться с духом.

Я поднимаю голову:

— Я ни за что не соглашусь на еще один сеанс!

Клэр пожимает плечами.

— Поступай как знаешь.

Отчаиваясь все больше, я снова требовательно спрашиваю:

— Так это все? У нас больше нет вариантов? Разве ты не можешь просто сжечь немного шалфея или еще чего-нибудь, чтобы это исчезло?

Клэр смеется надо мной, как над глупой девочкой.

— О, моя дорогая, это миф. Дух — это не надоедливое насекомое, от которого можно избавиться небольшим количеством ароматного дыма.

— Отлично. Значит, мне придется продать дом, если я снова захочу жить спокойно?

— Если только дело не в тебе.

— Что ты имеешь в виду?

— Возможно, дух преследует тебя. В этом случае не имеет значения, где ты живешь. Он всегда найдет тебя.

Я смотрю на Клэр с открытым ртом. Она снова пожимает плечами, как будто только что сообщила еще не самую плохую новость.

Затем осознание поражает меня.

— Боже мой! Может быть, это кто-то из моих родителей. О боже, я никогда не думала об этом!

Клэр и Фиона обмениваются еще одним из своих странных взглядов. Чувствуя необходимость защититься, я говорю:

— Когда я спросила, был ли это Майкл, дух не ответил. Значит, по логике вещей, это был не он. Верно?

В паузе Клэр есть что-то странное, как будто она тщательно подбирает слова.

— Мы не можем ничего предполагать. Как давно умерли твои родители?

— Много лет назад. Они оба.

— Тогда это не они.

— Откуда ты знаешь?

— С тобой бы связались раньше. Духи не могут перейти на Другую Сторону, а затем вернуться в это измерение. Как только они поднимаются за Пределы, путь обратно для них закрыт. Единственные духи, которые могут вступить в контакт, находятся в лимбе¹¹. А теперь садись за стол, не сиди на полу. У меня сводит ноги от одного твоего вида.

Хотя мои ноги дрожат, мне удастся встать. Я присоединяюсь к ним, сажусь напротив Фионы и кладу локти на стол. Я опускаю голову на руки и вздыхаю.

Через мгновение Клэр мягко говорит:

— Кайла, пожалуйста, посмотри на меня.

Я поднимаю голову и встречаюсь с ней взглядом.

— Я хочу помочь тебе. Мы обе хотим.

Она бросает взгляд на Фиону, которая кивает.

— Итак, если ты не хочешь проводить еще один сеанс, вот мое предложение о том, что тебе следует сделать.

Когда она делает паузу, я говорю:

— Слушаю.

— Изучи историю этого дома. Выясни, кто жил здесь до тебя. Возможно, ты найдешь ключ к разгадке личности этого призрака. Если это не кто-то, кого ты знаешь, то это кто-то, кто жил здесь раньше.

— В этом есть смысл. Только ты забываешь, что во время сеанса дух сказал, что знал меня, пока был жив.

Она пренебрежительно машет рукой в воздухе.

— Я бы не стала воспринимать это буквально. Обычно духи сбиты с толку.

Я смотрю на нее, и она объясняет сама.

— Призраки немного похожи на людей с психическими расстройствами. Они не могут отличить иллюзию от реальности. Когда душа оказывается здесь в ловушке, ей нужен проводник — духовный проводник, если хочешь, — чтобы помочь привести ее к свету.

— Подожди. Теперь ты хочешь, чтобы я была *проводником для призрака*?

Она приподнимает бровь.

— Ты предпочитаешь, чтобы тебя преследовали всю оставшуюся жизнь?

Я смотрю на Фиону в поисках помощи.

Она только пожимает плечами.

— Либо так, либо мы возвращаемся в кабинет и пробуем еще раз.

— Ни за что. Оно коснулось меня, — я содрогаюсь от отвращения. — Боже, как я теперь должна спать здесь, зная, что вокруг бродит чертов призрака?

— Он бродит вокруг уже довольно долгое время, дорогая.

— Ты думаешь, от этого мне станет лучше?

Она хихикает.

— Ну, он пока не приставал к тебе, если это то, о чем ты беспокоишься.

В ужасе я таращусь на нее.

— Пока?

— Никто ни к кому не пристаёт! — раздраженно перебивает Клэр. — Дух не хочет заняться с тобой сексом, он хочет, чтобы ты помогла ему отомстить.

— Кому? За что?

— Проведи небольшое исследование и выясни.

Я свирепо смотрю на нее. Она говорит:

— Или мы прямо сейчас вернемся в тот кабинет и покончим с этим делом, — она смотрит на свои часы. — В любом случае, я уже отстаю от графика. Что ты решила?

— Если у меня есть выбор, я никогда больше не войду в эту комнату.

— Ну, тогда это все. Если ты передумаешь, позвони мне.

Она встает. Фиона встает вместе с ней. Я не могу позволить им уйти, не поблагодарив их, поэтому я встаю и слеую за Клэр в прихожую, пока Фиона достает их пальто из шкафа в прихожей.

Спортивная сумка Клэр с принадлежностями для сеансов уже стоит рядом с дверью, упакованная и готовая к выходу. Должно быть, они собрали вещи, пока я лежала на кухонном полу в раздрае.

Когда Фиона возвращается, я говорю:

— Спасибо, что уделила мне время, Клэр. Я ценю это.

— Мне очень приятно, дорогая.

— И тебе спасибо, Фиона.

— Будь здорова, Кайла. Увидимся в следующий понедельник.

— Верно. Если только до этого меня не убьет мстительный дух.

Она улыбается мне, что никоим образом не помогает. Я открываю им дверь. Клэр собирается переступить порог, но резко останавливается.

Мы с Фионой следим за ее растерянным взглядом.

На коврике у двери лежит ярко-оранжевый неопреновый жилет с четырьмя черными ремешками, пришитыми поперек груди. На концах ремешков болтаются пластиковые пряжки. В свете лампочки на крыльце светоотражающие нашивки на плечах жилета ослепительны.

Фиона говорит:

— Что это, черт возьми, такое?

— Спасательный жилет, — шепчу я, снова начиная дрожать.

Явно сбита с толку Клэр спрашивает:

— Что он делает на твоём крыльце?

— Я попросила об этом своего друга по переписке.

Они смотрят на меня и повторяют в унисон:

— Друга по переписке?

— Да, — хватаясь за дверной косяк для поддержки, я смеюсь, задыхаясь.

Фиона спрашивает:

— Почему ты смеешься?

— Потому что я думаю, что поняла, кто преследует меня.

~

Десять минут спустя мы втроем снова сидим за кухонным столом и просматриваем письма Данте, которые я достала из ящика с нижним бельем наверху. Клэр позвонила двум другим своим клиентам, чтобы они отменили встречу, потому что мой случай преследования стал слишком пикантным, чтобы она могла от него отказаться.

Очевидно, не каждый день призрак присылает письма и спасательный жилет из загробного мира.

— Замечательно, — говорит Клэр, склонившись над столом и внимательно вглядываясь в одно из первых писем, которые я получила. Осторожно, чтобы не коснуться бумаги, она указывает на правый нижний угол. — Похоже, это кровь.

— Я тоже так думала. Но как может призрак истекать кровью?

— Он не может, — она поднимает на меня взгляд. — Но это может быть кровь другого человека.

— Или не человека, — вставляет Фиона. — Возможно, животного.

Я морщусь.

— Это отвратительно. Какого черта ему посылать письмо, измазанное кровью животного?

Клэр говорит:

— Может быть, это подсказка.

Мы втроем смотрим на пятно цвета ржавчины. Снаружи шторм продолжает сотрясать дом. Сейчас идет такой сильный дождь, что он больше похож даже не на град, а на непрерывный шквал выстрелов на крыше. Ветер воеет, как стая голодных волков.

Клэр берет письмо за уголок и переворачивает его, снова аккуратно кладя на место.

— «Я буду ждать вечно, если придется», — читает она вслух. — Это, должно быть, относится к мести, которую он ищет. Этот призрак ждет, когда ты сможешь ему отомстить.

— Но есть вся эта прочая чушь о его чувствах, — говорит Фиона, указывая на другое письмо. — Что бы это могло значить?

— Может быть, он влюблен в меня. Я довольно симпатичная. — Фиона и Клэр смотрят на меня с одинаковым выражением сомнения. — Это была шутка, ребят. Господи.

— Это все серьезно, — неодобрительно говорит Клэр. — Если мы не сможем помочь этому духу перейти на Другую Сторону, мы будем виноваты, что он навсегда застрянет в лимбе. Давайте отнесемся к этой ситуации с уважением, которого он заслуживает.

Я не могу поверить, что медиум, носящий ортопедическую обувь, делает мне выговор за неправильное отношение к моим собственным призракам, но это происходит.

— Ты права. Извини, — я изучаю письма, разложенные на столе между нами, и стопку конвертов в стороне. — Почему на всех них почтовый штемпель из тюрьмы? Ты думаешь, это тоже ключ к разгадке?

— Более вероятно, что дух считает, что он заключен в тюрьму. Образно говоря, так оно и есть.

— Хорошо, следующий вопрос: как, черт возьми, призрак может пользоваться ручкой?

— Духи могут проявлять свою энергию самыми разными способами, — говорит Клэр. — Использование ручек является одним из них, но еще они могут управлять электрическими устройствами, такими как телефоны и компьютеры.

— Или дверные звонки, — напоминает мне Фиона.

— Точно, — соглашается Клэр. — Они удивительно искусны в управлении своим окружением. Если они достаточно сильны, они могут даже влиять на погоду.

Я слушаю, как снаружи ревет буря, и спрашиваю себя, имеет ли Данте к этому какое-то отношение.

— Но если он может контролировать энергию и предметы, почему бы ему самому не пойти и не отомстить? Зачем ему нужна я? Разве он не мог просто уронить пианино на голову своего врага?

— Ну, во-первых, он может не вспомнить, кто его враг.

Когда я удивленно смотрю на нее, Клэр говорит:

— Быть запертым в лимбе ужасно сбивает с толку. На самом деле, этот твой призрак, скорее всего, даже не знает, что он мертв.

— Я уже говорила ей об этом, — говорит Фиона.

— Значит, я нужна ему, чтобы помочь вспомнить, — я снова смотрю на буквы. — Напомни мне, почему я не могу просто сказать ему, что он мертв?

— Это только еще больше подтолкнет его к отрицанию, — отвечает Клэр, — Ты можешь полностью оттолкнуть призрака от реальности. Если бы кто-то сказал тебе, что ты мертва, какой была бы твоя реакция?

Я фыркаю.

— Я бы сказала, «конечно, приятель, а ты — наследственный сорт помидоров»¹².

— Именно. Мы должны мягко склонить его к правде. Он должен прийти к этому сам. Как если бы вы обучали ребенка читать. Сначала идет алфавит. Затем — короткие, легкие слова. Кошка. Собака. Дерево. Затем дети складывают слова в простые предложения, пока, в конце концов, не учатся понимать Шекспира. Понимание — это многоступенчатый процесс. Это не происходит сразу.

— Но как он вообще застрял в лимбе? Почему душа просто не уходит, куда ей положено, когда тело умирает?

— Обычно души так и делают. Но иногда они теряют направление. Плотная реальность третьего измерения в сочетании с гравитацией нашей планеты делает вещи довольно сложными для вневременного существа. Добавьте к этому эмоциональный стресс из-за любого незаконченного дела, и вы получите очень растерянный и капризный потерянный дух.

Я тяжело выдыхаю и бормочу:

— Призраки, однако, требовательные создания.

Фиона хихикает, как будто это было особенно пронизательно.

— Это правда.

Откинувшись на спинку стула, я скрещиваю руки на груди и снова изучаю буквы, одновременно прокручивая все в голове.

— Итак, подводя итог, что мне нужно сделать, так это убедить духа признать, что его больше нет в живых и что ему нужно перейти на Другую Сторону.

— Именно так, — говорит Клэр, сияя.

— Как именно я должна это сделать, если я не могу сказать ему, что он мертв?

Они с Фионой обмениваются многозначительным взглядом, затем она мягко говорит:

— Если ты дашь людям свет, они найдут свой путь.

Раздраженная ее двусмысленностью, я кисло говорю:

— Конечно. Я просто время от времени начну кричать «Иди к свету!» в потолок, как насчет этого?

— Доверяй своим инстинктам, — успокаивающе говорит Фиона. — Ты что-нибудь придумашь. Ты уже наполовину выиграла битву, просто узнав, кто он.

— Но я ничего о нем не знаю! У меня есть только его имя!

Я указываю на его подпись на одном из писем, на знакомые каракули.

Данте.

Фиона и Клэр снова смотрят друг на друга в своем странном телепатическом молчании близнецов.

Я решительно говорю:

— Клянусь Богом, если вы, ребята, не прекратите это делать, я что-нибудь сломаю.

— Почему бы тебе не начать с изучения его имени? — предлагает Фиона.

Через мгновение я неохотно признаю:

— Это неплохая идея. Я подумывала, что стоит позвонить моему другу-детективу, чтобы получить кое-какую информацию о Данте, — я тихо смеюсь. — Но это было до того, как я узнала, что он — призрак.

Клэр повторяет:

— Друг-детектив?

— Человек из полицейского управления, который допрашивал меня после несчастного случая с Майклом.

Верхний свет мерцает. Мы все смотрим в потолок. Низкое электрическое жужжание наполняет комнату, затем свет гаснет. Он снова включаются в течение нескольких секунд.

Клэр бормочет:

— Да. Так ты определенно движешься в правильном направлении.

Я наклоняюсь и шепчу:

— Он что, просто летает вокруг и подслушивает нас? Это так жутко!

— Кайла, сосредоточься.

— Серьезно, зачем нам вообще понадобился спиритический сеанс, если этот призрак может слышать каждое наше слово?

Пристально глядя на меня, Фиона размышляет:

— Он кажется довольно вездесущим, не так ли?

— Именно это я и имею в виду!

Клэр, прищурившись, смотрит в потолок. Я почти вижу, как крутятся шестеренки в ее голове. Прежде чем я успеваю спросить ее, о чем она думает, она громко говорит:

— Дух, ты все еще с нами?

Дальше по коридору дверь захлопывается с такой силой, что покачиваются открытые кухонные шкафы.

Я подпрыгиваю и ахаю.

Фиона бормочет:

— О боже.

Клэр хватается Фиону за руку и настойчиво говорит:

— Я думаю, мы близки.

— Близки к чему? — спрашиваю я, смущенная и встревоженная.

Клэр приказывает:

— Кайла, позвони этому детективу.

— Что, сейчас? Уже больше восьми часов!

— Может быть, он работает допоздна. Если нет, оставь ему сообщение. У тебя есть ноутбук, который я могу одолжить?

— Ну, да, он в моем кабинете. Но...

Не дожидаясь, пока я закончу мысль, Клэр вскакивает и выбегает из кухни.

Глядя ей вслед, я говорю:

— Фиона, что происходит?

Она спокойно отвечает:

— Я полагаю, Клэр думает, что мы находимся на пороге прорыва.

— Прорыва?

— В помощи духу.

Я с опаской смотрю на потолок и верхние лампы, которые теперь непрерывно мигают. Через мгновение возвращается Клэр, неся мой ноутбук. Она ставит его на стол передо мной.

— О, — говорит она, вытаскивая что-то из кармана своего кардигана. — Это лежало на крышке компьютера. Я подумала, что это может быть важно.

Она кладет предмет на стол.

Это никель «Буффало», монета Майкла 1937 года выпуска. Та, которую я нашла под деревом, где мужчина в сером плаще стоял и смотрел на меня. Та самая, которую я потом нашла на приборной панели своей машины возле дома Эйдана.

Та, которую я оставила надежно спрятанной в ящике стола.

У меня перехватывает дыхание. Мое сердце начинает бешено колотиться. Свирепый порыв ветра заставляет кухонные окна дребезжать. Затем с потолка падает маленький металлический предмет, который со звоном приземляется на стол рядом с монетой. Он возвращается мгновение, прежде чем застыть, свет отражается от его закругленного края.

Это мое обручальное кольцо.

Я смотрю широко раскрытыми глазами на монету и кольцо, мой пульс учащается, в груди застрял крик. Я знаю: здесь есть что-то чрезвычайно важное, что я упускаю.

Когда я поднимаю взгляд на Клэр, она спокойно говорит:

— Позвони детективу.

Я шепчу:

— Как мое кольцо провалилось сквозь потолок?

— Позвони детективу, Кайла. У нас не так много времени.

— Что ты имеешь в виду? Что происходит?

Снаружи шторм набирает силу. Дождь хлещет по окнам и крыше. Гремит гром и потрескивает молния. Кажется, что сам дом находится в центре торнадо и вот-вот оторвется прямо от земли и улетит в космос.

Из другого кармана Клэр достает мой мобильный телефон. Должно быть, она взяла его с моего стола. Она протягивает его мне, настаивая:

— Позвони!

В панике я выхватываю телефон у нее из рук. Пройдя через кухню, я роюсь в открытом ящике рядом с плитой, где храню всякий хлам. Я нахожу визитную карточку детектива и дрожащими пальцами набираю его номер.

Отвечает женщина, ее тон резкий:

— Полиция Сиэтла, чем я могу вам помочь?

— Детектива Романа Питерса, пожалуйста.

Наступает пауза, затем она спрашивает:

— Вы его друг, мэм?

Какой странный вопрос.

— Что? Нет, нет, он помог мне некоторое время назад. Мой муж попал в аварию, и он опросил меня и дал мне свою визитку. Я бы хотела поговорить с ним, пожалуйста. Это срочно.

Я поднимаю взгляд и вижу Клэр и Фиону, стоящих у кухонного стола, подбадривающих меня улыбками и кивками.

Женщина на другом конце провода говорит:

— Извините, но это невозможно.

— Почему?

— Детектива Питерса нет.

Я нахожусь в таком возбужденном состоянии, что не понимаю, что она имеет в виду.

— Нет? Вы имеете в виду, что его перевели в другой отдел?

— Нет, мэм. Он умер. Внезапная остановка сердца. Я переведу вас на дополнительный номер его заместителя, детектива Брауна. Пожалуйста, подождите.

Я слышу щелчок и короткую тишину. Затем воспроизводится запись мужского голоса, инструктирующего меня оставить свой номер.

Я кладу трубку, чувствуя странное оцепенение.

— Ну, и что они сказали? — спрашивает Фиона.

— Он мертв. Детектив Питерс мертв. Он умер от сердечного приступа.

— Когда?

— Она не сказала. Какая разница?

Нетерпеливо качая головой, Клэр открывает ноутбук и нажимает кнопку включения. Потом запускает интернет-браузер и начинает печатать.

— Что ты делаешь?

— Ищу офис окружного регистратора. Мы можем проверить информацию о собственности по этому адресу, чтобы узнать, кому принадлежал дом до тебя, — она щелкает по экрану в течение минуты, затем вводит что-то в строку поиска. Затем она отступает, нахмурившись.

— Что?

— Этот дом был зарегистрирован на чье-то другое имя?

— Нет. Должны быть указаны Майкл и Кайла Рис. — Я подхожу ближе и заглядываю через ее плечо на экран. — Кто, черт возьми, такие Сэнди и Дэвид Уэйнрайт? Здесь написано, что они купили этот дом в январе!

Где-то наверху хлопает еще одна дверь. Я слышу звук бегущих ног, затем детский смех.

У меня перехватывает дыхание.

Глядя вверх, я говорю:

— Подожди. Маленький мальчик. Мы забываем о нем. Если Данте — призрак в этом доме... кто этот ребенок? А как насчет мужчины в плаще и шляпе? Как он вписывается во все это?

Когда я оглядываюсь на Клэр и Фиону, на их лицах одинаковое выражение печали, наряду с другой эмоцией, которую я видела раньше. Я видела ее на лице Дестини, экстрасенса, которую я посетила и которая пожелала мне счастливого пути, когда я уходила. Это выражение ни с чем не спутаешь.

Это жалость.

Нервно спрашиваю:

— Почему вы, ребята, так на меня смотрите?

Клэр мягко говорит:

— Все в порядке, Кайла. Не бойся. Тебе нечего бояться, моя дорогая.

— Что это должно означать?

— Дай мне телефон, дорогая.

— Зачем?

— Я собираюсь снова позвонить в полицейский участок.

— Зачем?

— Я думаю, есть кое-что, что ты должна знать.

— Например, что?

— Дай мне телефон.

Меня охватывает непреодолимое чувство неправильности. Я отступаю на шаг. Моя кровь превращается в лед. Все волосы у меня на руках встают дыбом, я задыхаюсь.

Снаружи бушует гроза.

Клэр берет телефон из моей негнувшейся руки и нажимает несколько кнопок. Когда знакомый женский голос заполняет комнату, я понимаю, что она нажала на повторный набор, а затем переключила звук на динамик.

— Полиция Сиэтла, чем я могу вам помочь?

— Да, добрый вечер, мэм. Не могли бы вы сказать мне, пожалуйста, когда умер детектив Питерс?

Наступает пауза.

Клэр объясняет:

— Моя подруга говорила с вами минуту назад и была так удивлена новостями, что забыла спросить. Она хотела бы послать цветы на похороны, если они еще не состоялись.

— О. Понимаю. Что ж, боюсь, для цветов уже слишком поздно. Прошло шесть месяцев с тех пор, как он скончался, почти с точностью до дня.

Клэр благодарит ее и отключается. Затем она и Фиона стоят, уставившись на меня с ужасной жалостью в глазах, и ждут.

Как будто издалека я слышу свой собственный голос.

— Это невозможно. Она ошибается. Он опрашивал меня после несчастного случая. Это было всего два месяца назад. Он сидел со мной на причале и опрашивал меня!

Клэр печально говорит:

— Я не сомневаюсь, что так и было.

Мои руки начинают дрожать. Мне трудно сделать полный вдох. Я отступаю еще на шаг. Глядя на нее в поисках помощи, я говорю:

— Фиона?

Она мягко говорит:

— Ты должна понять, дорогая, что очень немногие люди могут общаться с духами.

Мой голос взвивается:

— О чем ты? При чем тут все это?

Она продолжает тем же спокойным, успокаивающим тоном, не обращая внимания на мою панику:

— О медиумах, конечно. О части экстрасенсов тоже, хотя большинство из них — мошенники. Еще на это способны шизофреники, по причинам, которые мы на самом деле не понимаем, хотя, вероятно, это как-то связано с измененной химией их мозга.

Клэр добавляет:

— И кошки тоже.

— Да, это верно. Кошки тоже могут видеть призраков. — Она делает паузу. — Как и некоторые одаренные дети.

Звук детского смеха, доносящийся сверху, заставляет мое сердце учащенно биться.

И оно замирает на месте, когда Клэр говорит:

— И другие призраки тоже могут. Хотя они и не признают друг друга.

Я перевожу взгляд с одной женщины на другую.

— Прости, что?

Одна из лампочек в светильнике над головой взрывается. Сразу за этим — еще одна, наполняя комнату резким треском бьющегося стекла и едким запахом сгоревшей проводки. Холодный порыв ветра свистит в дымоходе с пронзительным воем, который звучит устрашающе, как крик банши.

Строка из последнего письма Данте вспыхивает у меня в голове:

Ты и есть шторм. Ты — источник всего, что происходит.

Затем я вспоминаю кое-что, что Фиона сказала мне в тот день, когда она вошла и включила сигнализацию:

«Дух — это проявляющая себя энергия, сродни электрической буре, набирающей силу до тех пор, пока она не разрядит молнию. Когда дух расстроен, эта эмоция — эта энергия — преобразуется в физический результат. Отсюда твои открытые ящики в шкафу».

И еще одна вещь, которую я только сейчас начала понимать:

«Я бы сказала, что дух, который живет в этом доме, чертовски разъярен».

То, как она посмотрела на меня, когда сказала это, было почти так, как будто...

Как будто она говорила обо мне.

Как армия пауков, холодный ужас ползет по моей коже. Я хрипло шепчу:

— Нет.

Фиона тихо говорит:

— Да, моя дорогая. Боюсь, что так.

С силой взрыва бомбы в моей голове одновременно взрываются сотни разных воспоминаний.

Как была потрясена Фиона, когда увидела меня на следующий день после похорон Майкла. Как она спросила таким странным тоном: *«Так ты останешься в доме?»*

Как все в группе поддержки игнорировали Мэдисон, женщину, чей ребенок был похищен много лет назад. Как она сидела одна в кругу, как будто была невидима для всех, кроме меня.

Как у Эдди, мастера по дому, который одевался как хиппи, не оказалось мобильного телефона, и как он думал, что Дэвид Леттерман всего лишь психотерапевт. И как я не смогла его отыскать.

Как из всех кровельщиков, которым я звонила, не перезвонил ни один.

Как камера слежения зафиксировала только статические помехи, когда я вышла во двор.

Как печально сказала Дестини-экстрасенс: *«Я буду молиться за тебя».*

Как, когда я позвонила в звонок, ее мать открыла дверь, огляделась, а затем закрыла ее, как будто там никого не было.

Смерть. Влюбленные. Перевернутый Маг, указывающий на то, что мне нужно избавиться от своих иллюзий.

Лежащая прямо Десятка Мечей, которая намекала на глубокие раны, болезненный конец...

Предательство.

Слова Фионы: *«Реальность — это просто то, во что мы верим. Каждый из нас создает свою собственную правду, даже призраки».*

Как когда Клэр впервые пришла сегодня вечером, она назвала духа, с которым вступила в контакт, «она», прежде чем исправиться.

Дрожа так сильно, что я едва могу стоять, я шепчу:

— Если ты дашь людям свет, они найдут свой путь.

Когда я встречаюсь взглядом с Фионой, ее глаза блестят от слез.

Я всхлипываю, затем прикрываю рот рукой, чтобы заглушить звук. Затем я выхватываю телефон у Клэр, бегу обратно к ящику для мусора и вытаскиваю вещи, лихорадочно выбрасывая оттуда ручки, заметки, меню еды на заказ и батарейки, пока не нахожу то, что ищу.

Визитная карточка Эдди.

Я не замечала этого раньше, но карточка хрупкая и пожелтела от времени, чернила местами отслаиваются. Она выглядит так, как будто была напечатана десятилетия назад.

Что, вероятно, так и было.

Под звуки бушующей снаружи бури, почти оглушающей меня, я набираю его номер.

Телефон звонит дважды, прежде чем мужчина берет трубку.

— Мастера по дому, сила трех поколений. Чем я могу вам помочь?

Сжимая телефон дрожащими руками, я спрашиваю:

— Можно, пожалуйста, Эдди к телефону?

Его короткое молчание кажется удивленным.

— Э-э, нет. Это Марк. Чем я могу вам помочь?

— Пожалуйста, мне очень, очень нужно поговорить с Эдди. Вы можете дать ему трубку? Он где-то поблизости?

После очередной паузы мужчина на другом конце провода говорит:

— Это шутка или типа того?

Я кричу:

— Просто дайте ему трубку!

Он тяжело вздыхает.

— Послушайте, леди. Обычно я не беру трубку так поздно, но дела идут плохо последнее время, так что я это сделал. Вы заставили меня пожалеть об этом. Желаю вам спокойной ночи.

— Пожалуйста! — я умоляю в отчаянии. — Я должна поговорить с Эдди! Я должна поговорить с ним прямо сейчас!

— Да, ну, это будет довольно сложно, леди, — огрызается он, — потому что мой дедушка умер в 1974 году.

Весь воздух покидает мои легкие. Рыдание застревает у меня в горле. Еще две лампочки на потолке взрываются с хлопком.

— Кайла.

Когда я в панике оборачиваюсь, Фиона протягивает мне один из конвертов Данте.

— Прочти имя на обратном адресе, — мягко говорит она.

Тяжело дыша, я выхватываю конверт у нее из рук.

— Данте Алигьери! — кричу я, трясая головой. — Его зовут Данте Алигьери! Ну и что?

— Нет, просто смотри на это... смотри.

Когда я возвращаю свой взгляд в верхний левый угол конверта, все буквы в обратном адресе теперь движутся, меняясь местами и медленно перестраиваясь во что-то другое.

Я быстро моргаю, пытаюсь прояснить зрение. Это не помогает. Буквы перемещаются вбок, накладываясь друг на друга, а затем выстраиваются в линию, образуя другое имя.

Имя, которое пробивает дыру прямо в моем сердце.

Эйдан Лирайт.

Данте Алигьери — это анаграмма Эйдана Лирайта¹³.

В моем сознании вспыхивает образ цитаты Торо в рамке на стене гостиной Дестини: «Важно не то, на что ты смотришь, важно то, что ты видишь».

Я была слепа. Я отказывалась признать правду.

Я смотрела на все, но вообще ничего не видела.

Слезы текут по моему лицу, я роняю конверт и выбегаю из кухни. Я врываюсь в дверь кабинета Майкла и, рыдая, падаю на его стол.

Я хватаю газету с фотографией Майкла на первой странице. Дрожащими руками я разворачиваю ее до конца: «Местный житель уто...». Когда я вижу остальную часть заголовка, которая была скрыта сгибом, мое сердце перестает биться.

Полный заголовок звучит так: «Местный житель утопил жену».

С другой стороны газеты на меня смотрит моя фотография.

Я вижу себя стоящей у могилы Майкла в день похорон, слышащей, как женщина всхлипывает, произнося мое имя, и с ощущением земли, уходящей у меня из-под ног, понимаю, что имя на надгробии принадлежало не моему мужу.

На нем было мое.

Все это возвращается в мое сознание очень быстро. Запертая железная дверь распаивается, и внутрь вливается ледяной черный океан воспоминаний.

Я кричу.

Окна разлетаются на миллион острых, как бритва, сверкающих осколков стекла, которые мгновенно засасывает шторм и уносит в дождливую ночь. Яростный вихрь вырывает газету у меня из рук и швыряет ее в безумный полет по комнате, разрывая на куски.

Фиона и Клэр стоят в дверях кабинета. Маленькая босоногая фигурка в синей пижаме в ужасе прячется за ними, выглядывая из-за ног Фионы.

Это тот маленький светловолосый мальчик, которого я все время видела на лужайке.

Мальчик, который взглянул на меня всего один раз и закричал от чистого ужаса.

Мальчик, который живет здесь со своими родителями, Сэнди и Дэвидом Уэйнрайтами, которые купили этот дом через месяц после того, как мой муж убил меня.

Майкл не умер.

Эйдан умер.

Майкл убил его.

Прямо перед тем, как он убил меня.

II

ЧИСТИЛИЩЕ

Даже в могиле не все потеряно.

— Эдгар Аллен По

ФИОНА

Когда я сказала Кайле, что призраки — это просто души, которым есть что рассказать, это была правда. Но особенность призраков в том, что они ненадежные рассказчики. Особенно когда рассказывают историю самим себе.

Понять, что ты мертв, — дело сложное.

Позади меня раздается крик. Я поворачиваюсь и вижу Сэнди, бегущую по коридору к нам со всех ног, ее глаза широко раскрыты, а лицо белое. Цепляясь за мою ногу, Беннетт разражается слезами, когда видит свою мать.

Она подхватывает его на руки, крепко прижимает к груди и в ужасе смотрит в комнату. Перекрывая рев ветра, она кричит:

— Он сбежал из постели. Боже мой, что происходит?

— Отведите его обратно наверх! — кричит Клэр.

Бумага пролетает мимо, поднятая штормом, извиваясь, как сломанные птицы в полете. Занавески рядом с разбитыми окнами хлопают и колышутся. Фотографии в рамках отрываются от стен и разбиваются об пол. Книги вылетают из книжного шкафа, как будто пули из пистолета. Настоящее световое шоу взрывающихся лампочек на потолке и светильников, осыпаящих комнату брызгами сверкающих белых искр.

Это зрелище звука и ярости. Видимый хаос, когда разбивается невидимое сердце.

— Я знаю, бедняжка, — бормочу я, наблюдая за этим безумием. — Мне так жаль.

Место, где всего несколько мгновений назад стояла Кайла, теперь опустело.

Сэнди бежит обратно тем же путем, каким пришла, прочь по коридору с Беннеттом на руках. Они вернутся к Дэвиду наверх и будут ждать, пока мы с Клэр сообщим им, что дух Кайлы Рис наконец покинул их дом.

Однако им, возможно, придется подождать некоторое время.

Нам еще есть что рассказать.

ЭЙДАН

Я почти с самого начала знал, что Кайла — это то, что мне нужно. Эти глаза, понимаете? Такие красивые, но такие грустные.

Нужно было некоторое время, чтобы выяснить, из-за чего она так расстроена. К тому времени я рассказал ей о своем отце, о том, каким жестоким он был. О том, что я сделал, чтобы защитить свою мать от его жестоких приступов ярости.

О том, как я провел время в тюрьме.

Судья была снисходительна, потому что я был несовершеннолетним. Показания моей матери тоже помогли, как и все другие свидетели, которых вызвала защита, чтобы доказать, что мы жили в аду.

Но все же. Факты есть факты. Я был осужденным преступником. Так некрасиво, когда ты произносишь это вслух.

Что удивительно? Кайла никогда не осуждала меня за это. Она никогда не смотрела на меня как-то иначе. Она не позволила этому встать между нами, когда у нее были все основания сказать «Все кончено» и уйти.

Она и так через многое прошла. Ей не нужно было все мое дерьмо вдобавок к своему.

Говорят, ее муж был гением. Блестяще, как будто это что-то компенсирует. Как будто это объяснение и оправдание в одном флаконе. Он был какой-то большой шишкой, профессором математики в университете, с мозгом, похожим на суперкомпьютер.

Суперкомпьютер с критическим сбоем.

На самом деле, с двумя. Параноидная шизофрения — первый из них, а огромное это — второй.

Знаете, что происходит, когда ты болен, но слишком самовлюблен, чтобы признать это?

Ты не принимаешь свои гребаные лекарства, вот что.

Да. Тогда дерьмо выливается наружу.

Затем ты начинаешь делать то, чего обычно не делал бы, если бы держал свое дерьмо под контролем. Скажем, например, разбиваешь кувалдой каждый телевизор в доме, потому что убежден, что правительство шпионит за тобой через экран. Или, может быть, снова и снова пишешь одно и то же квадратное уравнение в блокноте и говоришь своей жене, что это язык Бога, который диктует тебе магнит на холодильнике — а сам магнит это ничто иное, как скрывающийся ото всех ангел. Или, возможно, стоишь у местного продуктового магазина и кричишь всем входящим, что брокколи — это инопланетяне, прячущиеся среди нас и замышляющие захватить планету.

Майкл и Кайла поженились молодыми. До того, как его болезнь обострилась. До вспышек гнева. До госпитализаций.

До того, как все деньги начали уходить на его лечение.

До того, как он так сильно ударил ее в живот, что у нее случился выкидыш.

Он думал, что она была оплодотворена инопланетной брокколи. Он думал, что спасает ее.

Я заплакал, когда она рассказала мне об этом. Я не выдержал и разрыдался, потому что это было пиздец как ужасно.

Потом она рассказала мне о том, как он преследовал ее с момента расставания, и эти

слезы высохли чертовски быстро.

Я хотел, чтобы она получила запретительный приказ¹⁴, но Кайла сказала, что, кроме вышеупомянутого пинка, который, по понятным причинам, положил конец их браку, Майкл был жесток с ней только один раз, много лет назад. Это было за день до их свадьбы. Он потерял самообладание из-за какой-то мелочи и схватил ее за руку. Он извинился, но это встревожило ее.

Оглядываясь назад, она сказала, что это был первый признак того, что что-то в его мозгу изменилось. Первоначальный намек на то, что в конечном итоге все пойдет так ужасно неправильно.

Я бы не винил его. Если бы он принимал свои лекарства, я бы действительно не стал. Психическое заболевание — это не то, что вы делаете с собой сами. Это не выбор. Ваш мозг атакуют химические вещества, которые находятся вне вашего контроля.

Однако то, что находится в вашей власти, — это ваша реакция на эти атаки.

Он был слишком горд, чтобы придерживаться своего плана лечения. Он думал, что сможет справиться со своей болезнью сам. В своем высокомерии он думал, что одной силы воли достаточно, чтобы победить биологию.

Он был неправ.

Кайла поплатилась за это высокомерие. Мы оба.

Но, как я и сказал ей в своем письме, это цена, которую я с радостью заплатил бы миллион раз. Даже если бы мне пришлось делать это каждый день до скончания вечности, я бы вскрыл себе вены лезвием бритвы и с радостью обескровил бы себя досуха.

Я не собирался жить без нее.

Так что умереть за нее было единственным выбором.

Моя ошибка заключалась в том, что я думал, что одна моя кровь удовлетворит монстра в голове ее мужа.

К сожалению, он оказался более кровожадным, чем я себе представлял.

КАЙЛА

Четыре месяца назад

Сидя за кухонным столом, уставившись на обручальное кольцо на ладони, я перебираю все воспоминания о браке с Майклом, как хорошие, так и плохие, пока не понимаю, что причина, по которой я до сих пор не сняла это кольцо, очень проста.

Я отдавала дань уважения мертвому.

Мертвому ребенку.

Мертвому браку.

Умершим надеждам на будущее, которые включали и то, и другое.

Все, чем я когда-то дорожила, исчезло. И единственный способ, которым я могу избавиться от прошлого — сделать то, что делают люди, когда скорбят о том, кого больше нет в живых.

Устроить похороны.

Я поднимаюсь вверх, в нашу спальню, и нахожу в шкафу пустую коробку из-под обуви. В нее я кладу наше свидетельство о браке, свое обручальное кольцо и черно-белую сонограмму ребенка, сделанную на первом УЗИ, а также несколько других памятных вещей.

Затем я выхожу на задний двор с лопатой, которую взяла из сарая, и копаю яму рядом с увитой виноградом беседкой, под которой я сказала Майклу, что беременна.

Когда яма становится достаточно глубокой, я ставлю в нее коробку из-под обуви. Закапываю ее землей, время от времени вытирая слезы с глаз тыльной стороной ладони.

Моему браку уже давно пришел конец, но это все еще причиняет боль. Я знаю, что так будет всегда.

Боль — это цена любви. И чем глубже становится твоя любовь, тем сильнее становится и боль. Не бывает одного без другого.

Я сажусь на корточки, мое горло сдавлено эмоциями. Маленькому холмику потревоженной земли передо мной я говорю:

— Я любила вас обоих всем своим сердцем. Я надеюсь, вы сможете простить меня за то, что я так подвела вас.

Я задумываюсь на минуту, но больше сказать нечего. Поэтому я осеняю себя крестом и возвращаюсь в дом, чтобы переодеться.

Мое прошлое мертво и похоронено, но мое будущее все еще ждет меня.

~

Ему требуется некоторое время, чтобы открыть дверь после моего стука. Уже поздно, и он меня не ждет. Я стою на ступеньке, мое сердце бешено колотится в груди, и все мои нервы горят от желания, пока я слышу его приближающиеся шаги. Дверная ручка поворачивается, и вот он передо мной.

Хотя прошло несколько недель, и наша последняя встреча в ресторане «Портовый дом» закончилась не очень хорошо, Эйдан смотрит на меня, как всегда, как будто я первый восход солнца, который он увидел за всю свою жизнь.

Мой голос срывается, когда я говорю:

— Ты сказал мне позвонить, когда я разберусь в себе. Я подумала, что вместо этого постучу.

Он смотрит вниз на мой безымянный палец без кольца.

— Спасибо, черт возьми, — еле слышно говорит он, выдыхая. — Я не могу дышать без тебя, зайка.

Эйдан хватается за меня в медвежьих объятиях и сжимает так крепко, что я тоже не могу дышать.

Потом мы целуемся. Горячие, отчаянные поцелуи, пока он тащит меня через дверь в свою квартиру. Он пинком захлопывает за нами дверь и снова обнимает меня, прижимаясь лицом к моей шее.

Эйдан обнимает меня дрожащими руками, и я благодарна за все, что привело меня к этому моменту, потому что я никогда не испытывала ничего прекраснее этого.

Я шепчу ему на ухо:

— Спасибо.

— За что?

— Ты дал мне пространство, которое мне было нужно, хотя я этого и не хотела. Но если ты попытаешься дать мне еще хоть немного пространства, я надеру тебе задницу.

Его смех низкий и задыхающийся. Эйдан отстраняется и смотрит на меня сверху вниз сияющими глазами.

— Как насчет того, чтобы я дал тебе еще кое-что, что тебе нужно?

Я поднимаю брови и задумчиво говорю:

— Зависит от того, что это.

Его ухмылка становится волчьей, а голос мрачнеет.

— О, я думаю, ты знаешь, что это, маленькая зайка.

Эйдан наклоняется, поднимает меня и перекидывает через плечо, затем несет по коридору в свою спальню, смеясь. Я слабо бью кулаками по его мускулистой заднице. Он встает на колени на матрас и опускает нас на кровать.

Я вздрагиваю и морщусь.

— Ой.

— Что не так?

— У меня что-то под спиной.

Эйдан приподнимается, чтобы позволить мне откатиться в сторону. Из-под меня он вытаскивает книгу.

— Прости. Я читал.

Он отбрасывает книгу в сторону и снова целует меня, но мне слишком любопытно, чтобы так просто забыть об этом.

— Что ты читал?

— «Божественную комедию».

Он пытается завладеть моим ртом, но не может, так как я все еще говорю.

— Что такое «Божественная комедия»? Звучит интересно.

Остановившись, чтобы неодобрительно посмотреть на меня сверху вниз, он сухо говорит:

— У нас сейчас собрание книжного клуба?

Я улыбаюсь и играю с прядью его темных волос.

— У нас есть все время мира, чтобы заняться другими делами, мистер Лирайт. Кроме того, мне любопытно узнать о твоих предпочтениях в литературе.

— Очевидно, мои предпочтения в литературе такие же странные, как и мои

предпочтения в женщинах. Мы не виделись несколько недель, ты в моей постели и мешаешь мне войти в тебя. Что не так с этой женщиной?

Я чмокаю его в губы, затем протягиваю руку и беру книгу, которую Эйдан отбросил в сторону. Это черная книга в твердом переплете, без суперобложки. Название и имя автора выбиты золотом на корешке.

«Божественная комедия» Данте Алигьери.

Я говорю:

— Имя звучит как выдуманное.

Эйдан усмехается.

— Он всего лишь величайший поэт на свете.

— Тогда почему я никогда о нем не слышала?

— Может быть, ты не так умна, как думаешь.

Я делаю кислое лицо. Он ухмыляется.

— Так о чем же эта «Божественная комедия»?

Эйдан вздыхает и скатывается с меня, устраиваясь на спине.

— Это эпическая поэма о путешествии одного человека через ад.

Я смеюсь.

— Звучит как идеальное легкое чтение перед сном.

Эйдан смотрит на меня «улыбающимися» глазами, хотя его лицо выглядит суровым. Он хочет, чтобы я думала, будто он разочарован тем, что я еще не обнажена, но я знаю, что он счастлив просто потому, что я здесь.

Мы оба счастливы поэтому.

Я приподнимаюсь на локте и кладу книгу ему на живот.

— Так расскажи мне эту историю. Как все было? Почему это называется комедией, если речь идет об аде? И почему в фамилии автора так много «и»? Это псевдоним, верно?

Пытаясь подавить смех, он протягивает руку и заправляет прядь волос мне за ухо.

— Я раньше не осознавал, насколько ты странная.

Я легонько ударяю Эйдана в грудь костяшками пальцев.

— Как будто ты такой нормальный. Расскажи мне.

С преувеличенно громким вздохом он тянет меня вниз, просунув руку мне под шею и притягивая меня к своему боку. Я прижимаюсь к нему, закрывая глаза и вдыхая теплый аромат кедра, мускуса и древесного дыма.

Счастье мерцает внутри меня, легкое и воздушное, как мыльные пузыри.

— Данте был итальянским поэтом и ученым, родившимся в тринадцатом веке.

— Неудивительно, что я никогда о нем не слышала!

Игнорируя это, Эйдан продолжает.

— Эта история об аллегорическом путешествии его души через три царства мертвых: ад, чистилище и рай. На этом пути его сопровождают три духовных наставника, которые помогают ему понять, что происходит. В конце концов, он попадает в рай, получает знание о том, кем на самом деле является Бог, и достигает вечного спасения.

Через мгновение я спрашиваю:

— И ты читаешь это в постели субботним вечером?

— «Комедия» считается одним из величайших произведений мировой литературы.

— Пожалуйста, ответь на мой прошлый вопрос.

Посмеиваясь, он целует меня в лоб.

— Не у всех из нас было шикарное университетское образование. Я постоянно занимаюсь, чтобы попытаться наверстать упущенное время.

Я открываю глаза и смотрю на него. Эйдан смотрит на меня в ответ с мягкой улыбкой. Я знаю, что он говорит о времени, которое провел в тюрьме за то, что сделал со своим отцом, но мы еще не обсуждали это по-настоящему, поэтому я не решаюсь спрашивать о деталях. Например, как долго он там пробыл.

Нежно поглаживая мои волосы, Эйдан шепчет:

— Семь лет.

Черт. Этот мужчина умеет читать мои мысли.

Я шепчу:

— Это было ужасно?

Он кивает.

Мое горло сжимается, но мне удастся сказать:

— Мне жаль.

— Это в прошлом. Это то, что имеет значение сейчас.

Эйдан сжимает меня в объятиях и улыбается так нежно, что это может разбить мое сердце пополам. Сдерживая слезы, я закрываю глаза и прижимаюсь щекой к его груди.

Чувствуя, что я на грани, он жалеет меня и меняет тему.

— Что действительно поражает меня в Данте помимо его творчества, так это то, что его имя является анаграммой моего.

— Что означает анаграмма? Близкие по звучанию слова?

После паузы он спрашивает:

— Ты и вправду не ходила в колледж, да?

Я снова бью его в грудь. Эйдан усмехается и говорит:

— Анаграмма — это слово, образованное с использованием всех букв другого слова.

Как «апорт» и «тропа». Ты меняешь местами все буквы, и они составляют другие слова.

Я на мгновение задумываюсь об этом.

— Ладно, это странно.

— Что в этом странного?

— Твое имя и имя какого-то знаменитого итальянского чувака тринадцатого века одинаковые.

— Они совсем не одинаковые.

— Одинаковые, если ты меняешь местами буквы!

Он раздражается смехом.

— Черт, я скучал по тебе.

— Рада, что развлекаю тебя, Бойцовский клуб.

Он снимает книгу со своего живота и откладывает ее в сторону на кровати, затем перекачивается на меня, опираясь на предплечья. Обхватив мою голову руками и заглядывая мне в глаза, Эйдан бормочет:

— Здесь изнемог высокий духа взлет;

Но страсть и волю мне уже стремил,

Как если колесу дан ровный ход,

Любовь, что движет солнце и светила.

Когда он больше ничего не добавляет и только пристально глядит на меня, я говорю:

— Э... ладно.

Эйдан прижимается лбом к моему плечу и снова смеется, на этот раз сильнее, все его тело сотрясается от смеха.

Я ворчу:

— Я не понимаю, что здесь такого смешного.

— Это последняя строка в заключительной песне поэмы, где Данте возносится на небеса и погружается в божественный свет и любовь Бога. Это, наверное, самая известная поэтическая строка в истории.

— Пф-ф. Нет, самая известная поэтическая строка в истории «Я яйца с ветчиной не ем. Я не люблю их, Вот-так-Сэм»¹⁵. Это доктор Сьюз, на случай, если твое чтение не продвинулось так далеко.

Он поднимает голову и смотрит на меня, его глаза полны обожания, а улыбка ослепительна.

Улыбаясь ему в ответ, я говорю:

— Так вот что такое рай, да? Вращающиеся колеса и вращающиеся звезды?

— В любом случае, так было для Данте.

— Как ты думаешь, что такое рай?

Его улыбка исчезает. Его энергия медленно меняется от светлой к темной, как и его взгляд. Глядя глубоко в мои глаза, он мягко говорит:

— Ты.

В этот момент я, наконец, отпускаю свое прошлое и свои страхи и падаю — прыгаю — *лечу сломя голову* в свою любовь к Эйдану.

Я обвиваю руками его шею и вкладываю все это в поцелуй.

Потому что это Эйдан, и он возвращает мне в тысячу раз больше.

~

С той ночи мы неразлучны. Мы проводим вместе каждое мгновение бодрствования и сна. Следующие несколько месяцев — это то, из чего состоят мечты, сказка, ставшая явью.

Затем наступает канун Нового года.

И вместе с этим — конец.

КАЙЛА

Канун Нового года

В свете свечей лицо Эйдана прекрасно, как у ангела.

— Почему ты такой красивый? — бормочу я, проводя пальцем по его скуле, а затем вниз к челюсти.

Его темная борода мягкая и пружинящая под моими пальцами.

Мы лежим в постели у меня дома, лицом друг к другу, бедра к бедрам, грудь к груди. Мои ноги зажаты между его икрами. Моя голова лежит у него на руке. Он использует другую руку, чтобы крепко прижать меня к себе.

Глядя на меня мягким взглядом, Эйдан говорит:

— Это неправда. Ты просто еще немного не в себе после оргазма.

Мой смех низкий и хриплый.

— Это как когда все девушки вокруг красивые после пива, только вместо пива секс?

— Именно. Оргазм затуманил твое зрение. На самом деле я выгляжу как бородавочник.

Улыбаясь, я целую его в кончик носа.

— Ты действительно поразительно похож на бородавочника. Я пыталась пощадить твои чувства, не поднимая эту тему.

Уткнувшись носом в мою шею, Эйдан шепчет:

— К слову о темах, которые поднимаются...

Он сгибает ноги, прижимая свой возбужденный член к моему бедру.

Я снова смеюсь, чувствуя себя счастливой и безрассудной, как будто я стою на вершине высокого утеса и вот-вот свалюсь с края.

— Ты никогда не слышал о рефрактерном периоде?

— Я слышал, но мой член нет.

— Очевидно.

Эйдан приподнимает бровь.

— Ты жалуешься?

Это заставляет меня ухмыльнуться.

— Нет, сэр. Я люблю это.

Он переворачивается на меня сверху. Опустив голову, Эйдан нежно целует меня, шепча мне в губы:

— Скажи это еще раз, зайка.

— Часть, где «сэр», или часть, где «люблю»?

— Обе, — его глаза темнеют, а голос понижается. — Но убери «нет» и «это».

Мне приходится подумать об этом мгновение. Когда я понимаю, что он хочет услышать, мои щеки вспыхивают.

Но я даю ему то, что он хочет. Без оговорок и сожалений, так, как ему это нужно.

Я гляжу ему в глаза. Мое лицо горит, а сердце колотится, пока я шепчу:

— Я люблю, сэр.

Эйдан облизывает губы. Его дыхание становится прерывистым. Тяжелый и теплый на мне, он ощущается как якорь, который удержит меня на плаву, и гавань, которая защитит меня, каким бы сильным ни был шторм.

Медленно проводя большим пальцем взад-вперед по моей щеке, он говорит хриплым голосом:

— И я люблю мою милую маленькую зайку, которая заставляла меня быть благодарным за каждый день моего прошлого ада. Потому что этот темный путь в конечном итоге привел к ней.

Я выдыхаю тихий всхлип, но он заглушает его, целуя меня.

Мне казалось, что Эйдан собирается войти в меня, но вместо этого он перекачивается на спину, увлекая меня за собой, так что я оказываюсь на нем сверху. Убирая мои волосы с лица, он небрежно говорит:

— Сегодня в полночь должен быть фейерверк.

— Ух ты.

— Что?

— Поговорим о разочаровывающем переходе. Я думала, ты собираешься снова заняться со мной любовью.

Он усмехается.

— Я хотел, но потом мне пришла в голову гениальная идея взять лодку, чтобы в следующий раз, когда я заставлю тебя кончить, над головой взорвался фейерверк.

— О. Да, это был бы незабываемый способ отметить Новый год.

Мы улыбаемся друг другу. Эйдан говорит:

— Я купил шоколад и шампанское. Просто на случай, если ты согласишься.

— В какой вселенной я не согласилась бы, чтобы ты накормил меня шоколадом и напоил шампанским под небом, наполненным фейерверками, после того, как подаришь мне умопомрачительный оргазм?

— О, так я тебя теперь еще и кормлю? — он закатывает глаза в притворном смятении. — Я должен делать всю работу.

Я прижимаюсь поцелуем к его губам и шепчу:

— Бедный малыш.

Эйдан бросает меня на спину и рычит:

— Осторожно. Бородавочки едят заек на ужин, — затем он кусает меня за шею и щекочет, заставляя кричать.

Смеясь, он поднимается. Я с улыбкой наблюдаю, как Эйдан забирается в шкаф. И вот он уже одет.

— В твоих же интересах быстрее одеться, — говорит Эйдан, одаривая меня порочной ухмылкой, когда выходит из комнаты. — Я жду тебя внизу.

Я вскакиваю с кровати и одеваюсь так быстро, как только могу, натягивая джинсы и толстый свитер поверх рубашки с длинными рукавами. Сегодня вечером дождя нет, но при температуре ниже десяти на воде будет холодно. Я засовываю ноги в ботинки и, ухмыляясь, спускаюсь вниз.

Странно, как от радости тело становится легким. Если бы я сконцентрировалась, держу пари, что смогла бы оторваться от земли.

Я нахожу Эйдана на кухне — он загружает шампанское, шоколад и пару бокалов в корзину для пикника. Я поддразниваю:

— Посмотри на себя, такой домашний.

— Я думаю, что слово, которое ты ищешь, «романтичный».

Я подхожу к нему сзади и обнимаю за талию. Прижимаясь щекой к широкой спине, я

бормочу:

— На самом деле, слово, которое я ищу, «потрясающий». Нет, «замечательный». Нет, это тоже не то. Хм...

— «Великолепный», — добавляет Эйдан, поворачиваясь, чтобы обнять меня. — И я не против «поразительного».

— Еще бы ты был против.

Эйдан целует меня, обхватывая мое лицо руками. Это сладкий поцелуй, но он быстро становится жарким. Я вырываюсь из его объятий, смеясь.

— Ладно, Бойцовский клуб, давай уже поедем, или мы никогда не выберемся из кухни.

— Такая властная, — говорит Эйдан, качая головой. Он пытается нахмуриться, но не совсем справляется с этим.

— Я принесу пару одеял. Встретимся у задней двери.

Я оставляю его на кухне и отправляюсь рыться в бельевом шкафу в гостевой спальне в поисках сложенного стопкой белья. Выбрав два толстых и мягких одеяла, я накидываю одно на плечи, а другое несую туда, где Эйдан стоит в ожидании у двери с плетеной корзинкой в руке.

Когда я набрасываю одеяло ему на плечи, он корчит гримасу.

— Ты понимаешь, что бородавочки не мерзнут, верно? Мы слишком круты для этого.

Я отмахиваюсь от него.

— Помолчи, мачо. Ты поблагодаришь меня, когда мы будем на воде.

Мы пересекаем лужайку и спускаемся к каменистому пляжу к «Эвридике», пришвартованной в конце причала. Воздух свежий и холодный. Он сильно пахнет сосновым соком, влажной корой и мхом. Над нами небо — чаша глубокого сапфирового цвета, усыпанная звездами. Здесь тихо и безмолвно, если не считать сверчков, поющих нам серенаду своей вечерней песней. Эйдан хватается мою руку и сжимает ее, глядя на меня сверху вниз и улыбаясь.

Если есть рай, я надеюсь, что он именно такой.

Эйдан помогает мне забраться на корму лодки, затем вручает мне корзину для пикника. Он перепрыгивает через край корпуса и отвязывает веревки от кнехтов на борту, пока я поднимаюсь по узкой лестнице на мостик. Возвышаясь над главной и нижней палубами, он дает неограниченный вид на воду.

Лунный свет отражается от темных, колышущихся волн. Сегодня ночью звук спокойный, а небо ясное, что позволит насладиться захватывающим фейерверком.

Я включаю вентилятор на минуту, чтобы удалить пары из моторного отсека, затем включаю аккумуляторы и запускаю двигатели. Проверив показания приборов, чтобы убедиться, что мы готовы отплыть, я обращаюсь к Эйдану:

— Ты готов?

Он не отвечает.

Подойдя к лестнице, я зову громче:

— Эйдан?

По-прежнему никакого ответа. Он, должно быть, не может слышать меня из-за шума двигателей.

Поскольку лестница очень крутая, спускаться по ступенькам более неудобно, чем подниматься. Мне приходится спускаться осторожно, глядя под ноги и хватаясь за металлические перила с обеих сторон. Когда я, наконец, ступаю на палубу, оборачиваюсь,

ожидая увидеть Эйдана в зоне отдыха на корме.

Его там нет. Корзина для пикника одиноко стоит на столе.

Нахмурившись, я заглядываю внутрь главной каюты... и замираю в ужасе.

Эйдан напряженно замер, уставившись на мужчину, стоящего напротив примерно в полутора метрах от него.

Это Майкл.

Одетый в тот же серый плащ и шляпу, в которых я видела его несколько раз за последние несколько месяцев, когда я мельком замечала, как он следует за мной. Он худой и неопрятный, с впалыми щеками и темными тенями под дикими глазами.

Руки Майкла свисают по бокам.

В одной дрожащей руке он сжимает серебряный пистолет.

Я делаю глубокий вдох. Мое сердцебиение ускоряется. Холодная дрожь пробегает по мне, пробирая до костей.

Высоким от напряжения голосом я говорю:

— Майкл, что ты делаешь?

Вращая глазами, он отвечает приглушенным шепотом:

— Он из правительства, Кайла. Он из ЦРУ. Он хочет получить от меня информацию.

Ему нужны мои уравнения.

В ужасе я сглатываю и смотрю на Эйдана. Он стоит совершенно неподвижно, каждый мускул в его теле напряжен.

Мой разум — бешеное животное, царапающее острыми когтями внутреннюю часть моего черепа.

Где он взял пистолет? Знает ли он, как из него стрелять? Он вообще заряжен? Майкл выглядит как бездомный — где он жил? О боже, он что, спал в лодке?

Хотя я в панике и отчаянии, я стараюсь говорить как можно спокойнее и успокаивающе.

— Нет, Майкл. Он не из ЦРУ.

Слюна слетает с его губ, когда он кричит:

— Он из ЦРУ! Он пытается украсть мои уравнения!

Майкл вскидывает руку и направляет пистолет в грудь Эйдана.

Я так напугана, что, кажется, могу упасть в обморок.

Эйдан остается совершенно неподвижным, его лицо бесстрастно, а дыхание неглубокое. Я буквально вижу, как в его голове крутятся колесики, и прихожу в ужас от того, что может произойти дальше.

Проглотив рыдание, я поднимаю руки и начинаю умолять:

— Нет, пожалуйста, выслушай меня. Он не работает на правительство. Я клянусь тебе, что это не так. Он работает на стройке, ясно? Он мой друг.

Майкл облизывает потрескавшиеся губы. Он беспокойно переминается с ноги на ногу. Рука, которой он держит пистолет, теперь сильно дрожит.

Затем Майкл бросает свой дикий взгляд в мою сторону.

— Он... он твой друг?

Я осознаю свою ошибку, когда Майкл поворачивает пистолет в мою сторону. Я отступаю на шаг, крик застревает у меня в горле.

Эйдан твердо говорит:

— Нет. Мы не друзья.

— Она только что сказала, что вы друзья!

— Я лгал ей.

Майкл переводит взгляд с меня на него, затем снова направляет пистолет в сторону Эйдана.

— Лгал?

— Чтобы я мог подобраться к ней поближе. Чтобы я мог получить твои уравнения.

Эйдан смотрит на меня. От того, что я вижу в его глазах, мне хочется кричать. Это так глупо. Так глупо и безрассудно, и это так чертовски похоже на него, самоотверженного дурака.

Нет, боже, нет, этого не происходит, этого не может быть.

Он оглядывается на Майкла и спокойно говорит:

— Отпусти ее. Мы с тобой сможем лучше поговорить, если ее здесь не будет.

— Нет, Эйдан, я не...

— Помолчи, Кайла.

— Я не сойду с этой лодки!

— Сойдешь. Прямо сейчас. Давай.

Дикий взгляд Майкла мечется между нами. В его глазах я не вижу ничего от человека, за которым была замужем. Психоз поглотил его целиком.

Мой пульс — раскат грома в моих ушах.

Как я могу отвлечь его? Чем я могу его ударить? Огнетушитель! Это прямо тут!

Увидев, что я в панике оглядываюсь по сторонам, Майкл внезапно кричит:

— Ты тоже из ЦРУ!

— Она просто напугана, — говорит Эйдан. — Ты наставляешь на нее пистолет. Любой бы испугался.

Тяжело дыша, Майкл шипит:

— Ты не боишься.

— Это из-за моей подготовки в ЦРУ. Кайла, убирайся на хуй с этой лодки.

Черт возьми, Эйдан, нет! Нет! Прекрати!

Слезы текут по моему лицу. Я ничего не вижу из-за них. Мне трудно дышать. Я делаю неуверенный шаг назад, затем еще один, истерика сжимает меня холодной, сокрушительной рукой.

Я могу позвонить 9-1-1. Если я смогу добраться до дома, а Эйдан сможет разговорить Майкла, я смогу позвонить в полицию и привести их сюда, прежде чем случится что-нибудь ужасное.

Я резко останавливаюсь, когда Майкл говорит едва слышным шепотом:

— Нет. Она тоже работает на ЦРУ. Я вижу это по твоему лицу. — Майкл смотрит на меня, повышая голос. — Вы оба должны умереть!

Когда я всхлипываю и закрываю рот руками, Эйдан говорит командным голосом:

— Никто не должен умирать. Просто опусти пистолет, и мы сможем поговорить об этом.

Раскачиваясь взад-вперед с ноги на ногу, с дрожащими руками и выпученными глазами, Майкл кричит:

— Один из вас должен умереть, вы должны прямо сейчас выбрать, кто умрет, кто умрет, кто умрет, если вы не выберете, мне придется убить вас обоих!

Майкл снова наставляет на меня пистолет. Он направляет его прямо мне в лицо.

Единственная причина, по которой я не падаю, заключается в том, что ужас превратил мои мышцы в камень.

Эйдан говорит:

— Если мы выберем, ты застрелишь только одного из нас?

Тогда мое сердце перестает биться. Оно замирает у меня в груди, заглушенное ужасом.

— Нет, Эйдан, прекрати, не говори больше ни слова...

— Майкл?

— Эйдан, нет! Прекрати это!

Майкл кричит:

— Да! — и большим пальцем взводит курок пистолета.

Эйдан смотрит на меня. Его сердце сияет в его глазах. Он мягко говорит:

— Я люблю тебя, зайка. Я буду любить тебя до скончания времен.

Затем он снова смотрит на Майкла и произносит слова, которые я хотела бы никогда не слышать. Но они будут эхом отдаваться в моей голове целую вечность.

— Тогда пристрели меня.

Время начинает течь иначе. Все становится сюрреалистичным, как во сне. Все, что происходит дальше, разворачивается передо мной, как фильм с искаженным звуком и размытыми цветами, который прокручивают на замедленной скорости.

Майкл взмахивает рукой в сторону Эйдана.

Эйдан делает выпад.

Из пистолета Майкла вылетает огненный шар.

Голова Эйдана откидывается назад.

Движение его тела вперед резко прекращается, как будто его ударили о стену.

В центре его лба появляется маленькая красная дырочка.

Кровь и куски мозгового вещества забрызгивают окно позади него.

Эйдан падает на спину, его глаза широко распахнуты, а рот приоткрыт.

Рухнув на диван, он лежит неподвижно и безмолвно, невидящим взглядом уставившись в потолок, в то время как по бежевой подушке под его головой расползается темное пятно.

В ночном небе над нами фейерверк взрывается разноцветными брызгами с треском и грохотом.

Мой крик — это живое существо. Порождение ужаса, неверия и разбитого сердца, пробивающееся когтями к моему горлу. Я лечу через пространство между нами с криком — и он окружил меня повсюду, вибрирует в моих ушах и в моей голове, внутри всех скрытых священных мест в моей душе, к которым прикасается.

Я падаю на безжизненное тело Эйдана, крича и повторяя одно и то же снова и снова, каждая клеточка моего тела кричит вместе со мной.

Нет. Нет. Нет. Нет. Нет.

Он не смотрит на меня. Он не отвечает ни на мои отчаянные мольбы, ни на поцелуи, которыми я осыпаю его щеки и губы.

Он не может.

Он умер.

Истерически рыдая, я цепляюсь за Эйдана, пока что-то твердое и увесистое не ударяет меня по затылку.

Боль пронзает мою голову. Я вижу звезды. На мгновение у меня в глазах темнеет.

Когда я снова могу видеть свет, я лежу на спине, а Майкл тащит меня за запястья по

деревянному настилу к ступенькам для купания в задней части лодки.

Мои слова выходят невнятными.

— Майкл. Что ты делаешь?

Я не могу разобрать, что он бормочет себе под нос. Это поток бессмысленных слов, произносимых между затрудненными вдохами, пока он тащит меня прочь от тела Эйдана. Я пытаюсь вырвать свои запястья из его хватки, но у меня не хватает сил.

Горячая жидкость стекает по моей шее. Кровь. Должно быть, он ударил меня чем-то тяжелым.

Пистолет. Майкл ударил меня пистолетом.

Еще больше фейерверков взрывается над головой. Я вижу их над нами, разноцветные вспышки звезд, окрашивающие полуночное небо, как куполообразная крыша собора. Дым стелется над водой. Где-то далеко лает собака.

Майкл подтаскивает меня к краю кормы и скатывает с нее.

Вода — это холодный черный удар, пронзающий мое оцепенение, как лезвие. Я погружаюсь на мгновение, прежде чем начать брыкаться и молотить руками. Я выныриваю на поверхность, отплеываясь и задыхаясь, дезориентированная и в панике. Страх острый, как нож, вонзается мне между ребер.

Я кашляю и кричу. Двигатели лодки гудят и грохочут. Майкл нависает надо мной на ступеньке, теперь он безумно смеется, его губы обнажили зубы.

Я пытаюсь уцепиться за ступеньку, промахиваясь на несколько дюймов. Майкл опускается на колени и протягивает руку. Я хватаю его за руку, думая, что он предлагает помощь, но быстро обнаруживаю, что это не так.

Он хватается меня за горло и сжимает.

Он толкает меня вниз и держит под водой. Даже здесь я слышу его безумный смех.

Что-то выскальзывает из кармана его рубашки. Оно падает в воду и кувырывается, проносясь мимо моего лица, маленькое и круглое, серебристое и сверкающее.

Это его счастливый никель «Буффало» 1937 года выпуска, без которого он никогда не выходил из дома.

Я брыкаюсь и сопротивляюсь. Мое сердце колотится о грудную клетку. Соленая вода щиплет глаза и обжигает легкие. Фейерверки освещают поверхность воды мерцающим калейдоскопом цветов.

Я не могу убрать его пальцы со своей шеи. Я цепляюсь за руки Майкла, извиваясь и кашляя, чувствуя запах дизельного топлива и пороха, дыма, моря и крови.

Эйдан.

Эйдан.

Эйдан, я люблю тебя. Я люблю тебя.

Мое тело тяжелое. Бурлящая вода надо мной замирает. Я дрейфую, мои волосы развеваются вокруг головы, мои глаза обращены к поверхности, моя рука протянута за помощью, которая не придет.

Ослепительный расцвет красок заливают море надо мной оттенками красного, зеленого и золотого, затем фейерверк гаснет, и все становится черным.

Мое сердце делает последний толчок, прежде чем остановиться навсегда.

III РАЙ

*Смерть не гасит свет; она только гасит лампу, потому что наступил рассвет.
— Рабиндранат Тагор*

КАЙЛА

То, что мы называем памятью, — это слияние воображения и факта. Воспоминания — это истории о важных событиях в нашей жизни, которые мы рассказываем сами себе. В рассказе одни детали теряются, другие приукрашиваются, и правда, в конце концов, становится ближе к вымыслу.

Все как сказала Фиона. Каждый из нас создает свои собственные истины, даже призраки.

Полагаю, я должна была догадаться об этом в день, когда она вошла в дом и отключила охранную сигнализацию, не зная код. Это было в тот же день, когда она сказала, что, по ее мнению, меня что-то беспокоит и что призракам нужно успокоиться. К тому времени она работала у Уэйнрайтов уже больше месяца. Они оставили ее, когда покупали дом, еще не зная, насколько полезной она окажется.

Она не так одарена, как ее сестра Клэр, но этот дар передается по наследству.

Мне потребовались месяцы, чтобы разобраться в воспоминаниях и заново пережить свое прошлое, чтобы понять, что произошло. Я прожила две параллельные жизни, одну прошлую и одну настоящую, оторванная от реальности, но верящая в нее сама, совершенно слепая к правде.

Все, что произошло с Эйданом, было реальным. Как и все, что произошло после Нового года. Но все это перемешалось и перепуталось, потому что быть мертвым и не осознавать этого чертовски странно.

Прошлое. Настоящее. Факт. Память. Все взаимосвязано и является частью целого, как отдельные страницы в книге до того, как она будет переплетена.

Но теперь моя история восстановлена. Моя история рассказана. Книга моей жизни написана до последней главы.

Все, что осталось, это закрыть эту книгу и убрать ее.

~

Когда я открываю глаза, ничто вокруг не выглядит по-прежнему. Стены выкрашены в другой цвет. Ковер заменили деревом. Обстановка незнакомая, как и люди на фотографиях в рамках на стенах.

Дом сильно отличается от того, в котором я когда-то жила. Он другой, но знакомый, как лицо друга, которого ты не видел много лет. Раньше я не замечала изменений, но теперь с моих глаз спала пелена. Все наконец прояснилось.

Шторм снаружи унялся. Все стихло. За окнами гостиной рассвет разливает мерцающий свет по двору и далеким холмам. Я слышу щебет птиц, чувствую запах весны в воздухе и восхищаюсь красотой всего этого.

Раздается звонок в дверь.

Ядвигаюсь к входной двери, подгоняемая силой столь же стихийной, как гравитация, столь же неудержимой, как время. Я поворачиваю ручку, открываю дверь и вижу Эйдана, стоящего на крыльце.

Он залит золотым солнечным светом и улыбается мне, как будто я — первый восход солнца, который он когда-либо видел.

— Привет, зайка, — мягко говорит он, его глаза сияют обожанием. — Ты скучала по

мне?

Я падаю в его объятия. Его объятия слаще тысячи поцелуев, лучше миллиона желаний, совершеннее, чем любая мечта.

— Ты нашел меня, — шепчу я, плача от радости.

Он трется своей щекой о мою, вдыхая мой запах, и крепко обнимает.

— Я никогда не терял тебя. Как ты думаешь, кто звонил в дверь все это время?

Я зарываюсь лицом в его шею.

— Мне жаль. Я не знала. Я не могла видеть. Я была сбита с толку.

Он шепчет мне на ухо:

— Все в порядке. Я же говорил тебе, что буду ждать вечно, если придется.

Когда я поднимаю голову и смотрю на него слезящимися глазами, Эйдан улыбается такой красивой улыбкой, что у меня перехватывает дыхание.

Я говорю:

— Спасательный жилет был приятным дополнением.

— Я так и думал.

— Это ты был во время сеанса или я делала все эти стуки и спецэффекты?

— Это был я. Но все остальное, что происходило в доме, было связано с тобой. Мерцающий свет, открытые шкафы, включающийся и выключающийся телевизор... Я прошу прощения, но ты сделала существование Уэйнрайтов довольно невыносимым.

— Ух ты. Я мертва и мелодраматична. Можно сказать, жизнь после смерти здорово меняет мировоззрение.

— Ты была в шоке. Дай себе передышку, — мягко произносит Эйдан.

— А мое обручальное кольцо, провалившееся сквозь потолок? Монета, которая все время перемещалась? Я полагаю, это тоже был ты?

— Все это сейчас не имеет значения. Важно то, что мы вместе.

— Но подожди, как получилось, что я не понимала, что происходит, а ты понимал?

Эйдан улыбается.

— Может быть, я просто умнее тебя.

— Это ни капельки не смешно.

Повсюду вокруг нас золотой свет становится ярче. Я чувствую приятную настойчивость, тягу вверх, которая усиливается с каждым движением света. Я хочу поддаться притяжению, но сначала мне нужно кое о чем спросить.

— Почему ты ставил почтовые марки на все письма из тюрьмы? Это был ключ к твоему прошлому?

Эйдан улыбается.

— Больше похоже на подсказку о будущем.

— Что ты имеешь в виду?

— Тюрьма штата Вашингтон — место, где содержится по обвинению в убийстве один мудака. Я тут подумал, что нам следует нанести ему визит.

Я вспоминаю, как Фиона сказала мне, что шизофреники могут видеть призраков, и не могу удержаться от смеха.

— О, Эйдан, ты дьявол.

Золотой свет, окружающий нас, становится ярче. Затем Эйдан берет мое лицо в свои руки и целует меня. На его губах я ощущаю вкус вечности.

Это и что-то почти такое же сладкое:

МЕСТЬ.

Расшифровано по записям сеанса от 16 марта, проведенного доктором Патриком Темплманом, судебным психиатром, с Майклом Рисом, в настоящее время ожидающим суда по обвинению в убийстве первой степени.

Доктор Темплман: Спасибо, что присоединились ко мне сегодня, мистер Рис.

Майкл Рис: Я — доктор Рис. И ты говоришь так, как будто у меня был выбор. Они привезли меня сюда в наручниках. Ты заметил наручники?

Доктор Темплман: Как вы себя чувствуете сегодня?

Майкл Рис: Интересно, сколько раз ты произнесешь слово «сегодня», прежде чем перейти к сути?

Доктор Темплман: Как вам известно, мистер Рис, моя цель — определить, позволит ли вам присутствовать на заседании ваше текущее психическое состояние, как это предписано судом.

Майкл Рис: Суд может поцеловать меня в задницу, и ты тоже можешь. И я — доктор Рис.

Доктор Темплман: Вы понимаете выдвинутые против вас обвинения?

Майкл Рис: Позволь мне сказать тебе кое-что. Ты не единственный человек в этой комнате с большим дипломом. У меня их три, ясно? Я доктор философии, магистр и так далее, обучался в заведениях Лиги Плюща. Твоя медицинская степень меня не впечатляет.

Примечание врача: Пациент заметно взволнован. Выражен тремор левой руки — возможный побочный эффект антипсихотических препаратов.

Доктор Темплман: Вам был назначен флуфеназин перорально для облегчения ваших симптомов с момента вашего ареста, это верно?

Майкл Рис: Ты лучшее, что они могли мне предоставить? Ты выглядишь примерно таким же компетентным, как тот адвокат, которого мне назначили.

Доктор Темплман: Какие у вас отношения с адвокатом? Считаете ли вы, что он адекватно описал выдвинутые против вас обвинения?

Майкл Рис: Этот идиот не смог бы адекватно описать цвет дерьма. Видимо, сегодня любой может стать адвокатом.

Доктор Темплман: Не могли бы вы сказать мне, пожалуйста, в чем вас обвиняют?

Майкл Рис: Seriously?

Доктор Темплман: Я пытаюсь оценить, понимаете ли вы, что с вами происходит.

Майкл Рис: Да, я понимаю, что со мной происходит. Меня задерживают за то, что я сделал, находясь во власти психотического срыва.

Доктор Темплман: Мы говорим об убийстве вашей бывшей жены Кайлы и Эйдана Лирайта, верно?

Майкл Рис: Господи Иисусе. Это займет вечность.

Доктор Темплман: Вы помните события тридцать первого декабря прошлого года?

Майкл Рис: Я не слабоумный.

Доктор Темплман: Я приму это за «да». Не могли бы вы, пожалуйста, описать мне, на что, по вашему мнению, похожи нынешние отношения с вашим адвокатом?

Майкл Рис: неразборчиво

Доктор Темплман: Как вы думаете, что произойдет, если вас признают виновным по этим обвинениям?

Майкл Рис: Меня не признают. Такие люди, как я, не должны быть в тюрьме.

Доктор Темплман: Как вы?

Майкл Рис: Я — очень уважаемый член сообщества. Моя работа невероятно важна. Я не какой-нибудь насильник или наркоторговец. Эти люди должны быть за решеткой, а не я.

Доктор Темплман: Вы не считаете, что двойное убийство — это справедливое основание для тюремного заключения?

Майкл Рис: Я не могу нести за это ответственность.

Доктор Темплман: Вы сожалеете о том, что произошло?

Майкл Рис: Я сожалею, что ты тратишь мое время на эти нелепые расспросы.

Примечание врача: у пациента проявляются черты нарциссического расстройства личности.

Доктор Темплман: Все ли вам ясно относительно стадий судебного разбирательства по делу о тяжком убийстве, за которое положена высшая мера наказания? Вам это было адекватно объяснено?

Майкл Рис: Мне ясно, что если меня признают недееспособным, мне не придется предстать перед судом. Чего и так не должно быть. Гениям нечего делать в суде. Или в тюрьме, если уж на то пошло. Ради бога, у меня IQ более двухсот.

Доктор Темплман: Понимаете ли вы, что если вас признают дееспособным, тот факт, что вы совершили убийство, переживая психотический эпизод, не уменьшит ваш срок?

Майкл Рис: Что? Нет, это неправда. Я не понимал, что делаю. О чем ты говоришь?

Доктор Темплман: Проблема в намерении. У вас есть документально подтвержденная история отказа от приема антипсихотических препаратов, причем уже после того, как вам сообщили, что это может привести к вспышкам насилия. Прокурор представит доказательства того, что вы были хорошо осведомлены о возможности причинения вреда своей жене. Он также представит доказательства того, что у вас был длительный роман с коллегой по университету. Шарон, кажется, ее зовут? Или это Карен? Извините, у меня нет с собой этих заметок. Есть также вопрос о полисе страхования жизни, который вы оформили на свою жену. Знала ли она об этом?

Майкл Рис: Послушай, с меня хватит. Я хочу...

Доктор Темплман: Да? Продолжайте.

Примечание врача: Пациент фиксируется на каком-то месте на стене и перестает реагировать. Похоже, он находится в крайнем беспокойстве.

Доктор Темплман: Мистер Рис, вам нехорошо?

Майкл Рис: О боже. О боже мой!

Доктор Темплман: Мистер Рис?

Примечание врача: Пациент кричит. Пытается выйти из комнаты для допросов. Колотит в дверь с видимой паникой.

Доктор Темплман: Мистер Рис, что случилось? Скажите мне, что происходит.

Майкл Рис: Это она! Это она и он, это они оба! О боже! Выпустите меня отсюда! Выпустите меня из этой гребаной комнаты!

Примечание врача: Пациент, по-видимому, испытывает связанные с психозом зрительные расстройства.

Доктор Темплман: Мистер Рис, мы одни в комнате.

Майкл Рис: Она прямо там, блядь, ты гребаный идиот! Смотри! Смотри!

Доктор Темплман: У вас галлюцинация. Вы и я — единственные люди в этой комнате.

Примечание врача: Пациент забился в угол комнаты и снова кричит.

Доктор Темплман: Мистер Рис, не могли бы вы, пожалуйста, успокоиться? Мне придется позвать кого-нибудь, чтобы вам вкололи успокоительное, если вы не сможете себя контролировать.

Майкл Рис: Перестань это говорить! Перестань это говорить! Перестань произносить это слово!

Доктор Темплман: Какое слово вы слышите, Майкл? С вами кто-то разговаривает? О чем они говорят?

Майкл Рис: БУ!

Примечание врача: После того, как охранники усмирили пациента, ему была сделана внутримышечная инъекция фенобарбитала. Пациент был переведен в психиатрическое отделение для дальнейшего обследования.

Послесловие

Идея этого романа пришла ко мне благодаря одному из моих персонажей. Если вы знакомы с серией «Королевы и монстры», в третьей книге «Savage Hearts» Райли похищена Малеком, русским убийцей. Как это бывает, когда человек оправляется от пулевого ранения и находится в заложниках среди глухого русского леса, она начинает писать книгу во время своего плена, чтобы скоротать время. Это о женщине, которая не знает, что она мертва. Мне правда понравилась эта идея.

Так что спасибо тебе за это, Райли.

Есть еще несколько источников вдохновения для этого романа, о которых следует упомянуть. В произвольном порядке это фильмы «Приведение», «Полтергейст», «Шестое чувство», «Другие», «Лабиринт Фавна» и особенно «Лестница Иакова», которые я посмотрела, когда мне было двадцать лет, и от которых я так и не оправилась эмоционально. Также упомяну блестящие романы «Время уходить» Джоди Пиколт и «Мы были лжецами» Э. Локхарт, повесть «Поворот винта» Генри Джеймса, пьесу «Гамлет» Шекспира и «Божественную комедию» Данте. И, наконец, древнегреческую легенду об Эвридике и Орфее, которая повлияла как на сюжет, так и на название лодки Кайлы.

Есть еще одно серьезное влияние, гораздо более личное по своей природе: смерть моего отца.

Мой отец три недели находился на лечении в хосписе на дому, прежде чем умер. Я сидела у его постели в доме, в котором выросла, и наблюдала, как он уходит, пока, наконец, он не умер. Я избавлю вас от подробностей, но это было душераздирающе. Я все еще не оправилась от этого, а прошло уже восемь лет.

Но в те недели произошли две важные вещи, о которых я вам расскажу, потому что они навсегда изменили меня.

Во-первых, прежде чем папа дошел до того, что больше не мог говорить, он попросил меня принести ему его записную книжку. Он хранил ее в большом деревянном столе на колесиках в своем кабинете, под плакатами в рамках с изображением Амелии Эрхарт¹⁶ и истребителей времен Второй мировой войны. В книге были имена и номера телефонов всех его друзей и дальних родственников. *Он подчеркивал имя, если человек умирал, но никогда не вычеркивал его из списка.* Поскольку он был слишком слаб, я сама набирала номера из книги и подносила телефон к его уху, пока он звонил всем, кого любил, чтобы попрощаться.

Прослушивание этих разговоров — одно из самых значимых событий в моей жизни.

И одно из самых болезненных.

Знать, что ты умираешь, — это нелегко. Встретить свою неминуемую смерть с мужеством тоже нелегко. Но мой отец не поднимал шума. Он просто умирал так же, как жил. С компетентностью и спокойным достоинством, делая то, что должно было быть сделано, несмотря на то, что он, возможно, чувствовал по поводу всего этого.

Вы бы не назвали его эмоционально открытым парнем.

Он вырос в Бруклине в 1940-х годах. Его отец умер, когда он был ребенком. Его мать, моя бабушка Элла, была такой же милой, как кактус. Он поступил в колледж на инженерную стипендию и, в конце концов, стал инженером аэрокосмической отрасли. Я ни разу не видела, чтобы он плакал, напивался или выходил из себя.

Он был воплощением этики Величайшего поколения¹⁷: личная ответственность,

самопожертвование, смирение, бережливость, честность.

Я могла бы продолжать, но моя точка зрения такова, что этот человек был более стойким, чем стоики. Его никогда бы не обвинили в капризности.

Вот почему для меня было таким шоком, когда он вдруг заявил, что его навестила мать. К тому времени моя бабушка была мертва уже тридцать два года.

Потом он рассказал мне об ангелах.

— Они прямо там, — сказал он, указывая на потолок над своей кроватью. Как и все его старые друзья, которые уже ушли из жизни. Все просто терпеливо ждали его там, в прекрасном белом свете.

Я не могу выразить, насколько ошеломляюще было слышать, как он так говорит. Он не принимал морфин. Его не пичкали наркотиками. Да, он был слаб и очень устал, но, бесспорно, в здравом уме.

И он видел ангелов и мертвых людей.

Когда позже я поговорила с медсестрой хосписа, чтобы выяснить, было ли это необычно, она сказала мне, что видения загробной жизни — одно из самых распространенных переживаний среди умирающих. Они видят своих близких. Они видят ангелов. Они видят яркий белый свет. Чем ближе они к смерти, тем яснее становятся видения.

Я, мягко говоря, была в сомнении.

— Но не могли ли эти галлюцинации быть просто следствием кислородного голодания мозга? — спросила я. — Химический дисбаланс? Побочный эффект отключения систем организма?

Медсестра из хосписа улыбнулась мне, как будто я была милым, но очень глупым ребенком.

Она так и не дала мне ответа.

Ее молчание преследует меня, как и видения моего отца.

Я не претендую на то, что у меня есть какие-либо ответы, но я оставлю вас с тем, что однажды сказала Хелен Келлер: «Смерть — это не более чем переход из одной комнаты в другую». Я полагаю, мы все, в конце концов, узнаем.

Спасибо моим родителям за все.

Спасибо Джею за все остальное.

Спасибо моим читателям, которые дают мне гораздо больше, чем я когда-либо могла бы дать им.

Спасибо Летиции Хассер из RBA Designs, Саре Фергюсон из Social Butterfly PR, Линд Ингмансон, Wander Aguiar Photography, замечательным членам команды Джессинджер и миссис Прауз, моей учительнице английского языка в шестом классе, которая думала, что я не слушаю.

Я слушала.

Лицами, сталкивающимся с проблемами психического здоровья или злоупотребления психоактивными веществами, Управление по борьбе со злоупотреблением психоактивными веществами и охране психического здоровья США (SAMHSA) предлагает бесплатное конфиденциальное, 24/7, 365 дней в году направление на лечение и информационную поддержку. Адрес в интернете: samhsa.gov.

Заметки

[

←1

] прим. — препарат из группы наркотических анальгетиков

[

←2

] цикл картин американского художника Кассиуса Кулиджа, изображающий антропоморфных собак

[

←3

] прим. — строки из «Божественной комедии Данте Алигьери, перевод М. Лозинского

[

←4

] прим. — Better Business Bureau, BBB, частная некоммерческая организация, занимающаяся повышением доверия рынка к другим организациям. С этой целью BBB проводит оценку бизнеса и присваивает ему рейтинг

[

←5

] разновидность обуви со шнуровкой

[

←6

] «доктор философии», программа подготовки академических работников и специалистов, частичный аналог российской докторантуры. Так же называется и степень, присуждаемая по окончании программы

[

←7

] прим. — героиня и название детектива Стига Ларссона

[

←8

] прим. — куртка первоначально военного назначения, с резинками на манжетах и на поясе

[

←9

] прим. — «Readings by Destiny» одновременно можно перевести и как «Предсказания Судьбы» и как «Предсказания от Дестини». Имя экстрасенса Destiny переводится с английского как «судьба»

[

←10

]

прим. — бренд, разработанный компанией Nike для легендарного баскетболиста Майкла Джордана

[

←11

]

прим. — в христианской религии место, где находятся души, которые не попали в Рай, но и не заслуживают Ада. Не путать с Чистилищем

[

←12

]

прим. — реликтовые или наследственные сорта помидоров выводятся поколениями одной семьи

[

←13

]

прим. по-английски Dante Alighieri и Aidan Leightrite соответственно

[

←14

]

прим. — речь идет о т. н. запрете на приближение к определенному человеку или о совершении в отношении него каких-то других действий. Приказ выдается судьей

[

←15

]

прим. — речь идет об очень популярной в англоязычной культуре детской книге Доктора Сьюза «Зеленые яйца и ветчина». Строка из книги приведена в переводе Елены Тверской

[

←16

]

прим. — американская писательница и летчица, первой перелетевшая Атлантический океан

[

←17

]

прим. — так называют поколение американцев, которые выросли во времена Великой депрессии и сражались во Второй мировой или трудились в тылу, примерно 1901–1927 г.р